ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 48 НОЯБРЬ 1990

ГРУППА РИСКА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 48 (3306)

24 ноября — 1 декабря

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Профессор В. И. Шумаков и его «команда» — люди с пересаженными сердцами. (См. в номере материал «Великолепная восьмерка».)
Фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 01.11.90. Подписано к печати 20.11.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2963. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МЫ ЭТО СДЕЛАЛИ

В Москве завершился крупнейший международный теннисный турнир «Байер Кубок Кремля». Его победителем стал Андрей Черкасов.

Фото Анатолия БОЧИНИНА

Александр ВАЙНШТЕЙН, заместитель председателя Оргкомитета турнира «Кубок Кремля»

Мне кажется, главным спортивным итогом «Кубка Кремля» стало окончательное и, по сути, фактическое оформление Андрея Черкасова в ранге одного из ведущих на сегодняшний день теннисистов мира. Последние два года он ровно, без срывов, преодолевая ступеньку за ступенькой, взбирался по сложной иерархической лестнице Ассоциации теннисистов-профессионалов, попал в сотню, затем в число пятидесяти сильнейших игроков мира. Но в последние четыре месяца произошел настоящий спортивный взлет Андрея, в любом турнире, куда бы его ни приглашали, он на равных играл с фаворитами, и все-таки каждый раз ему не хватало совсем чуть-чуть, чтобы стать первым. В Москве собрался очень приличный состав участников: два игрока из первой десятки, считающейся элитной в теннисе, — Санчес и Гомеш, пять из третьей десятки. Можете представить силу турнира, если Черкасов со своим высоким 31-м номером в списке АТП замыкал восьмерку сеянных, то есть игроков, которых при жеребьевке специально разводят между собой, чтобы они не выбили друг друга на первых этапах турнира. Он был восьмым, но с кем бы из специалистов я ни говорил, каждый видел Черкасова одним из самых реальных победителей «Кубка Кремля».

Все именно так и случилось. Андрей сокрушал каждого из своих соперников мощно и убедительно. В четвертьфинале на его пути оказался знаменитый Эмилио Санчес, переживающий в этом сезоне свой звездный час, но счет 6:3, 6:3 говорит сам за себя, Черкасов не дал ему никаких шансов. Андрей имел над каждым игроком подавляющее преимущество, и здесь показательна такая маленькая деталь: в финале, где наш спортсмен встречался с американцем Тимом Майотом, находящимся сейчас в блестящей форме, во втором сете американец радостно и победно вскинул руки, выиграв у Андрея... один-единственный гейм. Понимаю: это была игра на публику. Но действительно для него и это уже было успехом, он мечтал не о победе, об одном — уйти от нокаутирующего счета 0:6. А Черкасов, не проиграв за весь турнир ни одного сета,

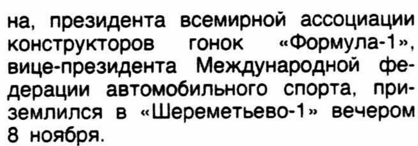
впервые в своей спортивной карьере выиграл соревнования столь высокого уровня. И для нас всех вдвойне приятно, что это произошло именно в Москве.

После этого турнира Андрей Черкасов со своего 31-го места в списке АТП поднялся сразу на десять номеров, вплотную приблизился к первой двадцатке мира. В ближайшее время у Андрея есть шанс подтвердить успех на турнире в Мюнхене с астрономическим призовым фондом в 6 миллионов долларов. Только за выход на корт в первом туре каждый из 16 игроков получит чек на 100 тысяч долларов. Понятно, что дело не только в сумме, там соберется теннисная элита, и Черкасову предстоит доказать всем, еще сомневающимся, что его присутствие в этой элитной приятной компании отнюдь не случайно.

Вперед, Андрей!

А теперь небольшое послесловие к первым впечатлениям.

Личный самолет господина Экельстона, президента всемирной ассоциации конструкторов гонок «Формула-1», вице-президента Международной федерации автомобильного спорта, приземлился в «Шереметьево-1» вечером 8 ноября.

— Что вас привело в Москву? Это частный визит? Или бизнес?

— И то, и другое. Как частное лицо хочу оценить возможность делового сотрудничества.

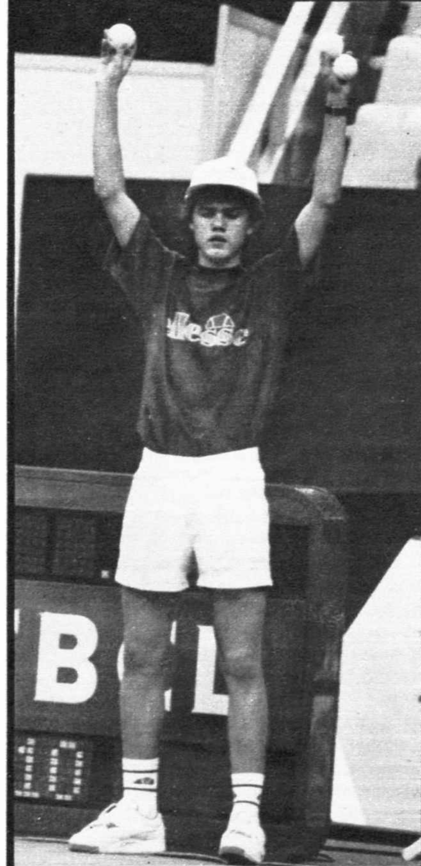
— Ходят слухи, что вы собираетесь построить под Москвой автодром для гонок «Формула-1».

— Не надо опережать события. Я хочу лишь обсудить такую возможность с руководителями Москвы и России. Десять лет назад я встречался с Леонидом Брежневым. Тогда он дал «добро» на строительство трассы в районе Ленинских гор. Надеюсь, мне не придется ждать нового решения еще десять лет.

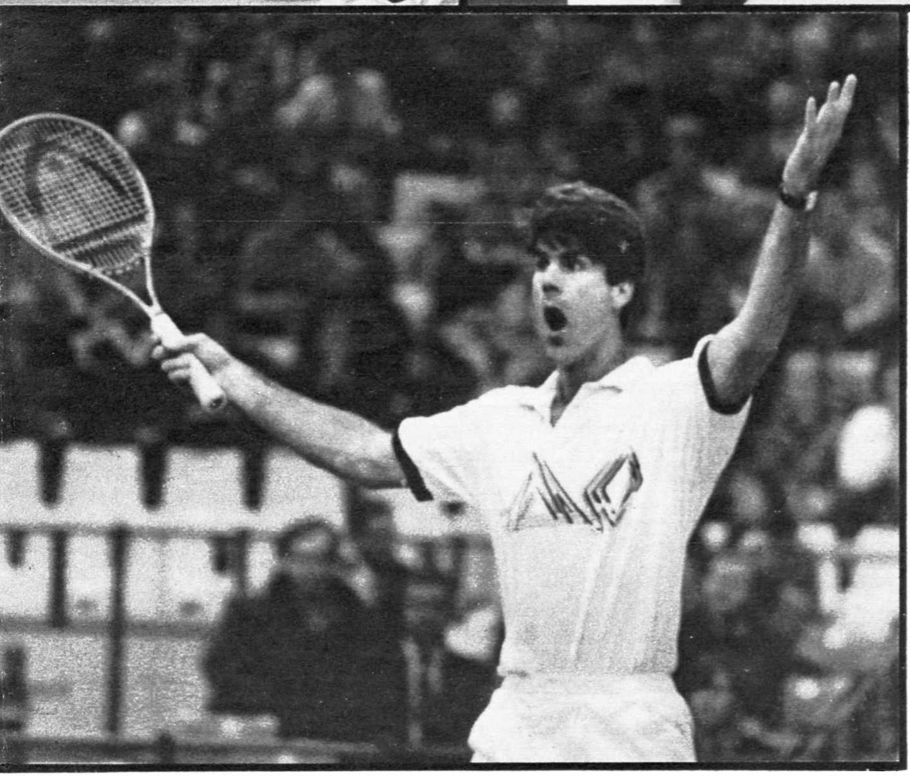
— Вы верите, что ваш проект реален?

— Я здесь. Вот мой ответ. Я специально приехал посмотреть, как организован «Кубок Кремля», и еще раз убедился, что у вас есть люди, которые могут делать дело мирового класса. Хотя теперь я понимаю, что на таком прекрасном стадионе, как «Олимпийский», турнир был обречен на успех.

Господин Экельстон ошибся. Стадион — это стены. А успех делают люди. Очень разные. Турнир был обречен на трудные роды.

Шестого июня 1990 года состоялась презентация «Кубка Кремля» в гостинице «Савой». Она вызвала большой интерес на Западе, но сродни интересу к неизвестному экзотическому плоду, который и хочется на зуб попробовать, да боязно: итог непредсказуем. Во взглядах доброжелательных и вальяжных «хозяев» теннисного мира читалось: «Вы здесь, в Москве, все хорошие ребята, но даже не понимаете, во что ввязались».

Тогда, в июне, этого действительно не понимал никто.

Опыт организации любительских турниров любого ранга шел не в счет, в мире профессионального спорта (читай — бизнеса) свои критерии.

Проблема неконвертируемости рубля открылась с неожиданной стороны. Принцип «деньги решают все» в нашем ирреальном мире, сколько ни вкладывай миллионов, как ни крути, трансформируется в хорошо известное «кадры решают все». С их деньгами в наших условиях и без наших людей все равно ничего путного не выйдет. Все определяют люди, которые входят в дело.

Здесь нас ждала удача. Швейцарский бизнесмен Сассон Какшури связан общим бизнесом с Советским Союзом уже двадцать пять лет — достаточный срок для того, чтобы если не привыкнуть, то узнать нашу действительность. Но вопреки этому, а может быть, именно благодаря, он рискнул вложить деньги в теннисный турнир. Это миф, что на Западе люди живут только тем, что зарабатывают деньги. Они уже давно живут тем, что их тратят. Нам трудно это понять, находясь на параллельных курсах развития цивилизации, которые еще долго не пересекутся.

Конечно, господин Какшури умеет считать доллары. Он уверен, что «Кубок Кремля» в итоге будет прибыльным, но когда стало ясно, что затраты в первый год слишком велики, а доходов не предвидится (права на телетрансляцию так и не были куплены ни одной крупной телекомпанией, продажа валютных билетов за границей шла очень туго: люди сейчас не хотят путешествовать), ему хватило мудрости и дальновидности не выгадывать и не экономить по мелочам, а удержать турнир на уровне, соответствующем рангу первого «Кубка Кремля». Так появилась «теннисная деревня» — ресторан на 500 мест рядом с центральным кортом, организованный по высшему европейскому классу, с финской мебелью, поварами и официантами из Швейцарии, фруктами, доставленными из Израиля, и вином опять же лучших швейцарских, французских марок.

Но, пожалуй, самым большим откровением для меня было то, как много людей и организаций искренне и достаточно бескорыстно помогали турниру.

Счастливая идея — обратиться с просьбой стать председателем оргкомитета к тогдашнему заместителю Председателя Совета Министров СССР, а ныне Председателю Совмина России Ивану Степановичу Силаеву — оказалась решающей. Убежден: без его реальной помощи, учитывая масштаб соревнований и объем организационных проблем, турнир бы не состоялся. Но при всем этом сейчас, когда и Указ Президента никому не указ, только добрая воля могла помочь выжить турниру.

Кто знает специфику теннисных турниров, тот понимает, что игроки и их тренеры, перелетая из страны в страну, из города в город, не имеют возможности вовремя получать визы. У нас это могло стать проблемой, точно так же, как и доставка огромного количества разнообразных грузов из многих стран, необходимых для проведения «Кубка Кремля», точно так же, как размещение гостей и участников в гостиницах «с листа», без предварительного бронирования, точно так же, как и безопасность иностранцев, приехавших на турнир (в мировой теннисной практике гонорары игроков, входящих в первые 20 номеров, исчисляются шестизначными цифрами, да и околотеннисная публика отнюдь не бедствует).

Я никогда не предполагал, что Аэрофлот, МИД, МВД, «Интурист», Таможня, Моссовет, Мособщепит, Торгово-промышленная палата, Минкультуры, Гостелерадио — боюсь кого-то не назвать — могут так оперативно и доброжелательно решать вопросы, о которых в обыденной, повседневной жизни вряд ли захотели бы даже слышать.

И еще одна неожиданность. Я имею в виду то, как быстро находили общий язык люди из разных стран, самых разных уровней и профессий. Рядом с поварами и официантами из Швейцарии работали ребята из ресторана «Прага»; директор турнира американец Юджин Скотт, директор знаменитых турниров «Набиско Мастерс» в Нью-Йорке, не гнушался решать вопросы с самыми неименитыми сотрудниками Федерации тенниса СССР, всеобщий любимец, представитель фирмы «Элессе», итальянец Рудольфо Винти не уставал улыбаться бесконечному количеству посетителей, желающих получить сувениры из последней коллекции спортивной одежды. Даже один из руководителей фирмы «Байер», главного спонсора турнира, вложившего в него 1 миллион долларов,— господин фон Ланкен-

Шульц приглашал желающих в свой шикарный офис в «теннисной деревне» на кружку знаменитого немецкого пива.

Это пиво, кстати, отведал и Борис Ельцин, который выкроил время и приехал посмотреть любимый им теннис. А когда после этого он, осматривая коллекцию «Элессе», получил от Винти в подарок фирменные часы, то тут же снял с руки свои японские и вручил их опешившему итальянцу.

Теперь о главном. Что скрывать, при подготовке возникали и кризисные ситуации, иногда они заводили в тупик, когда стороны просто не хотели слышать друг друга, что, впрочем, нам знакомо не только по теннису, но и по парламентским дебатам. Да и сегодня не все разногласия между организаторами сняты: слишком разные люди, разные службы были вовлечены в работу.

Я намеренно оставляю за скобками то, почему мы даже праздник не можем делать, не омрачив его недоверием и желанием нажиться за счет партнера. Хотя если подняться над ситуацией, то, и не раскрывая коммерческих секретов, можно уверенно сказать, что особо пострадавших среди советских организаторов нет.

«Московские новости» взяли на себя весь груз рублевого финансирования турнира и организацию пресс-центра. Сотрудники спорткомплекса «Олимпийский», по утверждению представителя Ассоциации теннисистов-профессионалов Элизабет Лаваль, превратили его в лучший теннисный стадион мира, единственный, где игры в помещении проводились сразу на четырех кортах. Федерация тенниса СССР обеспечила работу основных служб директората.

Понимаю желание только что получившей независимость федерации заработать, но не могу согласиться с мнением ее самых горячих голов постараться решить свои будущие финансовые проблемы за счет первого же турнира. Куда важнее, по-моему, сейчас то, что теннисный мир увидел: в Советском Союзе удалось провести лучший в этом году среди турниров АТП, да еще с наибольшим количеством посетивших его зрителей (на финале — 15 тысяч человек). Хорошая репутация — прекрасный задел для будущей самостоятельной жизни.

А с тем, что целью всей деятельности федерации должно быть развитие тенниса, кто же спорит. (Потому столько людей и помогало турниру.) Только вот уберечься бы в суете от поверхностного восприятия происходящего.

Если удастся соединить напористость президента федерации Игоря Волка, дипломатичность, дружелюбие и профессионализм старшего тренера сборной Шамиля Тарпищева с трезвой и самокритичной оценкой собственных сил и возможностей, подкрепив это желанием огромного числа людей служить теннису, только тогда федерация обретет не юридическую, а реальную способность к самостоятельной деятельности.

Надо обязательно сохранить в себе ощущение праздника от завершившегося первого «Кубка Кремля». Ибо с праздником приходит надежда. Надежда, которая целых семь дней витала в спорткомплексе «Олимпийский», где каждый попадал словно в оазис совсем другой — уютной, светлой и сытой — жизни в самом центре неспокойной и мрачной Москвы. Надежда на то, что мы можем быть частью цивилизованного мира. По сути, это была неделя эксперимента, когда западный капитал и помощь наших людей и организаций впервые дали столь обнадеживающий и всеми признанный, по самым строгим мировым стандартам, результат. Я думаю, его значение выходит далеко за границы теннисного корта.

Юджин Скотт сказал мне: «Знаешь, за эти дни все так устали, что до конца сейчас вряд ли возможно оценить то, что сделано».

Ты прав, Джин. Нужно время. Сейчас главное в другом. Мы это сделали!

Гедиминас КАЛЬЧИНСКАС,
кандидат экономических наук

ВОРОНА В ПАВЛИНЬИХ ПЕРЬЯХ

ЭССЕ ОБ (анти) ГОСУДАРСТВЕННОМ УЧЕТЕ

Народная мудрость гласит: существует три вида лжи — просто ложь, наглая ложь и статистика. Справедливо. Известно, что наша статистика всегда грудью защищала этот самый всякий строй в истории мирового человеческого развития.

Подумайте сами: какой предприниматель, даже наш низкой пробы кооператор, будет содержать целую армию квалифицированных экономистов ради того, чтобы получать заведомо ложные данные? Это совершенно нецелесообразно на уровне предприятий, ибо социалистически они не соревнуются, а для того, чтобы производить нужные товары и делать прибыль, прежде всего необходимо располагать добротной информацией. Это бессмысленно и на уровне нормального государства, так как при «многопартийном хаосе» всегда найдутся разоблачители голых королей.

Раскроем последнее издание официоза Госкомстата страны — «Народное хозяйство СССР в 1988 году», которое, кстати сказать, готовилось к изданию в конце восемьдесят девятого. Как ни верти, получается — на пятом году торжества свободной мысли.

Если верить своим глазам или по крайней мере глазам Госкомстата — дела наши идут как по маслу. Взглянуть хотя бы в таблицу, красноречиво именуемую «Основные показатели социально-экономического развития СССР (в процентах к предыдущему году)». Из 21 показателя за 1988 год только два недотянули до ста. К тому же уменьшение одного из них (численность рабочих и служащих) можно даже считать позитивным. И вообще начиная с 1980 года почти по всем позициям явный рост. Особенно ярко он проявился в 1988 году. Значит, весь этот перестроечный тарарам экономике на пользу? Явно прослеживается прирост валового национального продукта и произведенного национального дохода, чистой продукции предприятий материального производства, а начиная с 1986 года по двум из трех вышеперечисленных показателей увеличились даже темпы прироста. Невероятно, но национальный доход, использованный на потребление по сравнению с 1970 годом, возрос в 2,3 раза. Правда, едим мы с вами не национальный доход, а вареную колбасу, которую не жрет ни одна уважающая себя кошка.

Начиная с 1986-го и качество продукции улучшается неправдоподобно, а темпы роста промышленной продукции социалистических стран ровно в два раза выше, чем в развитых капиталистических странах. Но зачем тогда, спрашивается, мы с вами весь этот сырбор, эту переделку невесть чего затеяли? Неужели только потому, что жить хочется лучше, чем хорошо? Тогда пора остановиться. Вспомним Вольтера: «Лучшее — враг хорошего». К чему нам этот рынок, если темпы роста по всем видам продукции важнейших отраслей промышленности в СССР и без него значительно превышают аналогичные показатели США? Но это еще цветочки, это как-то можно объяснить. Мы понимаем, что наши вторые штаны увеличивают благосостояние ровно в два раза. И мы догадываемся, что десятые брюки американца, хоть изорвись, не дадут аналогичного результата. А может, понимаем, да не все? Ведь сей гроссбух предназначен не для специалистов. Не станет же кто-то серьезно утверждать, что на основе его данных будут приниматься государственные решения!

Национальный доход — это вновь созданная стоимость, скорость увеличения которой фактически не предопределяется какой-либо базисной величиной, зато всесторонне характеризует уровень развития производительных сил. Если верить Госкомстату, темпы роста в социалистических странах значительно опережают аналогичный показатель развитых капиталистических государств, а национальный доход на душу населения в Болгарии с 1970 года вырос в 2,6 раза (в СССР — в 1,8 раза), тогда как аналогичный коэффициент для США и Великобритании равен 1,4. Неужели мы их действительно обскакали? Конечно же, нет. Страна в упадке, и живем все хуже. И почти все понимаем это, но объяснить не можем. Смотрим умными, грустными глазами, но ничего вымолвить не в состоянии. Как барбосы. Даже хвостом вилять начали перед хозяевами своего положения. Зато цифры говорят сами за себя.

А может, статистики все-таки не обманывают нас, может, они сами заблуждаются и не ведают, что считают?

Иногда и в самом деле не обманывают. Это когда можно оставить в дураках, просто чего-то не договорив или не уточнив. Начиная с того же 1970-го у нас почти в два раза выросло количество блюд, выпущенных предприятиями общественного питания, значительно больше стало производиться чулочно-носочных и трикотажных изделий, и тканей, и обуви, и телевизоров, а также книг, журналов, газет и вообще почти всего, чего нам надо.

Но действительно ли нам нужно то, что сосчитал Госкомстат? Я, например, сроду не ел блюдо и не покупал чулочно-носочных изделий. Я, наивный, доселе думал, что приобретаю совершенно конкретные носки. И меня абсолютно не волновало многообразие чулок при полном отсутствии оных. И я уверен, что правительство мне не поможет. Оно не в состоянии сделать этого по той простой причине, что не предназначено для такой работы. Это может и должен сделать только рынок. Но ему статистика такого рода тоже никогда не понадобится. Даже простой вильнюсский базар, не обладающий Совмином и тем паче Госкомстатом, уже сегодня может предложить почти все.

Но самое печальное, что эти данные не сваливаются на наши бедные головы за так. Над ними коптят в буквальном смысле этого слова миллионы счетных работников, начиная с рядового табельщика и заканчивая председателем Госкомстата СССР. А если к ним еще присоединить инженеров, учителей и продавцов, которые тоже считают, вместо того чтобы творить, учить и обслуживать... Вот апогей тупости — форма № 3 торгстатотчетности, утвержденная Госкомстатом СССР 06.07.1989. Согласно этой форме, государство интересуется, сколько продано и сколько осталось в продаже на конец отчетного периода вот чего (соответственно по строчкам): 101 — мяса и птицы, 103 — рыбы всякой, 137 — мороженого, 253 — парфюмерно-косметических товаров, 254 — галантереи, 270 — электротоваров, 275 — печатных изданий и т. п. Разрешите полюбопытствовать, кто и какие выводы может

сделать, основываясь на этих данных? А может, все-таки есть надежда, что однажды услышим: «Ввиду образования по стране сверхнормативных остатков мороженого Госкомстат предупреждает об опасности его таяния. Уплетайте, товарищи!».

Заметим, что вся эта мура не так безобидна, как может показаться. В ней отражается вся наша жизнь, которая тоже становится все абсурднее. Ведь мы действительно едим «рыбу всякую», читаем «печатные издания», смотрим всякое кино и ходим на всякие спектакли. И дети наши учатся во всяких школах, и лечимся мы во всяких больницах. И обратите внимание на такое обстоятельство: если вдруг пропадут те же печатные издания как таковые, то это будет считаться проблемой государства. Но вот если, к примеру, весь Вильнюс завален «Правдой» и «Литвой Советской», а ты днем с огнем не можешь найти «Новый мир», то получается — сам дурак.

Был случай, когда Верховный Совет СССР обратился к цифрам. Это когда депутаты решали вопросы своего обеспечения. Не хочется верить, что наши с вами избранники пекутся больше о своем, чем о всеобщем благоденствии. Этого и нельзя сказать о большинстве из них. Просто, решая свои частные проблемы, они обладали информацией, которую могли осмыслить. А уж какой информацией они располагают, когда решают не только свои, но и наши с вами судьбы, мы уже уяснили. Без информации ничего не получится. Даже наоборот — усердие в таком случае чревато непредсказуемыми последствиями. Как результат этого — весьма опасное положение, название которому regnat, non regit — парламент царствует, но не управляет. Тем более что в депутатский корпус специалистов попало не так уж и много.

А так хочется познать себя! Узнать наконец-то, кто мы и откуда пришли. И к какому берегу мчимся на всех парусах. И на всех ли? Беда в том, что показатели отражают надуманную экономику, отношения, которые в действительности не существуют. Они противны самой человеческой природе. Вот почему когда мы что-нибудь предпринимаем, то результат, как правило, получается прямо противоположный ожидаемому.

Попробуйте, например, объяснить экономисту из государства, хозяйство которого уверенно стоит на ногах, что такое уставный фонд, или восстановительная стоимость основных средств, или фонды на материалы. Он у вас обязательно переспросит: «Что такое фонды — это уже материалы или еще деньги?» «Нет,— уверенно ответите вы,— это не деньги и не материалы. Фонды — это фонды!» И задумается ваш собеседник. И долго, но безуспешно будет думать, что же все это может означать. Потому что он не умеет, его никто не учил думать по-нашему.

Мы же тем временем, кажется, вообще отвыкли экономически мыслить. Причем на всех уровнях. Вспомните хотя бы Т. Драйзера: что делают герои его романов, если вдруг складывается дрянная ситуация. Они прежде всего размышляют, как из нее выкарабкаться или как исправить ее. Мы с колоссальным азартом ищем виновных. Потому что при нашей информационной системе никогда не угадаешь, в кого ткнет перст судьбы — вдруг в тебя самого? Что на захудалом заводишке, что на крупном и передовом. А уж в государстве и подавно. Примеров тому — хоть отбавляй.

Казалось бы, все очень просто: перевернем свою жизнь с головы на ноги, и дело с концом. Каких только не было в нашей истории вымыслов и затей! Любой студент экономического факультета перечислит вам не меньше десяти показателей объема производства и даже объяснит, чем каждый из предыдущих дурен и чем блещет последующий. Сколь торжественно еще вчера совершалось венчание на царство нормативно-чистой продукции! И уже свергают. Вне рынка этот показатель стал просто частью придуманной цены или еще чем-то хуже. И он вопреки надеждам совсем не побуждал к экономии материалов. Он просто не стимулировал их транжирить. Зато настраивал предприятия на расточительство в сфере заработной платы. Поэтому, наверное, и пришлось принять это нелепое постановление о прогрессивном налогообложении на фонд оплаты труда. Найти управу на вымышленный показатель...

Впрочем, можно предположить, что только такие показатели и нужны руководству нашей ненормальной экономикой. Тем более что вне рынка другие вряд ли удастся вычислить. Но что же ждет нас при переходе к нормальной рыночной экономике? Сумеем ли мы вот так вдруг, без специальных разработок, без специалистов перейти на новую информационную систему, которая будет необходима? Ведь рынок не всеобщее благоденствие. Там всем нам придется потрудиться. Так много и так хорошо, что нам, детям убогого, но беспечного общества, даже не снилось. Там все будет серьезно. Платить за каждую оплошность также придется сполна. Надо будет во всеоружии встретить каждую неожиданность, чтобы внезапные удары судьбы не разрушили наш новый дом, который мы еще только собираемся строить. И мы уже не сможем десятилетиями возводить какую-нибудь чепуху, на которую любое цивилизованное общество не позволит себе отвести больше года или даже месяца.

Придется научиться управлять рынком, не административно навязывая ему свою волю, а выступая в качестве сильного, но равноправного партнера. Потому что полностью не управляемый рынок уже анахронизм. Рынок не базар, который, впрочем, тоже регулируется, только чаще всего по ему одному известным законам. И информация там всегда была в цене. Не верьте проповедникам нерегулируемого рынка. Он невозможен уже потому, что в окружении современных экономически сильных государств такой рынок будет попросту закабален ими — правительствами, которые отчитываются не перед нами, а совсем перед другими избирателями. А за голые политические лозунги в парламенты цивилизованных государств уже давно не избирают и в правительства не назначают. У них номер «надо посоветоваться с народом» не пройдет. О чем это собираются советоваться? Если об уровне розничных цен, так я могу сказать за весь народ, причем вполне ответственно и, что называется, не отходя от кассы. А если совет держать намерены по поводу изменения системы ценообразования в свете новой концепции развития экономики, так, извините, не по тому адресу обращаетесь. Народ тут ни при чем. Он знает, чего хочет. Того, чего вы ему наобещали во время шумных предвыборных митингов и съездов и за что были избраны. А уж как достичь этого, наверное, должен знать Совмин с подсказки того же Госкомстата.

Но вот незадача — они тоже не ведают. И не будут знать, пока существует эта скверная система учета. Лучшее доказательство тому — грядущий литовско-советский «бракоразводный процесс». Каждому экономисту должно быть ясно, что порочная методика подсчета взаимных межреспубликанских упреков по методике «ввозим — вывозим» ни к чему конструктивному не приведет. Хотя бы потому, что ввозим и вывозим не только сырье, материалы и продукцию, но и интеллектуальный вклад тоже. Нелепость ситуации очевидна и без перечисления многих обстоятельств: в то время, когда все цивилизованные государства устанавливают квоты на импорт, мы забавляем мир своими зверскими ограничениями на вывозимую продукцию.

Как видите, и здесь все шиворот-навыворот. А значит, государство опять некомпетентно. И беспомощно, потому что никто не застрахован от того, что такая же или похожая чертовщина не возникнет между нами и нашими потенциальными партнерами. И поэтому с нами никто не захочет иметь дела. Можно дать подачку (даже миллиарды, как нам), но никто не будет вкладывать и рубля в общий бизнес с партнером, о котором не только ничего не известно, но который и сам не ведает, что творит. Вот в этом смысле наш учет действительно антигосударственный. В значительной степени и по его милости мы вылетели из мирового рынка и никак не можем вернуться обратно. Так что же все-таки делать? Как считать?

Если вдуматься, вся наша история состоит из одних экспроприаций. Даже в дни безмятежного течения истории постоянно обезличивается все, начиная с честного заработка (а ну его в общественные фонды потребления!) и заканчивая интеллектуальным богатством — ученые, врачи, учителя, журналисты согласно марксовой теории вообще не создают национального дохода, а содержатся — слово-то какое! — за счет труда участников материальной сферы производства.

У «них» все иначе. Государство не администрирует, но своей волей создает определенные условия экономической жизни, то есть определяет правила игры, в которую и само вступает в качестве непривилегированного игрока. Для того чтобы эти правила были оптимальными, государство постоянно следит за процессами, протекающими в стране. И делается это при помощи общепринятой в мировой практике системы национального счетоводства, или, официально, СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ СЧЕТОВ ООН (СНС). Попытаемся в двух словах объяснить, что это такое, чтобы разговор наш протекал в конструктивном русле.

Сами национальные счета в статистике некоторых капиталистических стран стали применяться еще до второй мировой войны. В 1952 году под эгидой Организации Объединенных Наций был разработан первый стандарт СНС, а в 1969-м — второй, действующий и сегодня. С того времени эта система государственного учета распространилась по всему миру и в настоящее время успешно применяется более чем в 150 государствах, в том числе и в развивающихся.

Принципиальное отличие этой системы от советского варианта государственного учета состоит в том, что в СНС данные фиксируются не вразброс, а на специальных счетах при помощи фундаментального принципа двойной записи, которую уже больше пятисот лет успешно применяют в бухгалтерском учете, в том числе и в СССР. На счетах последовательно отражается весь процесс образования, распределения и использования вновь созданной стоимости, что является крайне важным для каждого государства. При помощи развитой системы классификаций счета расщепляются до такой степени, насколько необходимо углубиться в отражаемые социально-экономические процессы (вплоть до конкретных производителей или даже продуктов). Таким образом, информация постепенно агрегируется с низовых экономических единиц до государственного или даже межгосударственного уровня, насквозь пронизывая все их составные части. Благо во всех странах применяется единая методология обобщения данных лишь с незначительными отклонениями.

Национальное счетоводство коренным образом отличается от нашего советского псевдоучета. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что в СНС в основном отражаются финансовые потоки, характеризующие отношения между экономическими субъектами в их взаимозависимости. То есть отражается именно то, чем должно и может управлять государство. Правительство воздействует на производителей или потребителей через финансовые рычаги — чаще всего систему налогов, или просто вкладывая свой государственный капитал в определенные отрасли производства, или же выделяя им пособия. В нашей стране, как известно (еще как известно!), система налогообложения тоже применяется. Однако она, по существу, выполняет лишь фискальную функцию образования бюджета. Иначе и быть не может, потому что наше государство понятия не имеет, как повлияет на экономику дифференцированное налогообложение,— нет учетных данных. В условиях же применения национального счетоводства казна образуется одновременно с воздействием на экономическую активность определенных слоев общества или отраслей производства, поскольку государство имеет возможность «проиграть» на модели СНС последствия его воздействия на хозяйственные процессы.

Привлекает эта система еще и тем, что при помощи ее очень неудобно обманывать, ибо все хозяйство отражено во взаимосвязи, и поэтому лгать тут можно только, что называется, на всю катушку. А такое вранье где-нибудь да вылезет.

Нельзя обойти и еще одной существенной особенности СНС. Эта система решает задачу не столько определения достигнутого уровня развития, сколько при помощи отражения финансовых и материальных потоков в полной мере отражает сам процесс формирования национального дохода в ходе производства продуктов и услуг. Общество может следить за передвижением капитала и при помощи экономических рычагов поставить заслон нежелательным его скоплениям или, наоборот, стимулировать его образование. Категория социальной справедливости в этих условиях достаточно точно может быть выражена системой показателей. Именно за нее, а не просто за хорошего человека могут проголосовать либо не проголосовать избиратели. Поэтому далеко не последнюю роль СНС играет и в деле обеспечения социального мира.

У нас методика СНС все эти десятилетия находилась под сукном. На то была одна весьма щепетильная причина. Дело в том, что, как бы выразиться точнее, она, эта система, не от марксизма.

Сущность системы национальных счетов состоит именно в том, что все вещи учитываются не сами по себе, а лишь в оценке потребителя, который, перед тем как стать потребителем, обязательно выступает в роли покупателя. Вот здесь-то и происходит истинная оценка того или другого товара, хотя при необходимости те же товары могут учитываться и в сравнимых ценах. Это во-первых.

Во-вторых, каждому из нас доподлинно известно, что продаются и покупаются не только вещи, но и услуги. А если вникнуть поглубже, то не получится ли, что мы вообще производим, покупаем, потребляем только услуги, в том числе и те, что предоставляет нам продукция материального производства? Ведь пылесос мы приобретаем именно за то, что он сосет пыль, а не вбивает гвозди. Но марксистско-ленинская политическая экономия считает, что национальный доход создается только работниками материальной сферы производства. Работники же сферы услуг, не создавая новой стоимости, получается, ходят в нахлебниках. Как нахлебники, они и учитываются советской статистикой, потому что эта теория (базис как-никак!) спущена и до уровня показателей. Потому-то и не сходятся концы с концами. И не могут сойтись, ибо из поля зрения учета выпадает огромное количество производителей вместе с продукцией их деятельности.

И, наконец, последнее отличие заключается в том, что в СНС, начиная от

Окончание на стр. 12.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пожалуй, это последняя моя колонка в этом году и практически первый разговор с вами в качестве избранного главного редактора обновляющегося «Огонька» — журнала, принадлежащего нам с вами. Тем, кто делает журнал, и тем, кто взыскательно и дружелюбно его читает.

Мы перестраиваемся. Формируем новые отделы, планируем по-новому освещать многие темы, учимся еще более тесному общению с вами, постоянно ощущая, что без вас, читателей наших, мы ничто. Когда я пишу эти строки, точных данных о результатах подписки еще нет, но уже можно сказать, что те, кто немыслимо взвинтил подписную цену на «Огонек», своего не достигли. Люди — пришло множество писем об этом — собирали деньги, выписывая один «Огонек» на две-три семьи, заказывая нас на полгода, принимая нас в непростую жизнь и сокращающийся семейный бюджет. Это умножает нашу ответственность несказанно.

Сейчас идут интенсивные и, судя по всему, успешные переговоры об издании сочинений Дюма для тех, кто выписал «Огонек». Живя и работая для вас, дорогие читатели, мы сознательно ставим себя в честную зависимость от вашей воли.

Несколько дней назад мы удостоились за это окрика в «Правде». Бывший директивный флагман советской печати опубликовал большой материал с изложением типичных для себя взглядов на информацию и на то, кому ей руководить. Беседуют министерский чин и правдист: один из тех, кто недавно выкручивал «Огоньку» руки, отсекая нас от самостоятельности, и представитель газеты, которая всегда боялась самостоятельности как огня. Вот как пугает А. Горковлюк, заместитель председателя Госкомпечати: «Что такое редакционный коллектив? Условно говоря — это и заместитель главного редактора со сложным характером, это уборщица тетя Маша, это и вахтер у входа в редакцию... Так вот, в случае если трудовой коллектив становится учредителем, все эти лица будут иметь право определять содержание...»

Ах какие откровенные и интересные идут перемены! Еще недавно каждую кухарку призывали поучиться управлять государством, а сегодня уже «уборщице тете Маше» отказывают в праве влиять на общественное мнение. Скоро ли, господа, будете простолюдинов на конюшне пороть?

Опасениям А. Горковлюка вторит его правдинский собеседник Н. Сибирев, предупреждая: «В. Коротич вместе со своим коллективом может единолично решать судьбу «Огонька». Не будем требовать от автора этих слов невозможного, не станем попрекать его нелогичностью («В. Коротич вместе со своим коллективом... единолично». Как это — «с коллективом» и — «единолично?»), но опасения стилиста-правдиста очень характерны: как же так — рядовые люди хотят решать вопросы, к которым их вчера еще близко не подпускали. Сверчки слезают с шестков. Вас пугает такая перспектива? А кое-кого пугает. Даже очень.

Вы себе представить не можете, как сейчас на нас жмут, пытаются отобрать полученные от подписки средства, проучить. Аргументы? Деньги нужны! Так заработайте...

Не хотят. В том же диалоге «Правда» пугает, что «не только партийный аппарат, издательство, но и читатели, даже если очень сильно захотят», не смогут навязать свои желания «Огоньку». Ну читатели-то, положим, смогут. А партийный аппарат при чем?

В этом месте замолкают музы и говорят пушки. По странному совпадению в один день с упомянутым диалогом из главной газеты ЦК КПСС в главной газете коммунистов России опубликована большая, как обычно, статья маршала С. Ахромеева. Отмахиваясь от неопровергнутых народных претензий к армейской бюрократии и привычно сообщая политический «компромат» на оппонентов, то есть не споря по сути, а донося, маршал формулирует и свой аргумент в дискуссии. Он предупреждает, что если «кто-то (будь то сепаратисты или другие антисоциалистические объединения) попытается силой или еще какими-то антиконституционными действиями расчленить нашу страну или изменить в ней общественный строй, то Вооруженные Силы...» и так далее. Короче говоря, они не потерпят во имя «обеспечения единства нашей Родины и сохранения ее общественного устройства...»

Ну вот, республиканские парламенты спорят, провозглашают независимости, создана всесоюзная парламентская комиссия для пересмотра сталинской и брежневской конституций, а маршал грозится. Маршалу видится вражий произвол, и он готов противостоять ему изо всех вооруженных сил.

Тут уж и нелюбезная «Правде» «уборщица тетя Маша» запутается. С одной стороны, нас предостерегают от ее, тети-Машиного, диктата, а с другой — приближают тетю к неким антисоциалистическим силам, которые, по маршальскому разумению, прямо-таки звереют.

Характерно, что никакие понятия не уточняются. Пошли в ход формулы, созвучные призывтым (но не всеми!) «троцкистским бандитам» или «врачам-убийцам». Угрозы нарочно формулируются позахватистей, потуманнее: вот, мол, мы вас!.. Делается совершенно четкая и сознательная попытка остановить идущий процесс, воспрепятствовать тому, чтобы к политической жизни поднимались миллионы новых людей. Народовластие претит прежним властителям, и то наступление, в которое консервативные силы рванулись сегодня, взрывается в отчаянных попытках остановить естественные процессы и пренебречь волей народа.

С тридцатых годов, полагаю, не раздавалось у нас столько угрожающих причитаний в адрес якобы множащихся врагов; давно уже бюрократическая машина не отождествляла себя с социализмом столь горячо и не декларировала столь нескрытно свою ярость. Убежденные, что социализм — это они и есть, отставные и недоотставленные начальники цепляются за неработающую систему, выкликая себе если не союзников, то сообщников. Пытаясь, как прежде, вталкивать мораль, этику, здравый смысл в число классовых представлений, они пугают страну, мучительно ищущую выход из тупиков, понастроенных для нее сегодняшними борцами за прошлое. Сегодня все мы должны быть предельно четки. Издергавшись в поисках врагов, опытные провокаторы, не ровен час, всю перестройку объявят сатанинским замыслом натовских спецслужб. Мне все больше думается, что паника, обуявшая уходящих, толкает эту публику к безрассудству.

Мне очень хочется призвать вас, себя, всех нас к бдительности, к тому, чтобы выполнялся, наконец, наказ коммунистического партийного гимна: «А паразиты никогда!». Властолюбцев же надо отучивать от запугивания народа и от покрикивания на народ. И народ уже не тот, и власть смещается к нему все надежнее.

Спасибо вам за доверие, дорогие читатели и подписчики. Пока мы вместе, пока мы соединены доверием, а не страхом, никто нас не унизит и не победит.

Виталий КОРОТИЧ

■

Прочитал я консультацию «Офицер... в кооперативе?» (газета «Красная звезда» от 23.8.90), в которой на короткий вопрос «Могут ли военнослужащие входить в кооперативы?» долго (и, главное, путано) отвечает полковник юстиции Г. Луценко, начальник юридической службы ГУК МО СССР. И задумался сразу же над ответом товарища полковника: «...Для нас военная служба — профессия. Ее просто невозможно совмещать с производственной кооперативной деятельностью с целью извлечения доходов». И вот, как ни старался, не нахожу логики в этих рассуждениях.

Во-первых, юристу хорошо должно быть известно, что не запрещено законом, то разрешено. А в Законе о кооперации нет никакого прямого запрета военнослужащим.

Во-вторых, автор консультации милостиво отмечает, что «офицеры... могут удовлетворить свои жилищно-бытовые потребности через соответствующие потребительские (а не производственные!) кооперативы: гаражные, жилищно-строительные, а также садоводческие и садово-огороднические товарищества». Интересно, как предполагает товарищ полковник удовлетворять через них потребление без производства, без затрат времени и труда? Если он владеет этим «секретом», то пусть поделится, десятки тысяч офицеров будут ему очень признательны за это.

В-третьих, офицер в свободное время может написать книгу (не только на военную тему!) и получить за это гонорар, изобретать в любой области и воплощать «в металл» свои или чужие идеи и др.— это не преследуется, в таком случае трата времени, отрываемого от «военной подготовки», не требует (насколько мне известно) разрешения свыше. Но, не дай Бог, решит он часть этого свободного времени потратить на то, чтобы улучшить свое (или семейное) социальное положение работой в кооперативе — тут же сразу начальство прикрикнет: «Низ-зя!..»

И приходится офицерам действовать по принципу «папа решает, а Вася сдает», благо хоть женам нашим мудрое дальновидное руководство Министерства обороны пока еще не запретило вступать в производственные кооперативы (хотя что́ только им, не призванным на военную службу и не принимавшим военную присягу, не предписано приказами и директивами Министерства обороны!). Даже выгодно оказывается — женам-то партвзносы не платить. Но зато офицеры не извлекают доходов!

Посоветовал бы тов. полковник видным военным руководителям, чтобы и они не тратили даром своего драгоценного армейского времени. А то слушаешь выступления депутатов-военачальников, как горячо обещают трудиться на депутатском посту для блага людей, да при таких-то служебных обязанностях когда же им успевать «быть в постоянной боевой готовности, надежно защищать социалистическое Отечество, все свои силы отдавать делу защиты Родины»?

Может быть, им помогает сознание того, что «свободное» свое время они используют не для «цели извлечения доходов»? Или считают, что в нашей стране производственные кооперативы все как один работают против этого самого Отечества?

Ну как, смешно вам или грустно?

Р. ХАМИТОВ,
капитан 3-го ранга
Ленинград

■

Почему наших детей обязывают носить только школьную форму? Потому что это удобно, когда дети в одинаковых формах тоже все одинаковые, и отношения учителей, завучей и директоров с ними строятся по принципу «Я начальник, ты дурак!».

Не надо сваливать на то, что нечего носить. Ведь работники просвещения не ходят на работу в форме! Хорошо бы вам попробовать 9 месяцев в году, с 8 утра до 6 вечера, ходить в дешевом, уродливом платье или костюме, которые надо стирать каждые 3 дня и которые после трех-четырех стирок превратятся в половую тряпку, но ее не снимешь до конца мая, несмотря на жару.

В детский сад дети ходят до семи лет чисто и всегда по сезону одетыми. А до 17 лет? Неудивительно, что если вдруг в 7-м классе отменят для пробы форму на день, или неделю, или по субботам, то любой ребенок постарается надеть все самое, на его взгляд, лучшее. И откуда тут взяться вкусу, если они много лет ходят в сине-коричневом цвете с обвисшим фартуком? Вкус надо воспитывать каждый день! И если не будет формы вообще, дети начнут одеваться так, как им удобно для работы.

Как ввели школьную форму, прошло 47 лет. Сталина сменили Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев. А форма не изменилась. Если мы хотим вырастить свободных людей в свободной стране, то обязательную форму надо отменять немедленно. Если наши дети — серость, безликость, общая масса, то форма нужна обязательно.

Посмотрите Конвенцию о правах ребенка, которую наша страна ратифицировала 13 июня этого года. Статья 8. 1. Государства-участники обязуются уважать право ребенка на сохранение своей индивидуальности, ...не допуская противозаконного вмешательства.

Так как же нам поступить? Можно ли эту Конвенцию предъявить директору и учителю? Кто мне ответит на этот вопрос?

Но своему ребенку-второкласснику я не буду покупать на этот год дрянной костюм. А чтобы не подумали, что я миллионер и мои дети одеваются на барахолке (хотя это и не запрещено), сообщу, что доход в нашей семье 75 рублей на человека. Двое детей — 4 и 8 лет. Но одеты нормально.

Е. ПЕРЕЛЯЕВА
Иркутск

■

В Указе Президента СССР о порядке изменения начислений процентов срочных вкладов есть оговорка о перерегистрации вкладов с ноября по май месяц 1991 года. Непонятно, для чего нужно делать эту бессмысленную работу. Вынуждать вкладчиков простаивать в очередях, да и на работников сбербанков нагрузка невероятная прибавилась. Какой смысл во всей этой затее с перерегистрацией вкладов? Не лучше было бы просто автоматически увеличивать проценты вкладов тех, кто хранит деньги в банке, с увеличением срока хранения? Здесь или что-то задумали, или недодумали.

СЕРГЕЕВ и др.
Москва

МММ
PERMANENT
marker
352
STAEDTLER

Марина ЧЕРЕДНИЧЕНКО, Владимир ПАНКОВ

ГИПСОВЫЙ ДЕМОН,

ИЛИ КАК НЕЛЕГКО БЫТЬ КОНСЕРВАТОРОМ

Шесть десятков творческих вакансий — такую «кадровую пробоину» получила «Советская Россия». Двое из тех, кто вынужден был уйти из газеты — бывший ответственный секретарь редакции Владимир Панков и ее политический обозреватель Марина Чередниченко,— решились на трудный разговор...

— Володя, как-то зашла в нашу «Советскую Россию». На этаже — ремонт. Доски, обломки, штукатурка — в общем, разруха. Что-то похожее происходит и с самой газетой: шестьдесят журналистских вакансий...

— Видимо, так умирают газеты. Но если одни себя просто творчески исчерпывают, то наша «Совраска» отдает богу душу оттого, что ее загнали. В творческий, политический тупик. «Советской России», которой так гордилась когда-то советская журналистика, просто нет...

— Но это же совершенно несправедливо!

— Это больно, ей-богу, но справедливо. Это расплата за измену. Как это ни иронично звучит по отношению к «Советской России», но она поступилась своими прежними принципами — быть демократичной, чутко вслушиваться в жизнь, стоять на стороне человека, придавленного системой. Газета, и в этом нет ни малейшего преувеличения, подготавливала перестройку.

— Во времена, когда Михаил Федорович Ненашев пришел руководить газетой, и родился этот термин — народная. В ней видели заступницу. А перед уходом из «России» написала я чисто нашенский материал «Фазендейро из Гостюхино» — о мужике из Коврова, который решил вернуться в отчий дом, в деревню, на землю,— и мне уже говорят без всяких нюансов: «Ты берешь под защиту кулака».

— Да, таких людей газета прежде, еще до перестройки, защищала. Иван Васильев писал в полный голос о чувстве хозяина, исследовал истоки «раскрестьянивания». Философия такая уже существовала. Народ уже носил ее в своем сердце. И недаром читатели видели в «России» некое противостояние существовавшему режиму, была в ней здоровая, отмеченная многими (идеологическими блюстителями тоже) оппозиционность.

— Я помню, как вызывали того же Михаила Федоровича Ненашева со всей редколлегией на ковер в Отдел пропаганды ЦК КПСС. Воспитывали... Тем драматичней перерождение газеты, ее превращение в... Не хочу произносить никаких резких слов, ведь в газете продолжают работать наши с тобой коллеги, товарищи...

— Тем интереснее обдумать: почему же так произошло? Почему лидер журналистики доперестроечных времен, газета № 1, с началом той самой жизни, которую она так талантливо и искренне призывала, вдруг превратилась в газету одиозную, которой разве только малолетних детей не пугают. Почему, с какой целью «Советская Россия» сделала себя знаменем какого-то невежественного охранительства, недоброго и, я бы даже сказал, бесчеловечного по своей сути. Она опрометью бросилась защищать тех, от кого так долго страдали люди. В этом не только политическая, но нравственная перемена. «Теперь, из некоторой дали, не видишь пошлых мелочей». Мы теперь с тобой в некотором отдалении от газеты, прошло время, так что, я думаю, можем, отбросив «пошлые мелочи», поглядеть назад. Коллектив позволил произвести над собой что-то подобное хирургической операции по удалению мозга — помнишь картину Босха?

— Я бы сказала, что это была операция по удалению души... Многое, конечно, зависит от лидера газеты, от того, кем он окажется — «хирургом» или «садовником». И тем труднее разговор на эту тему, потому что нам известно то, что знают далеко не все — первый заместитель Ненашева, прекрасный профессионал, душу вложивший в авторитет доперестроечной «России», и нынешний злой «хирург» — одно и то же лицо — Валентин Васильевич Чикин. Многие связывают эту метаморфозу с личностными чертами характера... Вообще-то у меня было золотое, заветное правило — много лет приговариваю: редактора не выбирают!

— Он — от бога?..

— От той самой осознанной необходимости: не стоит тратить силы на перебежки из одной газеты в другую, на выяснение отношений. Не важно, какой человек твой редактор. Важно другое — печатает или нет. Мне, конечно, повезло. За редким исключением. Мои редакторы — Алексей Иванович Аджубей, первый и самый лучший, Юрий Воронов, Борис Панкин. Петр Федорович Алексеев — то самое печальное исключение: не любил, понимаешь, «пишущих» журналистов, не жаловал их, что хорошо почувствовали и «россияне», и «известинцы». Михаил Федорович Ненашев — полная ему противоположность — ценил журналистов как раз за умение складывать слова. И, наконец, В. В. — ученик, кстати, и сотоварищ многих прогрессивных редакторов, перечисленных выше. Я столкнулась с ним в двух ипостасях: и печатал, и хвалил прилюдно — и вдруг перестал... Будто другой человек.

— Был одним, вдруг стал другим... Не бывает так. Одного мудреца спросили: какая разница между тобой и другими? Он ответил: «Если завтра отменят все законы, я все равно буду продолжать жить по ним. Той же жизнью». Есть у человека внутренний закон, логика характера, если хочешь. Вопрос в том, что она не всегда видна. Итак, Главному сказали: будь! Время настало. Его никто «не ломал», никто не приводил к общему знаменателю. Вспомни даже историю с публикацией Нины Андреевой: какие-то поползновения были наказать его, укротить. Кому-то очень хотелось снять его с должности, ввести в рамки перестроечного официоза, так сказать, не дать ему гулять в правый угол. Но ведь не сняли...

— Проявили демократизм, точнее, либерализм. В любом случае добрее стали времена. Хотя сам-то Чикин считает, что он пережил 37-й год...

— Нет, не в самом факте той пресловутой публикации была его беда. Лично я могу ему выдвинуть обвинение в малодушии...

— Это сильно сказано, можно по-другому, ну, не орел...

— Ну уж нет: если ты влез в большую политику, то уж, будь добр, как-то определи свое лицо и не теряй его при первом дуновении политического ветра. Ты помнишь, каким окрыленным ходил Чикин сразу после публикации Нины Андреевой, когда в присутствии всего журналистского генералитета его похвалил Лигачев? Две недели спустя, 29 марта, раздался звонок Михаила Сергеевича Горбачева... И начался политический стриптиз: редколлегия, где было немало убежденных сторонников Нины Андреевой, стала публично каяться. Грустно об этом говорить, но даже «коллективный» ответ на публикацию в «Правде» от 5 апреля писал по просьбе Главного человек со стороны, бывший сотрудник редакции. Какое уж тут раскаяние... И в этой непоследовательности, боязни «старших», в неистребимой привычке держать равнение на Старую площадь — ключ к пониманию многого. А ведь требовались искренность и мужество. Уж коли веришь, что перестройка наехала на твои святые принципы, скажи об этом прямо. А ведь Главный редактор и нас — тех, кто был против публикации «манифеста» и многих статей такого же политического разлива,— долго вводил в заблуждение — всем был памятен другой, иной Чикин...

— Может, придя Главным, он стал более зависимым; видимо, у каждого свой предел оппозиционности: оппонировать Ненашеву — это одно, а Егору Кузьмичу — это уже другое. Я думаю, у него было искреннее уважение к власти. Все мы в известной мере конформисты... Кроме того, у Егора Кузьмича в общении отеческая повадка, демократичная. Валентин Васильевич заходит в кабинет, Егор Кузьмич улыбается ему навстречу — открыто, похлопывает по плечу: «Как дела, Валентин?» Такую власть приятно любить и легко уважать. Такое способно чью-то душу наполнять восторгом. Еще один момент: когда долго-долго продержат на вторых ролях, то, получив первую, кто-то и побоится ею рисковать. Тоже по-человечески понятно...

— Пожалуй, ты права. Но и этот момент важен — от первого зама требовались не столько политические качества, сколько профессиональные. Вроде грань тут зыбкая, а все-таки есть. Ну, а то, что он прекрасный профессионал, не отнимешь: с ним чувствуешь себя мальчишкой. И ты знаешь — нет худа без добра: он помог мне быстрее повзрослеть. Разномыслие с Главным редактором — это штука предельно нервная, но и тренирует жестко. Тут либо сломался, подстроился, либо уходи, что, собственно, я и сделал, как и ты, впрочем...

— И многие другие... Тех, кто исповедовал такое его неистовое отношение к работе, к газете, попахивающее даже бесчеловечностью, называли чикинистами. Все лифты были исписаны — «хунта Чикина». Но те, кто причислял себя к ней, кстати, не очень этого стеснялись — это была как особая проба журналистики, некий критерий профессионализма.

— В связи с этим вспоминаю, как мы, сидя за длинным редакторским столом, сообща искали новую рубрику для полемической полосы. Чикину категорически не нравилось слово «плюрализм» (плеваться хочется!). Слово действительно заворотное. И Главный с радо-

стью и даже, как мне показалось, с гордостью предложил: давайте обойдемся хорошим русским понятием — «разномыслие». Он, как профессионал, испытал настоящую радость от верно найденного слова. Но вот рубрика очень скоро приказала долго жить: разные мысли на полосе не ужились... А позже уже открыто начало торжествовать воинствующее одномыслие...

— Это началось давно и вовсе не с Нины Андреевой. Вот, скажем, печатали материалы Пленума, где устроили выволочку Ельцину. «России» этого показалось мало — опубликовали обличительное письмо рабочего (о этот симптоматичный жанр!) Затворницкого. Письмо, организованное «по просьбе», и исполнена эта просьба, надо сказать, была с аппетитом.

— Но не было пока явного поворота вправо. Случались и демократические отступления. Наверное, это была вынужденная уступка. Но она была. Это и сбивало всех нас с толку — то мы за «белых», то мы за «красных». Общий консервативный настрой угадывался только интуитивно. Помню, как мы навалились на пропаганду кооперативов, они тогда только-только родились. Поддерживали, заступались, рекламировали — я не успевал полосы у себя в секретариате верстать. Такой был пафос, такой подъем! А потом — как отрезало. И вышла на свет уже совсем другая линия: кооперативы — демоны перестройки. И эта неопределенность продлила агонию газеты и страшно усложнила нашу жизнь. Хотя справедливости ради стоит сказать, что и противная сторона вела себя не лучшим образом. Статья в «Правде» от 5 апреля, направленная на антидемократическое выступление «Советской России» и верная по сути, по форме, по резонансу, который от нее получился, сослужила перестройке вовсе не однозначную службу. Стало модно ругать газету. Она стала образом врага. И это увело от сути, от полезного и столь нужного разговора о философии, которая укоренилась в головах миллионов. Я прочитал всю почту, которая пришла на Нину Андрееву, да мы с тобой подержали в руках все эти пять тысяч писем. Потрясающий человеческий документ! Здесь и «за», и категорическое «против», здесь был задет и главный нерв перестройки. Так вот, ни одно письмо из этой почты так и не было опубликовано. Думается, народный разговор о сталинизме, о нравственных и политических основах общества, которое мы за семь десятков лет создали, не устарел...

— Кстати, статья ленинградской преподавательницы все же помогла многим определиться, занять свое место в перестройке.

— Конечно, и не только нашим публицистам. На Политбюро в те мартовские дни, по имеющимся у меня косвенным данным, был и разговор о статье в «Советской России». Был большой и нелицеприятный спор, если хочешь — раскол. Если бы Чикин был более самостоятельным политиком, газета просто оформлялась бы как орган неоконсерваторов, которые есть в каждом нормальном обществе.

— В конце концов и радикал Лех Валенса в одном из последних интервью признал: общество не может стоять на одной ноге, оно должно стоять и на левой, и на правой. Тогда не упадет.

— Та драма, о которой мы говорим, состоит в том, что на правую ногу Чикин вставал слишком долго и вся газета вместе с ним.

— Я думаю, что так произошло еще и потому, что сам Главный не полностью, не органично разделял принципы Нины Андреевой, наверняка он брезговал некоторой ее оголтелостью и антисемитизмом, вульгарным уровнем ее великодержавных притязаний и даже «сталинизмом» такого качества. Он все же если и консерватор, то, бесспорно, цивилизованный — не тот правый, который «пещерный»...

— Я тоже не сторонник всяких ярлыков, конечно же, у консерватизма масса оттенков, и в позиции «Советской России» тоже масса нюансов. Но мы говорим о тенденции: какая все-таки возобладала? Правая, консервативная. Но с какими издержками — и политическими, и моральными! Надо было иметь большое мужество, чтоб быть в брежневские времена радикалом. И не меньшего мужества потребовалось, чтоб встать на правую ногу. Отбросим андреевский консерватизм — мы говорим о нормальном, с точки зрения того же Валентина Распутина, просвещенном консерватизме. Все в «Советской России» было в какой-то латентной форме, кое-что выплывало, где-то скрадывалось, какие-то были экивоки, расшаркивания, снимание с головы шапки, покаяния сквозь зубы. Что это? Отсутствие гражданской позиции.

— Сильно, сильно сказано, для тех, кто давно знает нашего редактора, эти слова могут прозвучать кощунственно: он как раз был известен своей несгибаемостью, «несгибаемый ленинец»...

— Я уже говорил, журналист во главе газеты — это политик. А политик — это человек, умеющий динамично реагировать на изменение гражданского общества...

— «Несгибаемость» в нем, кстати, многих отпугивала. И многих коллег моих еще по «Комсомолке» удивляло: как ты можешь с ним работать после того, как он с тобой поступил?.. Позволю пересказать небольшой сюжет именно потому, что он в пользу героя нашей беседы.

Помню, я еще молоденькой была... Поехала собкором «Комсомолки» по Томской области. И в аккурат угодила в эпоху правления Егора Кузьмича. Он хоть и слыл добряком и широким человеком, но был обижен, что ему прислали собкора не члена КПСС. Меня редакция отозвала, со мной поговорили: как я отношусь к тому, чтобы вступить в партию?..

В те годы, согласись, членство в партии было разрешением на профессию. Короче, я была принята кандидатом на общем партийном собрании «Комсомолки». Пришла получать кандидатскую — документы партийные оформлены на Чередниченко, а в паспорте — другая фамилия. (После замужества, дурочка, сменила, да так и не привыкла.) В райкоме меня развернули — переоформите документы и приходите. Вроде бы формальный акт... И вот тут на партбюро Чикин просто добил меня вопросами, а главное, тем, что за ними стояло,— проныру в партию не пропустим! Шли годы... Вдруг всплыло: а почему вы утаиваете, что вступали в партию и вас не приняли?..

Я понимаю, что это был не тридцать седьмой год, но вообще жить с таким сюжетом в нашей среде дискомфортно. Сказала, что не берусь даже ничего объяснять, а пусть обратятся непосредственно к Чикину. И Валентин Васильевич, который работал в «Советской России», признал, что это было не что иное, как оголтелый молодежный максимализм, и он готов поправить свою ошибку, дать мне свою рекомендацию. Вот тебе пространная иллюстрация к тому, что есть в этом человеке способность измениться к лучшему...

— А я тебе про другое. Сдвинулась эта огромная махина — народ, поменялась вся его точка зрения на жизнь, во всяком случае, подверглась какой-то деформации, и уже тенденции преобладают более демократические, более либеральные. Не увидел он эту подвижку? Или не хотел видеть? Мы же получали почту, она в себе все это заключала...

Скажу определенней — он себя ограждал от этого, принципиально не желал реагировать на эти изменения. Как будто их и не существовало. И вышло, что встал он к новой жизни в оппозицию.

— Эта его способность отгородиться от жизни, перешагнуть раздраженно через неприятное для него, конечно, и раньше давала себя знать: помню, был знаменитый телевизионный сериал «Отечество мое». Он был ведущим одной из серий, ему достались 37—38-е годы. По-моему, там не было и полслова о репрессиях... Это же надо умудриться! Поражает в нем это неумение сострадать. Еще точнее: есть люди, которые нейтрально к этому относятся, а он относится с отрицанием — ко всякому страданию с отрицанием. И он старается себя лично огородить от всяких страданий, чужих страданий: общеизвестно, что убогих он на дух не любит, калеченых. Я однажды предложила ему для публикации редчайшие документы о Николае Островском — он там выступал не таким прилизанным, взывающим к молодежи с койки... Мне с таким выражением брезгливости вернули эти документы, дав понять, что этого не принимают все фибры его души. А уже слово «милосердие» лезло из всех щелей нашего Дома со сдвинутыми от сотрясений перестройки стенами. Тем парадоксальней факт, что он избран председателем Правления Российского фонда милосердия...

— Кстати, нас наверняка упрекнут: какое отношение имеют личные свойства редактора к перемене политического лица газеты? Хочу привести здесь слова Василия Розанова: «В революционное время нужно с величайшей осторожностью судить о борющихся между собой группах, ибо каждая из них или, точнее, отдельные лица, в нее вошедшие, движутся в общем не только одною программою, которую они выставляют и защищают, которой они руководствуются, но и множеством еще других, неосознаваемых темных мотивов, страстей, чувств, воображений и прочее. Революция не имела бы полноты, и даже ее вовсе не было, если бы в ней отсутствовали, как могучие двигатели, эти иррациональные элементы». Иррациональные элементы сыграли очень большую роль в судьбе нашей газеты. Разумеется, речь не только о Главном, там целый букет всяких фигур, которые тоже играли немаловажную роль.

— Кстати, наверняка вопрос такой возникнет: а чего там сидели несогласные так долго?

— Конечно, были и такие люди, которые изначально находились в оппозиции к «новой» «Советской России». Они почувствовали в Чикине врага безоговорочно, абсолютно. Для них не было полутонов, которые все-таки мы с тобой видели. Несмотря на то, что демократическая пресса, которой я в известном смысле симпатизирую, имела одну задачу — подавить эту точку огневую под названием «Советская Россия», накрыть ее минометным огнем, разделаться с ней, у меня было желание разобраться в ней или в ее феномене: откуда что проистекает, откуда растет? Я ведь и сочувствовал этим людям, своим коллегам — тем из них, кто заблудился откровенно в трех соснах, потерял ориентацию, не знал: за кого я, за что?

Они и Главный как бы стали заложниками самой ситуации. Может, и понимали, что ставка была неверной, но им ничего не оставалось, как прибиться к одному берегу. И вот идет уже самооправдание и мученичество. Явного перекрашивания им никто бы не простил — ни правые, ни левые,— все бы отшатнулись. Ну они и поплыли — к правому берегу, естественно, и плывут от Лигачева до Полозкова — уже в открытую. В этом видят свое моральное и политическое спасение. Определились. Теперь и вовсе без обмана: газета стала рупором РКП. Не всех ее читателей это устроит — шлют отказы от подписки целыми пачками.

— Думаю, что руководители, проиграв ту газету, в достаточной мере независимую (от догм по крайней мере), потому еще держатся за эту «новую», омертвевшую, как черт за грешную душу, что есть страх перед расхожим обвинением: как это — сегодня исповедовали одно, а завтра — другое?

— Да ведь надо отличать одно от другого. Реагирование на жизнь является непременнейшим условием журналистики. Сейчас, партийные фундаменталисты особенно, обвиняют журналистов и общественных деятелей, что они-де быстро меняют свои взгляды, отказываются от чего-то. Эта истина верна лишь по отношению к тем, кто меняет одежды, не меняясь по сути. Кстати, уважаемым членам партии, руководителям ее нынешним нелишне будет напомнить, что основатель ее как раз этому и учил — слышать жизнь. И та партия, которая оцепенела от самовосхищения, она неизбежно себя изживает. Оказалось, что это объективный закон. И для газеты тоже — она перестает быть газетой. И становится склепом. Бердяев очень верно подметил в «Судьбе России»: «Охранители всегда мало верят в то, что охраняют. Истинная же вера есть у творящих и свободных».

— Творящие и свободные не могут жить в склепе. Вот и начался исход. Помню, как сразу обеднел ряд авторов. И не только по политическим мотивам отпали: просто стало людям неинтересно. Они приносили новую тему, которая лежала даже в стороне от политических битв, но никак она не вписывалась в окаменевшую газету...

— В газете к тому времени, как я уходил, странная сложилась практика — негласного замывания материалов. Это тоже отголоски трусости перед жизнью. Никому не говорили в глаза: мы не согласны с тобой. Туман витал в кабинетах. Люди просто не знали, почему не шел их материал. «Уходили» материалы и люди вместе с ними — творческие, интересные...

— Это, конечно, была огромная человеческая драма — потеря журналистов «России». У Чикина был все-таки прелюбопытный коллектив. Но я, полжизни проходившая в чикинистах, вынуждена признать: отныне это значило совсем другое — не работа до упаду, не поиск неизведанного человеческого материала, не самоотречение во имя этой однодневной радости — твоего материала в газете, а четкое, пусть и серенькое, выхолощенное исполнение идеологического задания. Никогда наша газета в самые что ни на есть годы застоя не была столь идеологизирована...

— Даниэлл Белл, известный американский политолог, говорил, что «идеология» — это слово падшее. Идеология — это отчуждение от жизни человека, это затаскивание его в дебри конструкций, которые давно проржавели. Вот и нынешняя «Россия» увела читателя своего в эти дебри, что, кстати, устраивает часть читателей. Именно их письма в свою «защиту» щедро печатала газета в те дни, когда Российский парламент попытался отбить свое издание у новорожденной, но хваткой РКП. Другие мнения света не увидели — стиль остается тот же...

— Кому-то удобней пребывать в летаргическом сне, быть в этом мире идеологических иллюзий, который они сформировали за семьдесят лет. А читатель, который был с жизнью, отказался от газеты. Миллион двести тысяч читателей уже откололись. То ли еще будет... А ты когда-нибудь пытался достучаться? В последнее время, когда я к нему приходила, разговора не получалось...

— Я проработал ответственным се-

Окончание на стр. 29.

**Вдруг стало ясно:
встряхни меня среди ночи, как на тюремных нарах:
«Из какого лагеря?» —
с закрытыми глазами прокричу навытяжку:
«Лагерь Прибрежный!
дружина Полевая! корпус Ромашка!» —
и рухну на те нары досыпать.**

МОЙ МИЛЫЙ ЮНЫЙ ПИОНЕР

Нина ЧУГУНОВА

Лучше «Артека» ничего и не было в жизни, последние двадцать пять лет это доказали. Хотя, казалось бы, забыт, уплыл и не то что стал недоступен, но как остров с прерванным сообщением: бывало, и тебя пускали.

К корпусу «Ромашка» меня доставили, как некоего секретаря братской компартии. Я имею в виду не торжественность момента, а дряхлость секретаря. Он весь слезится, улыбаясь, и даже что-то узнает. Вот кипарис, вот море. Красные стулья свалены в углу моей веранды. Дети здороваются беспрестанно. Я не вижу в этом ничего плохого. Ночью неоновый мальчик бледный будет кричать и скакать под фонограмму, и, согласно новой идеологии, пионерский концерт вместит много горящих свеч в детских ладонях под «Аве, Мария».

А днем на большом, спекшемся от осеннего солнца стадионе продолжается Всесоюзный слет пионерской организации — последний ее слет? Здесь решается важный вопрос: останется ли пионерия примером всем детям страны (а было ведь — мира...) или скромно войдет в равноправную федерацию свободных детских организаций, притушив политический блеск в глазах юного пионера? Тот, кто пока возглавляет всех детей страны, играет со своими пионерами в Верховный Совет (никого не хочу обидеть!). И он в микрофон говорит своему пионеру, неробко требующему слова: «Об этом я должен посоветоваться со слетом. Слет, дадим ему слово? Кто за то, чтобы слова не давать? Просто продолжим работу, да?»

— ДААААА! — отвечает слет.

Я понимаю, что дети — это последняя наша коммунистическая надежда. Или даже: последняя надежда иметь в лице народа управляемую организацию. («Почему мы отказываемся признать, что в «Артеке» можно и нужно готовить политических лидеров?» — сказал мне коллега. Ах, вот отчего мне в «Артеке» казалось, что я лицо отдельное, а дома внутри родной организации за это надо было драться!)

— ДАААА! НЕЕЕЕТ! ДАААА!

Вы слышали? Делегация детей покинула стадион в знак протеста. Вчера заседание продолжалось до пяти утра! Разошлись и через несколько часов начали заседать снова. Какие мужественные дети! Как они умно реагируют! Они смело указывают на ошибки взрослых! Один из руководителей делегации был детьми строго предупрежден, когда он появился на совещании делегации с опозданием. Мало того! Он пришел с женщиной! Телевизионщики принуждали детей бросать мандаты в урну перед телекамерой? Дети требуют расследования инцидента.

— РА-БО-ТАТЬ! РА-БО-ТАТЬ!

Это скандируют дети во время обсуждения устава.

Солнцепек. Полдень.

Ко мне подошел человек и сказал:

— Я знаю, что вы из «Огонька». Предупреждаю: к вам приставлены специальные люди, в чью задачу входит дезинформировать вас. Они боятся разоблачительного материала.

— Приставлены? — спросила я и оглянулась на фотокорреспондента, засмотревшегося на пионервожатых из литовской делегации.

Ночью в кофейном баре для журналистов мне сказали:

— К сожалению, мы-то не сможем написать всей правды. Вот вы!

И опять захотелось оглянуться.

Разоблачительный материал! Да что мы знаем о разоблачительном материале? Какой материал мы были сами в пионерском детстве! Кто-то пожал мне руку авансом. Кофе был бесплатный. Итак, что мы знаем о разоблачении и что может быть лучшим разоблачением, и что может быть лучшей защитой или что может быть доказательством... Я не хочу заканчивать этой фразы. Их очень много повсюду валяется. Это какое-то бесконечное скандирование. Мне говорят: скажи прямо и смело, что мы сделали с детьми за эти страшные семьдесят лет. Обрушься! И я маюсь, брожу, кто-то ко мне приставлен. «Обрушься!» И я думаю о пионерах-героях и о пионерах-всем-детям-примерах, об образцовых пионерах и о пионерах-функционерах. О выдуманных, о надежных, о не знавших мук совести, о не знавших страха, о горячо любивших свою Родину, о живших так, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, об усердных, о трудолюбивых, о певших про картошку. Где жили эти дети? Как потом уходили в жизнь? Из книг и из песен уходили ли, осмеливались?

И я думаю: а были ли они в действительности, эти пионеры? Не вестники — простые дети, жертвы нашей веры?

Эй, говорю я мысленно, мой пионер, откликнись. Ты живой?

На море начинался ветер. Взглянули в ту сторону и ахнули.

— Я? Ну какие у меня принципы есть? Честность, дружба... Я, например, не хочу предавать своих друзей... Я вот, например, хочу быть честным, справедливым... Ну, моральные идеалы. Ну, честность, дружба. А вообще-то вы знаете, за какой я тип государства? Чтоб в нем экономическое было капиталистическое, потому что капитализм — это лучшая сторона экономики.

— Простите, сколько вам лет?

— Одиннадцать. С половиной.

— Вы раньше верили в социализм?

— Никогда не верил. Но только у нас не социализм. У нас нет социализма. У нас непонятно что. Мы уже переняли все плохое у капитализма.

— Давайте сначала. У вас есть какие-то плохие черты?

— Не знаю.

— Человек должен сам себя знать.

— Да? Ну, у меня плохая рассеянность. Я часто перебиваю своего собеседника.

— Приходилось ли вам обманывать?

— По-моему, приходилось.

— А совершать подлость?

— Нет, подлость я еще не совершал никому.

— И не хотелось? Например, со злости?

— Нет. Если мне со злости хочется кого-то убить, я в себе это желание моментально подавляю. Ведь наш мир ужасный! Как вы к инопланетянам относитесь?

— Подождите. Начнем с Ленина. Вы Ленина любите?

— Ленина? Ну, как сказать... Я не знаю, что мне про него думать. Я много про Ленина читал. Например, кто придумал продразверстку? Вы же должны об этом знать. Вы же должны знать о продразверстке. Я вот как думаю. Кто-то мне скажет про Ленина или про Сталина, я начинаю думать-думать. И свою точку зрения получаю.

— А как вы думаете — фразами или картинками?

— Скорее фразами. Но, конечно, все вразброд. Я очень часто задумываюсь о судьбе нашего государства. К чему оно придет?

— Да... Тогда скажите, что повредило революции?

— Ей повредило то, что отменили многопартийность. То, что Ленин уничтожил эсеров,— это была у-жас-ная ошибка! Хуже: это было преступлением! Посмотрите на Соединенные Штаты, какое у них демократическое управление! Мне брат рассказывал. И там даже каждый человек может купить свое национальное знамя и сжечь его!

— Нужно ли было устраивать революцию и хорошо ли было бы, если бы у нас по-прежнему был царь?

— Конечно, было бы хорошо. Как в Англии! Там же царь практически не управляет. Там управляет премьер-министр, а королева просто находится. И вот я думаю: зачем Ленин подписал декрет о расстреле, зачем?! Зачем он эту... глупость постыдную сделал? И ведь как жестоко! Представляете, даже маленьких детей расстреливали. И вот я думаю, что бы я сделал, если бы у меня была машина времени... Я бы отправился в прошлое и изменил бы его. Революция, конечно, нужна была. Но не такая кровавая. А мы взяли пример Французской. Там же ужасы творились. Этот Робеспьер...

— Возможно, всякая революция делается впоследствии кровавой.

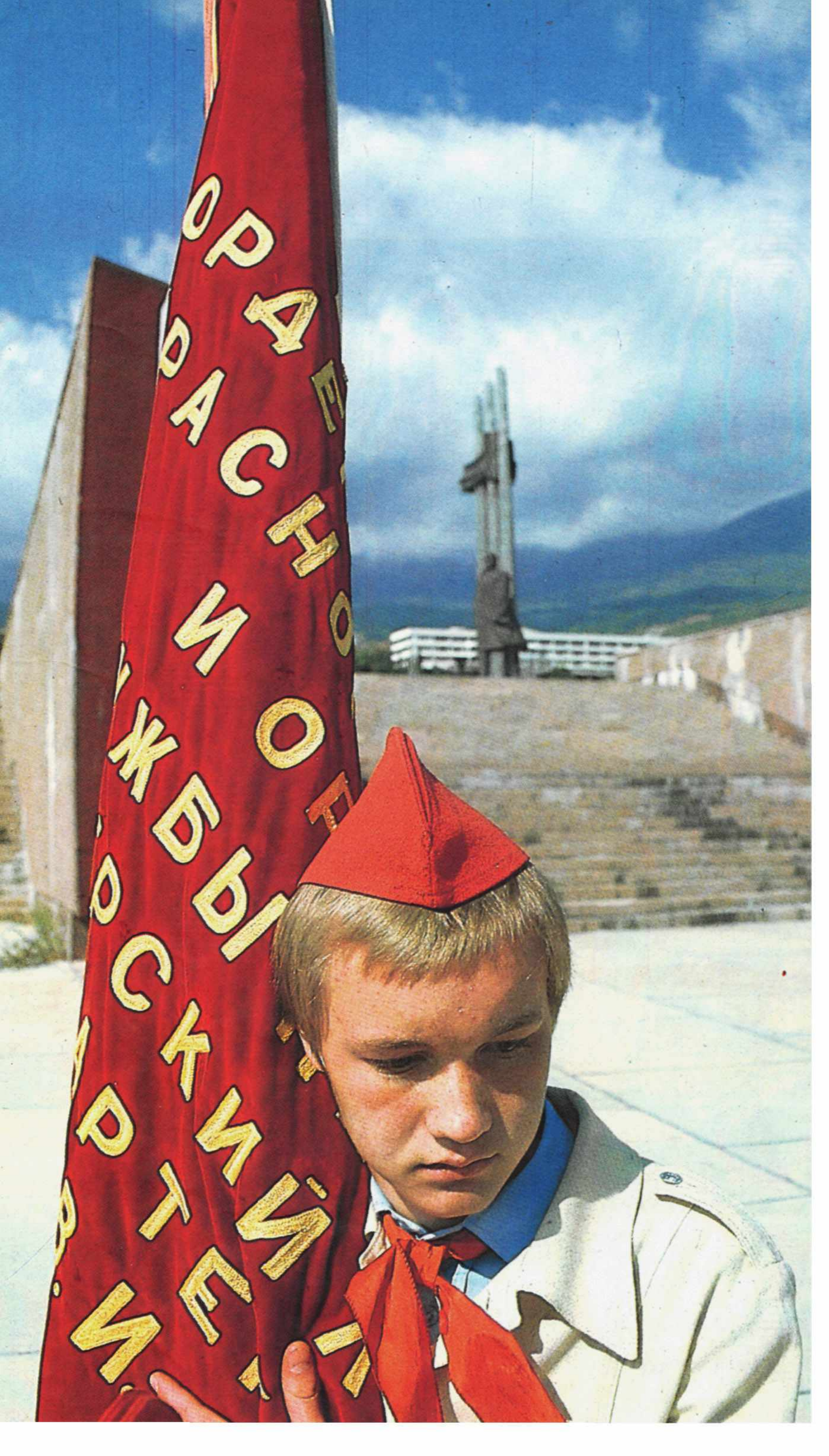
— Разумеется. Любая революция — это плохо. Нужно, чтобы смена прави-

ОГОНЁК

Артек. Лето 1990 года. Но снимки сделаны осенью. Значит, осень? Нет, лето. Это вечное лето Артека.
Что я без тебя? Без твоего лета, случившегося однажды, двадцать пять лет назад?
Как пионервожатая отплясывала твист.
И море всегда было у плеча, как ясный сокол.
Не было бы тебя — не было бы чего-то самого важного, что удалось сформулировать только сейчас.
Артек — хрустальная мечта пионерского детства. Это Гайдар. Это мальчик по имени Алька из «Военной тайны», из пророческой книги: ничто из загаданного в ней не сбылось. Это неодиночество, преследующее тебя потом всю жизнь догадкой, что никогда ты не был так одинок и никогда так счастлив.
Когда поют «Взвейтесь, кострами!..».
Потом тебе выдают черный уголек от прощального костра.
И адреса друзей. И столько обещаний помнить вечно.
Пять фотографий, сделанных умелым фотографом на фоне моря, и ты на себя не похож и смотришь напряженно, и тень от кипариса.

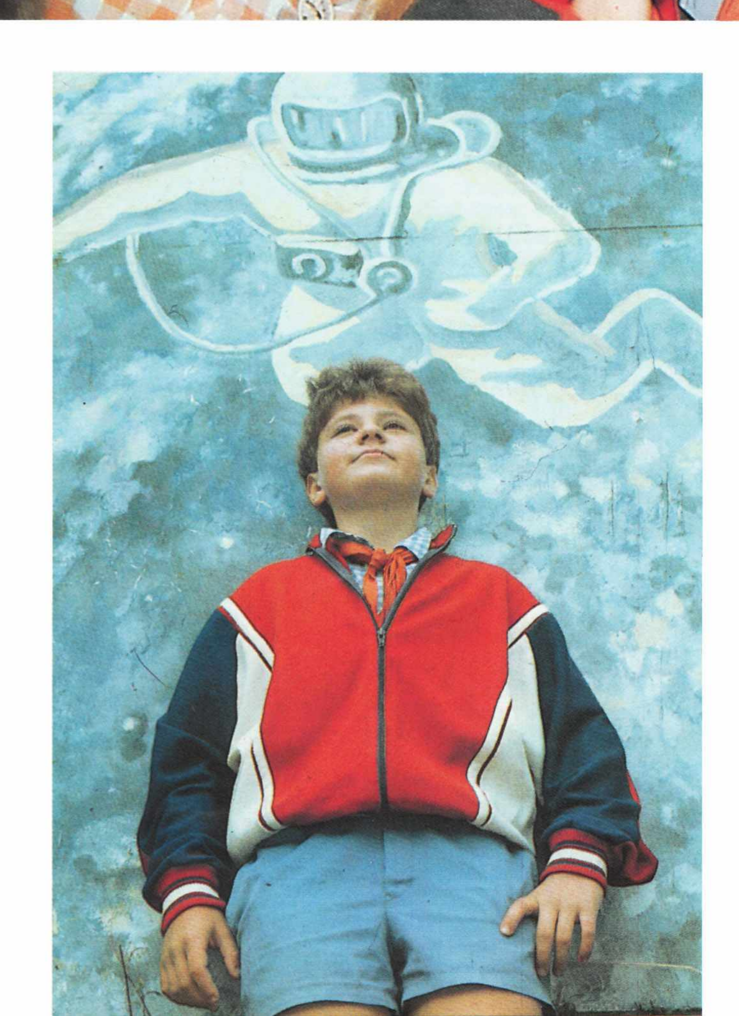
Фото Марка ШТЕЙНБОКА.

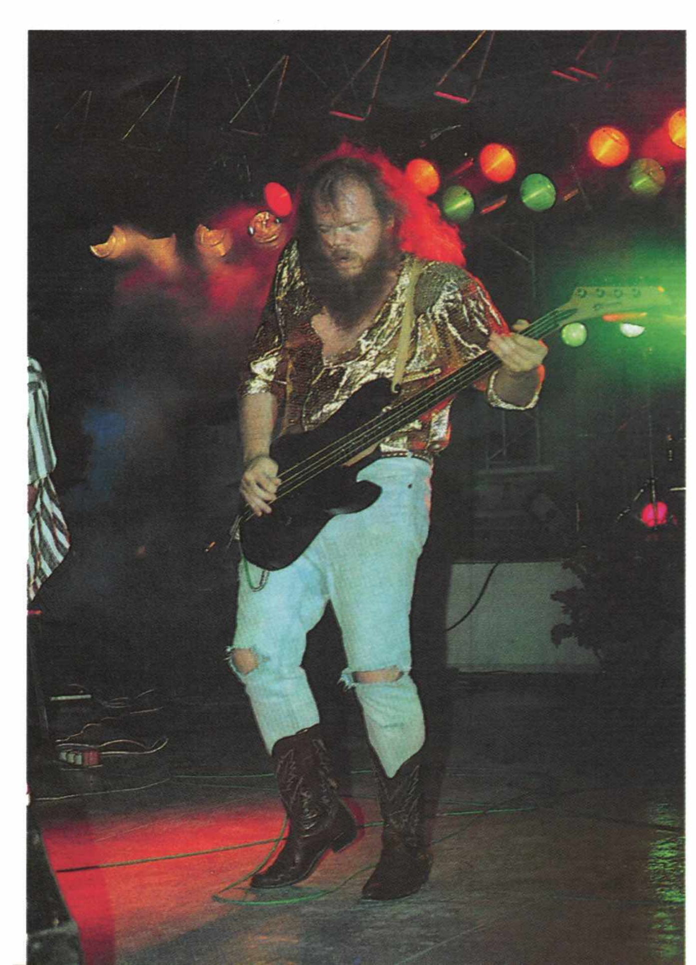

КЛУБ
БЕЛЫХ
КЛУБ
ЧЁРНЫХ
ДОБРО ПОЖАЛОВАТ

АРТЕК

тельства была законная.

— Мы научились убивать наших царей и не верить тем, кого ставили взамен царей?

— За эти годы мы научились всему.

— Перечислите.

— Перечислить? Ну, мы научились врать, мы научились предавать друзей... да чуть ли не мать родную! Мы взяли культ личности, диктатуру, обман и самообман! Я даже думаю, что фашизм был лучше того социализма, что был у нас. Мы истребляли своих, самых лучших, самых преданнейших людей.

— Если бы вам дано было право судить — вы бы приговорили Сталина к расстрелу?

— Нет. Я б не просто! Его расстрелять нужно было сто раз! Ему нужны были жуткие мучения и пытки.

— Какие пытки вы бы придумали для Сталина?

— Пытки? Вот я читал, как пытали одного человека. Вот его закопали по шею в землю и обложили его хворостом. И жгли, пока его голова не превратилась в мусор. Это я читал у Майн Рида. Но там чуть-чуть по-другому, тот сам человек был хороший, его обманщик-метис предал. «Оцеола, вождь семинолов» — этот рассказ называется, это мой любимый рассказ. Да...

— И вы смотрели бы на мучения Сталина или ушли бы?

— Я бы смотрел. Хотя, конечно... хотя, конечно, его нужно было судить перед всем народом. Сначала чтоб он почувствовал мучения, а потом его вернуть обратно, и пусть он бы об этом вспоминал с ужасом.

— Вы в Бога веруете?

— Верю.

— Ад существует? И рай?

— Я не знаю! Но мне хочется хоть на что-то надеяться. А то так мне страшно становится! Вот умру я, убьет меня кто-нибудь, и я не смогу ему отомстить, ничего не смогу сделать. А потом что будет — потом ничего не будет? Я так не думаю. Человек за свою жизнь использует только десять процентов от мозга. А остальная часть мозга — чем она занимается?.. Может, там тайны спрятаны. Подумал — и там оказался. Это называется телепортация. Еще я хотел бы взлетать, не махая руками. Это же все равно снится, значит, в этом что-то есть.

— А вы чудеса видели?

— Нет, чудес я не видел. Я только три раза видел летающий объект. Да, три раза! Один раз в Крыму — прямо около меня: ж-ж-ж! — сам голубоватосиний, переливчатый объект.

— А если бы вам встретился инопланетянин и спросил бы вас: что такое советский человек, чем он отличается от других людей?

— Отличается! Он отличается обманутостью, запуганностью! И некоторыми плохими качествами.

— А ваши родители не такие?

— Нет, к счастью, мои родители не такие.

— Один мальчик здесь мне сказал: зато Сталин выиграл войну.

— Из-за него произошла война, из-за него! Он кормил Германию.

— А если бы вы родились в такое время, что сделались бы другом Сталина?

— Нет! Ведь что он делал с друзьями? Хрущева заставлял под дудку плясать. Одному все время подкладывать в кресло торт, пьяному.

— ...Что вас не устраивает во взрослых? Чем они хуже детей?

— Они ничем не хуже детей, но есть некоторые взрослые, которых уже нельзя переубедить. Вот я с одним разговаривал. Нормальный разговор — как вдруг он стал говорить, что нам нужна твердая рука, а не Горбачев!.. Взрослые хуже детей тем, что они уже перестали думать. А дети мягкие и податливые, и поэтому детям нужно сейчас демократию.

— Почему вы вступили в пионеры?

— По ошибке. Я потом разочаровался.

— Какое время у вас было самым плохим?

— То, что сейчас идет. Вроде рядом со мной хорошие ребята, а как поспишь с ними в палате — так все! И ругательства... и все, что хочешь.

— Но дома у вас, конечно, есть друзья? И девочки, которые вам нравятся?

— Друзья есть. Но девочки мне не очень нравятся. У них страсть к скованности. Я, можно сказать, под башмаком у своей соседки по парте. Именно! Она меня целый день учит, учит... Она меня целый день пилит, и то я не принес, и это. Ну, точно как жена.

— Но вы собираетесь жениться, иметь семью?

— Нет, конечно.

— Как так?

— Я, может, даже и холостяком буду. Хотя и жену хорошо иметь. Но тогда, по-моему, нужно часто разводиться. Вот... прилипнет к ней взгляд, глаза намозоливает. То ей не понравится, се. В магазин за молоком будет посылать. А потом будет кричать, что я ничего не делаю! Допустим, она будет получать сто рублей, а я — пятьсот. И она будет мне говорить, что я ничего не делаю, будут вопли постоянные.

— А любовь?

— Когда женятся, в семье любовь быстро проходит. Она стирается. Вот: у молодой пары любовь слишком горячая и слишком резкая, она может быстро оборваться. Потому что границы между любовью и ненавистью практически нет. А у пожилой пары эта граница уже давно стерлась, и непонятно, что у них.

— Но ведь все равно через любовь надо пройти.

— Конечно. Но это ведь все, как у петухов. Дерутся петухи — они хотят показать самке, что тот, кто победит, лучше.

— Вы не курили никогда?

— Нет. И не буду. Вино я один раз пробовал — ничего в нем особенного нет. Грузинское. Кинзмарани?

— Родители вас любят?

— Да!

— Они вас наказывали?

— Они в угол меня ставили. Давно.

— О, это смешное наказание!

— Не очень смешное. Это моральное унижение — сильное унижение.

— Чего о детях не знают взрослые?

— Взрослые думают, что ребенок забывает. Они не знают, что ребенок может великодушно прощать. Они не различают детей.

Для одного ребенка шлепок — он его и забыл. Для другого шлепок — тяжелая душевная рана. На всю жизнь. Вплоть до самоубийства.

— У вас такой раны нет?

— У меня много мелких ран.

— Скажите, о чем вы никогда не забудете в жизни?

— Чего же я не смогу забыть... Ну, из плохого я не забуду, как тот мальчик в палате — все время у него какие-то для меня шуточки. И он все время вмешивается в мою личную жизнь. Чтоб я со всем отрядом на обед ходил. Чтоб я спал на «абсолюте».

— Понятно! А хорошее?

— Хорошее — это первая любовь. Ну, там ничего интересного. Я с одной девочкой на областном слете познакомился. Она мне понравилась. Но не сразу. Она была очень красивая. И это очень нравилось моему самолюбию. У меня такое есть. Не знаю, как это считать, плохим или хорошим. Она на меня все время говорила, что я орел. Дело в том, что когда у нее заболел живот, а я обладаю свойством управлять биополями и могу вылечить человека. Но я не Кашпировский. Кашпировский включает какие-то процессы в головном мозгу, а организм уж сам разбирается дальше. Так вот, я ей снял боль в животе, и она сказала, что я орел. Но она, по-моему, не влюбилась в меня. Так прошла первая любовь.

— Какая хорошая история...

— А у взрослых душа покрыта мощным защитным панцирем, за которым взрослые заботливо выращивают самые тонкие движения своей души. И плохие, и хорошие. Никто о них не знает и не доберется! У детей этого панциря нет, он потом, из ран наращивается.

— А может, не надо этого панциря вообще?

— Панцирь нужен обязательно.

— Кто вам нравится, кто ваш любимый герой?

— Например, из Жюля Верна. Там был Сайрес Смит, такой инженер, он был сосредоточением самых лучших сил человека. Например, у них не было спичек. Они были на необитаемом острове. А он взял разобрал свои карманные часы и сделал из них линзу. Налили туда воды — и лучом поджег мох!

— Вам нравятся такие люди?

— Да, те, что могут за себя постоять, и умные.

— А как вы относитесь к таким качествам, как нежность, жалость?

— Ой, а вы знаете! О биополях — я не знаю, жалость это или нет, но, когда я рукой провожу над раной человека, у меня начинает холодеть в животе.

— Что вы думаете о будущем?

— Я не вижу будущего. Но я думаю: уж слишком много горя нам досталось за эту жизнь. Потому мы заслужили, чтоб нам было теперь лучше. Во-первых, установить капитализм. Это экономическое должно быть капиталистическим. А управление должно быть анархически-идеалистическим. Вы знаете, что это такое?

— Анархо-идеалисты? Я не знаю такой партии.

— Такой партии нет. Я ее придумал. Анархия превыше всего ставит личность человека...

— А! Вы же противник коллектива. Как и я!

— Я за личность человека! А идеалистическое вот почему. Идеалистическое — это когда человек превыше всего ставит свои идеалы — честность, совесть, дружбу... может быть, даже любовь — не такую, как выражался в книге Конан Дойла Айлин Эндриксон: мирскую,— но любовь к ближнему. Это утопия, конечно...

— Вы хотели бы быть членом правительства?

— Да. Но не этого правительства! Я хотел бы быть руководителем правительства от партии, которую я придумал.

— И тогда бы вы упразднили пионерскую организацию?

— Упразднять совсем не нужно. Пусть дети из нее выйдут, как из партии. Пусть будет массовый выход. Тогда вожатые, желая получать зарплату, начнут стараться работать ради детей! Тогда они начнут слушать детей. Капитализм должен быть во всем.

* * *

...продолжается «Артек»: в веселый день приключений учинялись конкурсы на самую короткую фамилию (приз достался пионерке Ли), на самый большой рост (приз достался пионерке под метр девяносто), на самый большой бант, на самый фантастический проект.

На большом стадионе раздавались призы.

— Коробка зефира и книга «Возьми мой адрес»!

— Книга «Возьми мой адрес» и зефир!

— Зефир и книга!

А потом вдруг кто-то вытащил билетик с путевкой в «Артек». И «Артек» взорвался с легкой завистью к счастливчику, проскользнувшему между зефиром и книгой «Возьми мой адрес».

Я сказала Семену, пионеру и основателю партии нового типа: «Вдруг у вас будут в жизни проблемы...» — и дала свою визитку. Он обрадовался.

Возможно, ему повезет. В том смысле, что он сюда не вернется. Не хочу, чтоб с ним было то же, что со мной: когда становится ясно, что уплывающий остров с прерванным сообщением — это ты сам.

Прощай, мой пионер, прощай. Прости. Вдруг, правда, повезет тебе, и ты поймешь без возвращения: и сейчас луна очерчивает над морем подобие выгнутой брови, в движении оставляя шлейф — санный след кометы... а уплывающий остров — это ты; и ты не смотришь в свою сторону; до первого поворота, до окрика:

— ИЗ КАКОГО ЛАГЕРЯ?

Соленые брызги летят нам с тобой в лицо.

ПРИМЕЧАНИЕ

Настороженный читатель, не бойся моего героя.

Не вывожу перед тобой на сцену новое чудовище, исчадие нелепого времени или позднее напоминание о том, откуда мы родом,— нет!

Следовательно, не требуй от меня невозможного — не говори навзрыд: где альтернативный герой?

Я этого пионера люблю. Мне он — интересен. Не страшно мне с ним! Он хороший: ему завтра надоест рассуждать умно и здраво, ведь он почти дитя, а дети никогда не продолжают скучного или бессмысленного занятия... в отличие от нас. Ведь мы, не они, были большие любители играть понарошку в Великую всенародную пионерскую игру типа «Зарницы» — с знаменами, маршированьем, погонями, стрельбой холостыми, с нашими гремучими победами, шпионами и черной завистью, от которой корчились наши отыгравшие свое враги — под ясным взглядом Мальчиша-Кибальчиша (при этом часто погибали дети — и прóклятый нами Морозов, и Алька, подставивший висок под камень злого кулака,— чтобы еще крепче любили дети всей планеты эту прекрасную и счастливую землю, что зовется Советской страной...).

Потом мы к игре остывали.

У детей почти никогда не было большого выбора. В детском саду около моего дома мальчики средней группы любят, разрушая пирамидку из кубиков, кричать:

— Армения! Армения!

Они хорошие. Но мы сами приучили их к тому, что играть можно практически во всё... И они играют вполне серьезно.

Мне представляется, что в нашей истории можно насчитать некие периоды, когда двенадцатилетние принимали всерьез то, что предлагала им взрослая жизнь в качестве темы для игры. Не надо выдумывать, будто мы наплодили целые поколения павликов морозовых, будто мы детей на века вперед заразили идеологией. Нет, не так.

Просто мы остываем иначе, чем это происходит в детской компании. Они обычно не оборачиваются. А мы — о, мы любим смотреть назад, хохоча, придумывая новые наказания прошлому, переставляя фигуры. И опять — понарошку, без интереса или без любопытства...

Двенадцатилетние, всерьез играющие в политику,— знак, но какой?

Простой знак: они идут следом, упираясь лбами в наши спины, и мы не успеем их оттолкнуть прочь, падая, не успеем спасти.

Они похожи на нас больше, чем мы похожи сами на себя.

Они точнее — так фотография точнее жизни, если только фотографию не ретушируют и в кадр не впечатывают новых лиц.

Да здравствует Мой пионер за то, что он превозможет в себе нас.

Я только боюсь его жестокости — потом, когда он на меня обернется!

«Частушки строятся из чистого языка».
Максим ГОРЬКИЙ

«...в советскую эпоху... частушка приобрела особо действенную силу общественно-политической агитации».
Поэтический словарь.

В словаре Даля «частушка» — частая, плотная ткань. Другого значения этого слова, сейчас ясного и ребенку, современник Пушкина тогда просто не знал — частушка, как фольклорный жанр, оформилась где-то в середине XIX века. А ввел в широкий обиход это слово, закрепил его в живом великорусском языке писатель-демократ Глеб Успенский — рьяный собиратель коротеньких, обычно в четыре — шесть строк, припевок, истоки которых скорее всего следует искать в импровизационном лицедействе скоморохов.

Социальная частушка — младенец в многовековой народной поэзии — оказалась живучей и сегодня уступает в популярности разве что анекдоту. В чем, конечно, частушке эпоха наша помогла — 70 лет проверяла ее на выживаемость, сурово и последовательно. До сих пор в учебниках фольклористики неизбежно наличествует предостережение не смешивать в одно целое «подлинно народную поэзию», воспевающую созидательный труд советских людей, радость новой жизни, успехи социализма в городе и деревне, партию, армию, комсомол, генеральную линию на построение коммунизма, с «так называемым творчеством» кулаков и подкулачников, белогвардейских недобитков, троцкистских подпевал и других деклассированных элементов, равно как и слюнявых интеллигентов, разного рода диссидентов, в массе своей тоже склонных к сочинительству. Начало такого подхода — в 20-х годах, когда новая власть, в общем и целом разобравшись с врагом внешним и внутренним, окончательно поделила страну и ее народ на два лагеря, отказала своему противнику даже в элементарном праве на существование. Так же и с литературой, искусством, народным творчеством: что отвечало идеологическим требованиям — удостаивалось скрупулезного собирательства, многочисленных переизданий; для всего остального, не-советского или анти-советского — цензурные рогатины, статьи УК (58-я, а потом 70-я), высылка, заключение, а то и расстрел — и за анекдот, и за частушку.

Но знала частушка и недолгие благие времена — с послаблениями, когда вдруг идеологии потребовались «новые Гоголи и Щедрины». Читатель постарше помнит хрущевские годы, начало 60-х, когда ни один правительственный концерт в новом кремлевском дворце-аквариуме не обходился без нечаевско-рудаковских куплетов, и после — в ранние годы брежневского володения — короткий расцвет «ярославских робят»-частушечников. Дозированная (цензурою), с видимостью свободы — критика «верхов»:

Травопольная система,
До чего ты хороша —
В поле травка и цветочки,
А в амбарах ни шиша!

При этом — наезд телекамер — лик Главы крупняком: смущен, уязвлен, растроган — зело пробрали!

И все эти 70 лет — одновременно с официальной печатной ложью, брехней, показухой — жило своей собственной жизнью фольклорное слово — неподцензурное, фиксируемое лишь в памяти да еще, очевидно, надзирающим за ним и бессильным в этом случае ведомством. Создавалась — изустно — самостоятельная версия событий, происходящих в стране «зрелого социализма», не только не совпадающая с официальной, но зачастую прямо противоположная, где король оказывался голым, герой — жертвой, жертва — мучеником... И не было для частушки закрытых тем: коллективизация и ГУЛАГ, космос, БАМ, политика — все годилось; не было неприкосновенных личностей, не существовало запретных слов — любое лыко шло в строку, часто делая ее не вполне пристойной; и скабрезность становилась формой взламывания ханжеских рамок. Частая, плотная словесная ткань частушки, экономно и добротно сшитая живой нитью ритма и рифмы, оказалась прочней и надежней многих прописных истин, выглядевших вечными.

Да простят нас ревнители изящной словесности, если чей-то утонченный слух мы невольно оскорбим этой публикацией.

МЫ ЖИВЕМ, НЕ УНЫВАЕМ...

Фото Михаила РАСТЕГАЕВА и Рифхата ЯКУПОВА.

•

Самолет летит —
Крылья модные.
В нем колхознички летят,
Все голодные.

•

Ой, товарочки мои,
До чего мы дожили! —
Что пуще глаза берегли,
На то налог наложили.

•

Ж... гола, лапти в клетку,
Выполняем пятилетку!

•

Загуляли две старушки:
Съели хлеба по осьмушке.
Съели и не треснули,
Ну, не интересно ли?

•

Ленин Троцкому сказал:
— Я мешок муки достал.
Мне кулич, тебе маца.
Ламца-дрица-гоп-ца-ца.

•

Стыдно, аглицкие братцы,
С коммунистом торговаться.
Ужель не понимаете,
Что крадено скупаете?

•

Под окошком плачет нищий —
Подала советской тыщей.
Кинул тыщу на песок —
Просит хлебушка кусок.

•

Маше удовольствие
По части продовольствия.
День кажинный может есть —
Комиссар у Маши есть.

•

Добрый вечер, дядя Сталин,
Ай-я-яй,
Очень груб ты, нелоялен,
Ай-я-яй,
Ленинское завещанье,
Ай-я-яй,
Держишь в боковом кармане,
Ай-я-яй.

•

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
Много хлеба не давай,
Мяса не показывай.

•

На задворках, на помойке,
Я ребеночка нашел.
На большой советской стройке
Ему будет хорошо.

•

Ох, огурчики мои,
Помидорчики.
Сталин Кирова пришил
В коридорчике.

•

В клубе дяденьку судили,
Дали дяде десять лет.
После девушки спросили:
«Будут танцы али нет?»

•

Не ругай меня, маманя,
Что под шóфера легла,
Ты же мне сама велела
Накалымить на дрова.

•

Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик.
Для товарок я — кобел,
Для шоферов — женский пол.

•

Дядя Паша на гармони,
На гармони заиграл,
Заиграл в запретной зоне —
Застрелили наповал.

•

Колыма ты, Колыма,
Чудная планета!
Двенадцать месяцев зима,
Остальное — лето.

•

Сидит милый на крыльце,
Моет морду борною,
Потому что пролетел
Ероплан с уборною.

•

Наши спутник запустили,
Вышел на орбиту.
В него Лайку посадили,
А надо бы — Никиту.

•

Выходите, девки, замуж
За Ивана Кузина.
У Ивана Кузина
Большая кукурузина.

•

Товарищ, верь, придет она,
На водку старая цена,
И на закуску будет скидка —
Ушел на пенсию Никитка.

•

Спутник, спутник, ты летаешь,
Ты летаешь в край небес,
И во веки прославляешь
Мать твою КПСС.

•

Мы гордимся, что Гагарин —
Не еврей и не татарин,
Не тунгус и не узбек,
А наш, советский человек.

•

Ах ты, Ваня, милый Ваня,
Слышишь, ножик точится?
Сделай, Ваня, обрезанье,
Мне в Израиль хочется.

•

Шишка старая лежала
За околицей села.
Девка шишку приласкала —
Шишка встала и пошла.

•

Не шуми, широко поле,
Спелою пшеницею.
Мы читаем всем колхозом
Повесть Солженицына.

•

Насмешили всю Европу,
Показали простоту —
Десять лет лизали ж...,
Оказалося — не ту.
Мы живем, забот не зная,
Гордо движемся вперед:
Наша партия родная
Нам другую подберет.

•

Пропою я вам частушку
Про чудесные дела:
Привезли в музей старушку —
Она с Энгельсом жила.

•

Под каштанами Пекина
Повстречала хунвейбина
И спросила: «Что так мало
Знаешь ты цитаты Мао?»

•

Кáлина-мáлина,
Сбежала дочка Сталина,
Светлана Аллилуева.
Вся семейка фигова!

•

Переносят выходной,
Отменили Пасху.
Спасибо партии родной
За любовь, за ласку.

•

На деревне девки пляшут,
Самогонку пьют в розлив:
Тракторист Самсонов Паша
Уезжает в Тель-Авив.

•

Как-то Брежнев и Подгорный
Напились вдвоем «Отборной»,
А как встали с пьяной рожей —
Водку сделали дороже.

•

Самолет летит на Запад,
Солженицын в нем сидит.
«Вот-те нате, хрен в томате!» —
Бёлль, встречая, говорит.

•

Уезжали мы на БАМ
С чемоданом кожаным.
А назад вернулись с БАМа
С хреном отмороженным.

•

Лёне нашему мерси
За селедку-иваси.
А особое мерси —
За таксу новую в такси.

•

Потеряла милка честь,
Я иду на поиски.
Может, это Пентагон
Или хунты происки?

•

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана.
Где б найти такую б...,
Чтоб на Брежнева сменять?

•

По деревне ходят девки,
Под гармошку ахают:
Почему в Стокгольм не едет
Академик Сахаров?

•

Прощай, милка дорогая,—
Мне к душманам в Азию,
Потому последний раз
На тебя залазию.

•

Ах ты, милка, моя милка,
Встань ты, милка, у куста.
Покажи мне, моя милка,
Эрогенные места.

•

Дядя Вася из Рязани
Вдруг проснулся в Мичигане.
Вот какой рассеянный
Муж Сары Моисеевны.

•

Мой миленок — диссидент,
Все читает «Континент».
Встану завтра спозаранку —
Сдам миленка на Лубянку.

•

Милка показала в койке
Новое движение.
Я-то думал — перестройка,
А это — ускорение.

Публикация Георгия ЕЛИНА

ВОРОНА В ПАВЛИНЬИХ ПЕРЬЯХ

Начало на стр. 2.

предприятия и заканчивая государством, учитывается только вновь созданная стоимость. Действительно, какой смысл отражать в учете как продукцию какого-либо экономического субъекта то, что было создано не им и притом в прошлом?

Итак, государство, используя возможности системы национальных счетов, может реально влиять на вновь создаваемую стоимость, используя свои возможности активизировать экономическую жизнь или стабилизировать ее спад непосредственно в ходе этой жизни, а не просто как мы post factum удивляться чудесам. Недаром, как свидетельствует история, к внедрению национального счетоводства многие страны приступали в наиболее сложные и трудные для них времена. Для США это годы военных действий в Корее (и финансировало эти исследования, как стратегически важные, министерство обороны), для ФРГ — период структурных диспропорций в экономике, повлекших за собой глубокий спад производства, для Японии — начало знаменитого периода модернизации экономики. Наш современный период тоже вроде бы не блещет...

Предвижу снисходительные ухмылки: мол, на трех страницах машинописного текста разнес марксизм. Я не против К. Маркса и не за Дж. М. Кейнса, на теории которого основывается национальное счетоводство. Я не за капитализм и даже не за социализм ни в одном из десятков его определений. В данном случае я вообще не об этом. А всего лишь о том, чтобы учет учитывал то, что существует на самом деле, а не то, чего хочется преемникам каких бы то ни было теорий. Потому что я просто хочу жить человеческой жизнью, а не слушать байки про то, как живу. Неужели у меня нет на это права? Потенциальным же оппонентам этой статьи позвольте задать несколько простых обывательских вопросов, ведь для нас, рядовых граждан исключительного общества, и была создана, развивалась да и сегодня развивается эта теория. Итак:

— Ужасно много из вашей теории не подтвердилось, а кое-что, наоборот, подтвердилось ужасающе. Не пора ли подбить бабки, вывести баланс и признаться, что как минимум ее не в ту сторону творчески развивали. И нельзя ли оставить ее в покое хотя бы на десять лет, хотя бы на пять, чтобы посмотреть и понять, чем живет мир? Потом вернемся, если захотим. Ведь марксизм-ленинизм не стареет?

— Если новая официальная экономическая теория ЦК КПСС, где, насколько мне известно, она утверждалась («Политическая экономия», учебник для вузов». М., Политиздат, 1989), действительно переделана и если она, несмотря на это, как и раньше, «выступает в качестве теоретического фундамента целого комплекса экономических наук», то, наверное, и весь тот комплекс должен перестроиться, а значит, и экономическая статистика. А может, политэкономия в скором будущем еще собирается развиваться и, говорят, развивать ее будут не в Политбюро, а в институтах и университетах? Тогда, наверное, ради всеобщего блага статистике стоит заранее готовиться к этому светлому будущему?

— Почему введение в эту экономическую теорию называется «Политическая экономия как наука», точнее, почему «как»? Может, здесь намек на то, что эта политэкономия уже вроде бы и не совсем наука? А вдруг тогда она и не фундамент для того вышеупомянутого комплекса, в который имели несчастье попасть и бухгалтерский учет со статистикой?

— Нельзя ли, если уж кому-то это так важно, как-нибудь сделать вид, что теория Дж. М. Кейнса — это творческое развитие теории К. Маркса? Ведь мы, как теперь официально признаем, отошли от марксизма на всех уровнях (неужели действительно из-за этого все наши беды?!) и все же умудрялись именно на творческое развитие сваливать все неурядицы этой «как науки». В конце концов классики не указывали, до какой степени «творчески»?

...Некоторое время тому назад всем, кому довелось познакомиться с Системой национального счетоводства, стало ясно, что освоение ее неизбежно. И в СССР был сделан первый робкий шаг: начиная с 1988 года введен в практику показатель валового национального продукта, который, как отмечается в уже неоднократно цитированном нами сборнике, является «наиболее общим показателем конечных результатов экономической деятельности в целом по народному хозяйству» и «определяется как сумма валовой добавленной стоимости всех отраслей народного хозяйства». Только почему-то в таблицах, характеризующих уровень развития СССР и США, этим показателем даже и не пахнет, хотя его, наверное, логично было бы сравнивать с ихним валовым отечественным продуктом. Сравнивают же, как и раньше, национальный доход СССР и США. Как вы уже могли убедиться, между этими показателями у них и у нас нет почти ничего общего. И тогда это общее начинают выдумывать. Как это делается при помощи мудрых исчислений, объяснено на страницах того же ежегодника.

Допустим, что нашим ученым умам удалось, что называется, подогнать их национальный доход под наши мерки. Тогда все же остается непонятным, за счет чего нам удается создать национальный доход, равный 64% от, допустим, аналогичного показателя США при наших по сравнению с ихними 54% производительности труда в промышленности, 16% в сельском хозяйстве да к тому же 134% грузооборота всех видов транспорта, а по железнодорожному — аж в 266%. Ведь та же политэкономия гласит, что «чем быстрее растет производительность труда, тем выше темпы роста национального дохода». И с этим действительно трудно спорить. Неужто социалистическая система хозяйствования сама из себя такая эффективная? Конечно, нет. Просто сравнивают вообще несравнимые вещи. Если даже пренебречь тем, чем пренебрегать нельзя — оценкой национального дохода рынком,— все равно концы с концами не сходятся. Даже и после уменьшения национального дохода США на 30—40%, который, как указывается в том же сборнике, составляет «повторный счет доходов сферы услуг».

Дело в том, что не в составе национального дохода США, а как раз в СССР имеет место повторный счет, который, однако, во внимание не принимается. Для того чтобы определить вновь созданную стоимость, из объема валовой продукции необходимо исключить материальные затраты, которые в качестве промежуточного продукта из одних отраслей передаются в другие. Эта «чистка» производится при составлении межотраслевого баланса по полной схеме лишь один раз в пять лет. Но ведь ту же самую продукцию можно «покатать» не только между отраслями, но и внутри каждой из них. Это даже интереснее, потому что именно отрасли отчитываются за выполнение плана. Не отсюда ли эти уму непостижимые проценты и воистину колоссальный грузооборот? К сожалению, так можно нагнать и объемы, и темпы, и вообще все, что угодно, но только не продукцию и услуги, которых мы все так жаждем.

Ясно, что объективные данные можно получить, лишь перестроив всю систему учета от низовых звеньев — предприятий — до общегосударственных показателей, учитывая вновь созданную стоимость по единой методике. Только в этом случае возможно разрабатывать и целенаправленные воздействия на процесс создания этой стоимости. Хотя бы по той простой причине, что национальный доход образуется отнюдь не вычитанием одного из другого. Так его только выдумывают. А в жизни он образуется в процессе производства товаров и услуг. Так, наверное, и должен учитываться.

Но допустим даже, что в конце концов все удастся сосчитать. Так зачем же эти никчемные данные, используемые лишь для показухи, агрегировать, а потом пытаться их расчленять, если вот уже полвека весь мир использует нормальную систему непосредственного учета, если заранее ясно, что в этих пересчетах неминуемы погрешности? Такой подход не выдерживает даже арифметической критики, не говоря уже об экономической.

Наверное, поразмыслив примерно так, год с небольшим назад в Госкомстате СССР решили, что пора разобраться с СНС серьезно. Говорят, что это Госкомстату подсказал Совмин СССР. Говорят, что ему это, в свою очередь, подсказали потенциальные партнеры — кончайте, мол, валять ваньку, если хотите, чтобы международные организации способствовали развитию ваших внешнеэкономических связей. Похоже, так оно и было, ибо для того, чтобы включиться в процесс международного разделения труда, как минимум необходимо располагать сравнимыми данными, то есть научиться говорить на одном языке. Поэтому перевод советской статистики на СНС теперь уже приобрел не только внутреннее, но и международное значение. Заметим, что речь идет не просто о возможности сравнивать. Мы-то знаем точно, кто из нас лучше, а они этой ерундой не занимаются...

И Госкомстат принялся за дело. Начало его действий, надо признать, было обнадеживающим. Прежде всего госкомстатам некоторых республик, в том числе и тогдашней Литовской ССР, было предложено финансирование под это дело. В республике создали небольшую группу ученых, поставили цель — разобраться в ихней системе национального счетоводства и доложить. Худо-бедно разобрались и доложили. На глубокие исследования никто, надо полагать, и не рассчитывал, так как разбирались лишь по стандарту ООН и монографиям западных ученых. Живьем эту систему никто не видел. Впрочем, кое-кто видел, но не из тех, кому было вменено в обязанности разбираться. Как бы там ни было, сделали, что могли, отчитались и стали ждать.

Но пришла независимость, а вместе с ней переоценка очень многих ценностей. И в Литве стало абсолютно ясным, что уж теперь-то без национального счетоводства — ни шагу. Однако вместе с независимостью грянула блокада, и Госкомстат СССР прекратил финансирование работ по созданию СНС в Литве. Кого наказали? Наверное, нетрудно догадаться, что внедрение национального счетоводства в республике принесло бы неоценимую пользу Советскому Союзу. Один опыт чего стоит! Кроме того, Госкомстату СССР была хорошо известна позиция Департамента статистики Литвы. Она заключается в том, чтобы в минимальные сроки внедрить в республике настоящую систему национальных счетов. А это очень важно, когда люди сами сознательно идут на трудности ради общего благоденствия. Этим грех не воспользоваться. И потом нельзя же всерьез предполагать, что такая смехотворная мера, как прекращение финансирования работ по созданию СНС, как-нибудь повлияет на самоопределение народа.

Но все же было ясно, что так или иначе систему национального счетоводства всем нам — вместе ли, порознь ли — придется внедрять. Жизнь заставит. И вот в апреле 1990-го, опоздав примерно на 50 лет, в Госкомстате СССР созвана коллегия, которая должна была рассмотреть вопрос о применении национального счетоводства в СССР. Рассмотрела и решила... обогатить СНС за счет достоинств нашей советско-социалистической системы балансов народного хозяйства. Иначе говоря, увязали шило с мылом: ведь эти два подхода попросту несовместимы.

Вместо того чтобы заняться перестройкой всей системы учета, приняли постановление «О введении в практику сводных расчетов синтетических показателей системы национальных счетов». Вот такой пассаж. Чтобы враг не понял? Означает же это постановление, что мы по старинке будем исчислять все свои показатели (чего они стоят, мы уже говорили) и только потом при помощи специально разработанных для этого «ключей» эти показатели будут переводиться на язык национального счетоводства, иначе говоря, приводиться в человеческий вид. Но зачем и кому это нужно? Зачем с отмычкой ломиться в широко открытую дверь? Нам готовы помочь все — Статистическая комиссия ООН, уйма разных других международных организаций и зарубежных государств. Всем плохо и опасно, когда рядом с ними бьется в агонии этот страшный монстр, не способный толком разобраться, что он собой представляет и во что переделывается.

Допустим, нам удастся при помощи значительных трудовых, а значит, и финансовых затрат сопоставить результаты нашего бесхозяйства с итогами ихнего хозяйствования. Что из этого? Ведь сама сущность СНС кроется не в определении конечного результата, а в том, что данная система позволяет следить за процессом образования этого результата. Следить и воздействовать на него экономическими методами. Неужели не понятно, что, как ворону ни наряжай, по сути своей она все равно останется вороной.

А наряжать уже начали вовсю. В конце июня подготовили и разослали даже план мероприятий по внедрению этой никчемной системы. О каких организационных мероприятиях можно говорить, если сама концепция неверна? И это не только мое личное мнение. Доподлинно известно, что с таким подходом к реализации СНС в корне не согласна и часть работников Госкомстата СССР. Но они в меньшинстве, а меньшинству у нас еще умеют указать свое место.

Очевидно, что предполагаемый советский вариант так называемой интегрированной системы очень мало общего имеет с системой национальных счетов. Очевидно и то, что такой кастрированный учет не может быть плодоносным. Кто же отважится сесть на «не совсем табуретку»? А посадить все государство в лужу заведомо ложных цифр, получается, можно? Побойтесь Бога, вспомните Евангелие: «Не вливают... вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают. Но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое» (Матф., 9, 17).

...Так мы собираемся все-таки в рынок или нет? Если да, пора остепениться и сосчитать гроши. Надо найти в себе мужество признаться, что не всегда и не во всем мы самые лучшие и самые умные.

Работа потребует времени. Но «быстро» мы уже делали. Она потребует много сил и значительных средств. Но «легко и дешево» мы уже пробовали. Жить вообще стоит дорого, но не это страшно. Страшно безалаберное существование, расплачиваться за которое приходится нашим детям и внукам.

Вильнюс

ЗВОНИТЕ НАЧИСТО

Марк ШТЕЙНБОК
(фото автора)

На Красной площади перед оградой храма Василия Блаженного стояли люди со свечами и молились. Всенощная еще не закончилась. Служба слышна была по всей площади, звонили. На колокольне мелькала женская фигурка в платке. Позже в закутке служебного помещения я увидел молодую, очень красивую женщину. Она ужинала в одиночестве. На столе вареная картошка, селедка, чай. Это была Аня, Анна Федоровна Бондаренко — сотрудник музея, историк. А теперь еще и звонарь. На следующий день, в престольный праздник Покрова, Аня снова звонила, и, когда она между звонами спускалась с колокольни, мы разговаривали. Вот ее рассказ.

— Раньше, если бы кто вот так пришел и сказал, ну, давайте будем звонить в Покровском соборе, как крамолу бы восприняли. Это было бы из ряда вон, тем более на Красной площади. Идея из Архангельска шла. Наш новый заведующий Геннадий Вячеславович Шарыгин пробивал ее везде, на всех уровнях. И нам разрешили предварительно звонить три раза в год: 1 января, 9 мая и в День города. Первый раз звонил Иван Васильевич Данилов из Архангельска 1 января. Потом он приехал на звоны к 9 мая. Он должен был пластинку записывать — большой гигант. У меня музыкальное образование есть, я училище окончила по классу фортепьяно, но никогда раньше не звонила. Он попросил меня помочь, потому что очень много было колоколов. Но практически он меня как слепого котенка забросил на колокольню на выживание. Я прислушивалась к нему, смотрела, как это делается. 9 мая мы вдвоем звонили, я подзванивала ему, будем так говорить. После этого я поехала в Архангельск в Музей деревянного зодчества. Я поехала туда учиться. Там есть очень хороший звонарь Владимир Марьянович Петровский. Великолепный просто звонарь. Он меня как следует натаскивал, можно так сказать. Он дал мне все, что я умею! Только ему я должна быть благодарна. В День города я звонила в Покровском соборе уже одна.

Конечно, этому искусству надо учиться долго. И постоянная практика нужна. А у нас ни одной репетиции невозможно сделать. Поднимаешься, и сразу надо звонить начисто, вот что тяжело. Каждая звонница индивидуальна.

В том составе, как сейчас, это не музыкальный инструмент, хотя каждый сам по себе колокол хороший. Есть очень даже хорошие сами по себе. Но дело в том, что они должны звонить вместе. Гармония колоколов должна быть, чего здесь нет. Разноперые очень колокола. К сожалению, колоколов вообще очень мало, надо отыскивать новые, подбирать определенный звукоряд. Ну да ладно. Скоро начинается крестный ход. Пойду Алексию звонить.

Во время крестного хода, когда процессия двигалась мимо колокольни, Святейший Патриарх Алексий поднял голову и посмотрел наверх. Как мне показалось, одобрительно.

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

РОМАН

Глава двенадцатая

О НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ СТРАСТЕЙ, О ГУСЕ, ЗАПЕЧЕННОМ ЗАЖИВО, БРАЧНЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ, МОМЕНТАЛКЕ В КЛОЗЕТЕ И ЛЕДЯНОМ ЯЗЫКЕ ПРИКАЗА

«Зарежем штыками мы белую гидру, тогда заживем веселей!»
Газета «Одесский коммунист»,
1918 г.

«Се-емь» — прозвенело в башке, этот будильник никогда не подводил. Раз-два! — серия упражнений с эспандером и гантелями и ледяной душ — день предстоял тяжелый, прожить в нем и, возможно, умереть следовало красиво: с отлично выбритыми щеками и в любимом сером костюме в светлую полоску.

Ритуал начал я с особой помпой, достал свежий «жиллет» и начал ворожить им, бросая теплые взгляды на вереницы одеколонов и лосьонов, выстроившихся в полке, подобно каре гвардейцев на плац-параде. Каждый лосьон существовал сам по себе и будил музыкальные ассоциации в моей не шибко музыкальной душе, в основном романсы, шлягеры и еще не выветрившиеся стишки.

«Ярдли» — «Взгляд твоих черных очей в сердце моем пробудил...»

«Шанель-5» — «Ах, не люблю я вас, да и любить не стану, коварных ваших глаз не верю я обману».

«Фаберже» — «Частица черта в нас заключена подчас».

«Ронхилл» — «Бей в барабан и не бойся беды, и маркитантку целуй вольней!»

«Аква вельва» — «Гори, гори, моя звезда».

«Шипр», вывезенный из Мекленбурга, на который для маскировки (как вдруг попал ко мне этот одеколон?) я приклеил этикетку «Денима»,— песня без слов, скелет динозавра, вечное напоминание о еще не испорченном Алексе в ратиновом пальто, велюровой шляпе и туфлях на белом каучуке, любившем рвануть кружку пива в киоске около Беломекленбургского вокзала.

Но эти флакончики были лишь авангардом, за ними тянулись новые ряды моих маленьких разноцветных друзей, которыми я окроплял себя в течение дня. Кэти пыталась отвратить меня от этих увлечений, утверждая, что парфюмерия заглушает ни с чем не сравнимые запахи моего тела [1] и отвлекает ее от лирического настроя, что грозит осложнениями в наших, как сказал бы покровитель Юджина Карпыч, интимных отношениях.

Позавтракал я овсяной кашей и кофе — в ответственные судьбоносные дни рыцарям предписывается есть легко, дабы горячая кровь отливала от живота к голове, обостряя и восприятие, и хватку, и без того молниеносную реакцию. Именно на голодный желудок, словно у бродячего волка, появлялась у меня дьявольская сообразительность, что полностью исключено после недожаренного бифштекса с кровью.

Я открыл клетку, выпустил на прогулку Чарли и засыпал ему корма до воскресного вечера, когда мы с Кэти предполагали вернуться в Лондон. Чарли полетал вдоль стен, задевая крыльями морские карты и голландские гравюры в черных рамках, присел на старый секретер, где иногда отлично писались толковейшие информационные сообщения, пропорхал над тахтой в форме ладьи, сел мне на плечо, крутя головкой и рассматривая благородный антиквариат, и перепрыгнул на массивную бронзовую пепельницу, стоящую в углу на длинной ножке и приобретенную за бесценок у итальянского матроса в марсельском кабаке,— Марсель всегда приносил мне счастье, еще когда я сидел на коленях у девятиклассницы, которая, кроме «Джона Грея», прекрасно пела «Шумит ночной Марсель в притоне «Трех бродяг», матросы пьют там эль, а девушки с мужчинами жуют табак».

Время летело быстро, я не чувствовал ни напряженности, ни растерянности — именно за это качество и ценили Алекса — пусть пижон, алкаш и мандражит накануне, но в трудную минуту, когда призовет набат, умеет зажать нервы в кулак и действовать четко и точно, словно робот,— шагай вперед, веселый робот, гудит труба, неровен шаг, но воздух раскаленный легок, и старый марш звенит в ушах!

Я собрал кейс, сунул туда пару лосьонов, магнитофон, аэрозоль с дарами химии, «беретту» с глушителем и ровно в 12.00 вышел из квартиры.

Внизу я вспомнил, что забыл присесть на дорогу, вернулся обратно и плюхнулся на тахту, горько сожалея, что нет истинной веры ни в Бога, ни в черта, ни в святого духа, ни в свою жуткую фортуну, пролетающую расплавленной звездой [2] между туч, где вьются бесы и невидимкою луна.

Тут мне пришло в голову, что возвращаться домой так же плохо, как и не приседать, но я честно отсидел одну минуту, подошел к клетке и постучал пальцем по железу.

— Comment sa va, mon vieux? [3] — спросил я, щедро расходуя свой французский багаж.

— Dans la vie sexuelle, mon vieux? — ответил Чарли невпопад, что в полном виде означало: «Что нового в твоей сексуальной жизни, старик?» — эту фразу я репетировал с птицей добрый месяц, не жалея ни времени, ни сил.

— Rien [4],— сказал я, грустно сознавая всю пустоту своего шпионского существования.

— Пшэл в дупу! [5] — вдруг зашипел Чарли по-польски и захохотал дробным, скрипучим тенорком.

Куплен он был на рынке у старого шляхтича (в Лондоне после разделов Польши хватало эмигрантов), который, видимо, не отличался хорошим воспитанием и не скрывал своих чувств в присутствии птицы.

Я уже собрался уходить, когда раздался звонок в дверь. Пред моими очами стояла милая пара, которую я меньше всего хотел бы видеть в эти роковые минуты: Генри в черном пальто и котелке (вылитый сэр Уинстон, не хватало лишь сигары, торчащей из скуластого рта) и весьма стройная молодящаяся дама с припухлыми губами и глазами, светившимися, как два голубых карбункула.

— Здравствуйте,— сказал Генри дрогнувшим голосом и из него, словно из пулемета, полетели невидимые флюиды, покалывая меня своими нервными головками.

— Какая неожиданность! Как я рад! — Я изобразил такой восторг, словно явился ангел с индульгенцией, отпускающей все мои шпионские грехи, но, как любой подпольщик, внутренне содрогнулся от этого визита (Как он мог прийти ко мне на квартиру?! Да еще вместе с агентом!). Впрочем, я тут же вспомнил, что оба гостя уже давно принесены в жертву на алтарь «Бемоли», успокоился и последовал формуле, вычитанной мною в детстве: «Мохнатые уши повесь на толстый внимания гвоздь!»

— Мы пришли к вам, Алекс, с очень серьезным делом...

— К сожалению, я сейчас уезжаю... но заходите, пожалуйста! Не хотите ли раздеться?

— Спасибо. Это Жаклин... моя фиансе, на днях мы собираемся пожениться [6].

— Поздравляю! — рассыпался я от счастья.— Желаю благополучной семейной жизни!

— Спасибо,— ответил Генри сухо.— Но мы пришли по другому делу. Несколько дней назад Жаклин стала объектом шантажа со стороны одного типа, которого, Алекс, вы не можете не знать...

— Разреши мне,— вмешалась Жаклин, блеснув голубыми глазами, воспетыми Генри во многих агентурных донесениях.— Это было вечером... он пришел без телефонного звонка, прямо ввалился в квартиру с банками черной икры, матрешками и консервированным балыком...

— Надеюсь, вы понимаете, о ком идет речь? Это тот человек, с которым Жаклин познакомилась в Зальцведеле,— вставил Генри, будто беседовал не с понятливым Алексом, а с рогожным мешком, набитым навозом.

— Я была очень обрадована,— запиналась Жаклин.— Хотя и растеряна... мы поужинали и вдруг... вдруг он сказал...— она поднесла платок к лицу,— что ему очень нужны деньги... что положение у него бедственное и, если я ему не помогу, он покончит с собой!

— Самый настоящий шантаж! — снова встрял Генри.

— Он пользовался распиской? — спросил я.

— Какой распиской? — Генри даже поморщился, словно и не принимал участия в грязном дельце по получению шифров у Жаклин.— Он просил деньги в обмен на икру и баночный балык!

«Господи! — подумал я.— За что ты меня мучишь?! Только этого еще не хватало!» От Хилсмена я знал о заходе Семена к своей пассии, и вывод был один: Центр проводит за моей спиной операцию, возможно, они решили сжечь и Семена, и Болонью ради нашей «Бемоли», подставить его под арест, сделать это

---

[1] В период добрачной любви Римма говорила то же самое, зато впоследствии с ее нежных уст все чаще слетало слово «козел».

[2] В спецфонде одной библиотеки в революционной газете 1918 года я вычитал: «Блеск звезды, в которую переходит наша душа, состоит из блеска глаз съеденных нами людей».

[3] Как дела, старик? (франц.)

[4] Ничего (франц.).

[5] Пошел в задницу! (польск.)

[6] Видимо, звезды в октябре того года располагали к помолвкам и бракосочетаниям шпионов.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—47.

нарочито топорно, что порою убеждает гораздо больше, чем хитроумнейшая комбинация.

Но менять икру на валютные бабки — это не лезло ни в какие оперативные ворота.

— Я дала ему денег,— продолжала Жаклин,— правда, немного. Но когда мы ужинали, ко мне вдруг пришла соседка по дому, технический сотрудник нашего посольства... была она у меня минут пять. Короче, на следующий день меня вызвал офицер безопасности и спросил, что за иностранец находился у меня дома — ведь мы обязаны, как вам известно, докладывать обо всех иностранных контактах... такой режим у всех шифровальщиков мира. Что мне оставалось делать в этой ситуации? Я все рассказала, начиная со времен войны...

— Вы говорили, что дали расписку? — спросил я.

— Нет, нет! Ни слова. Тем не менее на следующий день меня попросили написать заявление об увольнении по собственному желанию. Причина очень простая: я никогда не упоминала в анкетах о своем старом друге и о переписке с ним.

— Все это достойно сожаления...— пробормотал я.— В ближайшее время выясню, что произошло... Обещаю вам!

— Нас не интересуют ваши сожаления.— Голос Генри дрожал.— Мы пришли вдвоем не случайно: Жаклин считает меня виновником того, что случилось! — В воздухе запахло истерикой.

— Во всяком случае,— сказал я твердо,— вы, Генри, не имеете к этому инциденту никакого отношения, повторяю: никакого!

— Вот видишь! — обратился он к Жаклин.— Я же тебе говорил! Но это не все, Алекс,— он обратил свой бульдожий лик ко мне,— объясните мне, кто же тогда виноват в этом?

Генри вынул из кармана платок (блеснули перстни на холеных руках) и вытер вспотевший лоб.

— Уж не намерены ли вы устроить мне публичный допрос? — возмутился я.

— Именно,— прогремел Генри.— Именно! Происходят утечки, Алекс, и это требует объяснений! Впрочем, мне все ясно: вы давно продали и Жаклин, и меня, а визит этого дурака тоже подстроен вами!

— Да вы что? Сошли с ума? — вспыхнул я.— Чего вы от меня хотите?

— Правды! — Его черчиллевы щеки тряслись, словно он перепрыгивал на коне через барьеры.— Что ж, карты на стол! Я давно знаю, что вы предатель! Мне сказал об этом Рамон! Да, да, Рамон! Он раскрыл мне глаза в ту темную ночь, он сообщил, что вы работаете на американцев!

— Вот как? Что же молчали? Это провокатор! — Дело принимало совсем неприятный оборот, тем более что старик все глубже входил в истерику.

— Он запретил мне об этом вам говорить! Но он выступал от имени Центра!

— От имени Центра? Да Рамон — предатель! — отбивался я.

— Ничего подобного! Он меня не предавал! А вы встречаетесь с американцами, я выследил вас! Вы заложили всех, вы предатель и мерзкая гнида! — Губы его прыгали от ненависти.— Вы американский шпион, признавайтесь! Жаль, что мне не удалось прикончить вас раньше! Признавайтесь во всем, подлец!

Только тогда я увидел выглядывавший из рукава пальто бельгийский браунинг «бэби», калибр 4,7 мм, скорострельность черепахи; с таким покушались на президентов в прошлом веке, стреляли почти в упор, как ни странно, убивали, хотя пуля нередко застревала в жилете или отскакивала от галстучной заколки. Так вот та миледи в чулке, под машиной которой я катался по мостовой, так вот кто чуть не раздавил нежное тело Алекса! Старый идиот, растерявший мозги, как ты мог поднять руку на своего куратора?! Я вспомнил, как брызнули мне в глаза кусочки коры, расщепленной пулей, и холодная ярость охватила меня. Сволочь последняя, сукин ты сын, так это ты, оказывается, охотишься за мною?

А он продолжал, как грозный судия, недоступный звону злата:

— Признавайтесь, Алекс! Да или нет! Если вы будете молчать, я выстрелю! Да или нет?

Я звезданул ногою ему по руке, бухнул с такой силой, что браунинг, пролетев сквозь люстру, с шумом врезался в потолок, и на нас посыпались разбитый хрусталь и штукатурка — удивительно, что его кисть не оторвалась и не помчалась вслед, как хвост кометы.

Он замычал, скривился от боли и прижал руку к животу.

— Руки вверх! — заорал я, схватив его игрушку.

Он обомлел и захлопал глазами, Жаклин откинулась на стуле и всхлипнула.

— Вы послушали какого-то проходимца,— закричал я,— и чуть не лишили меня жизни! Клянусь вам — слышите? — клянусь, что никого не предавал, провалиться мне сквозь землю, никого![7] Зачем мне вас предавать? Если бы я этого захотел, вы давно сидели бы в тюрьме! Неужели вы этого не понимаете?!

Я взглянул на часы — весь график операции уже полетел в тартарары.

Старый дурак! Подумать только: притащить свою зазнобу, которая, видимо, устроила ему сцену после визита Семена с икрой и балыком. Но все это были фигли-мигли по сравнению с откровениями таинственного Рамона.

Мы оба молчали, смотря друг другу в глаза, моя неизбывная ярость, по-видимому, охладила Генри.

— Неужели это провокатор? — Язык его заплетался.

— Генри! — сказал я торжественно и чуть подпустил в глаза слезы.— Сейчас нет времени для объяснений. Мы с вами работаем долгие годы и отдали жизнь великому делу. Как вы можете не доверять мне и поверить какому-то жулику? Опомнитесь, сэр! Что еще он вам говорил?

— Но он же знал все мое дело, все клички, контакты, пароли... Он приказал убрать вас. Он сказал, что вы предатель и находитесь на связи у американского резидента. Фамилия его Хилсмен. Я засек вашу встречу с ним в баре отеля «Гровнор».

— И вы пытались выполнить его приказ? — Я торопился, времени совсем не было.

— Да. И у вашего дома, и в Эппинг Форесте... Простите меня, Алекс... Я следил за вами в Тауэре.

— Со мною был Рамон?

— Я же в темноте его не видел... Кстати, он потерял у меня в спальне вот это...— И Генри протянул мне коробочку, завернутую в бумагу и перевязанную ниткой. Не глядя, я сунул ее в карман.

— Что он еще говорил?

— Больше ничего. Извините меня, Алекс, простите ради Бога. Прошу вас, скажите Жаклин, что я не мог предать ее... что не из-за меня ее уволили со службы...

[7] Коварные персы во время переговоров со своими врагами стояли на деревянных замаскированных настилах, покрывающих заранее вырытые ямы,— боялись провалиться, давая клятвы.

Под глазами налились бурдюки,— только еще не хватало, чтобы пролился ливень.

Жаклин сверкала голубыми глазами и посматривала на дверь, словно собиралась улизнуть.

— Конечно, нет,— сказал я твердо.— Это чья-то игра, и мы еще докопаемся до виновников. А теперь прошу вас уйти. У меня нет ни секунды времени. На следующей неделе я пошлю вам вызов, мы встретимся и все обсудим [8].

Словно ветер дунул — и две перепуганные мыши юркнули за дверь.

13.00. Операция сбивалась на целый час, Базилио и Алиса наверняка решат, что накануне женитьбы я выскочил из окна и убежал, как персонаж одного носатого сатирика прошлого, Кэти изведется от ожидания, а Болонья просто уйдет через полчаса, не застав никого в ресторане. Впрочем, я еще могу войти в график. Ну и сволота этот Генри: чуть не превратил жизнелюба Алекса в замазку Цезаря! Я даже похолодел, представив себя лежащим на пропитанном кровью ковре, с черепом, пробитым пулей, и мозгами, повисшими на гравюрах и клетке с Чарли.

Дальше жизнь поскакала вперед на неестественно бешеной скорости, словно в немом кино: рывок на лестничную площадку, вой мотора, и гонка что было сил — благо в субботу Лондон не перегружен транспортом. На маршруте пришлось проделать серию резких коленец, показавших отсутствие присутствия кровожадных мышек-норушек, и через полчаса я уже нажимал на кнопку звонка.

Юджин встретил меня в малиновом бархатном халате — истинно граф Лев Николаевич, только носом несколько переплюнул, рубильник выпирал, как клюв пеликана, даже очки терялись на нем, казались снятыми с лилипута.

Апартаменты Юджин обставил в стиле недострелянной мекленбургской интеллигенции: все завешано фотографиями в рамочках, никаких излишеств, каждая вещь — от колокольчика на столе (видимо, для вызова Софьи Андреевны) до вольтеровского кресла — призвана дополнять образ великого писателя, уже и не квартира, а музей светоча мысли, создающего непреходящие и, как говорили «высоколобые», пронзительные эссе о подпольной литературе Мекленбурга.

Величественным движением руки со съеденными ногтями он пригласил меня присесть в кресло.

— Вы не готовы? — Мой голос звучал так жалобно, что он всполошился:

— Но мы же не договорились о точном времени...

— Одевайтесь быстрее, у нас помолвка! — наступал я.

— Что ж вы раньше не сказали? Поздравляю, Алекс! Куда мы идем?

— Мы едем в Брайтон! У Кэти словно вожжа... там у нее родственники!

— В Брайтон? — Этого он не ожидал.

— Кэти уже там, она нас ждет... Хотели отметить в Лондоне, но все переменилось.— Я врал легко и упоенно, мимика моя играла гримасами досады, вспышками радости и прочими цветами радуги.

— Так это в Брайтоне? — заныл он.— А я еще собирался немного поработать вечером.

Тут я почувствовал, что обкрадываю все человечество. Продержится ли оно, выживет ли, если эссе появится на день позже?

— Я вас очень прошу, Юджин. Я обещал Кэти, что приеду с приятелем. Там будут папаша с сестрой... зануды дикие! Удружите, Юджин! — Я чуть не рыдал.

— А как вы меня представите?

— Как моего партнера по радиофирме, испанца по национальности.

Моя напористость и жалобный тон сделали свое дело, он скинул халат и предстал передо мною в белой сорочке и при галстуке (в дороге он рассказал, что Чехов садился за письменный стол, одевшись, как на заседание земской управы, тщательно выбрившись и отманикюрив ногти — оказывается, только таким образом можно достичь чудес в творчестве).

Наша «газель» словно убегала от погони, мы лихо мчались по автостраде в сторону Брайтона, моя нога так жала на акселератор, что я боялся продавить днище. Вдруг что-то полетело под колеса и я услышал мягкий стук.

— Кошка! — застонал Юджин.— Вы убили кошку!

— Не может быть! — Я чуть не выпустил руль.

— Это ужасно, это просто ужасно! — Он закусил свою лапу и затряс головой, словно старая баба, причитающая у гроба покойника.

Боже мой, кошка! Что же я наделал? Как не заметил бедняжку! Дурной знак, очень дурной! Интересно, какого она цвета? Черного? Но разве я виноват? Я и не видел, как она метнулась под колеса. Что за глупая кошка, вздумалось же ей перебегать автостраду! И именно под мою машину — ведь я люблю кошек. Я люблю, а Римма терпеть не может («Вечно всюду гадят, о этот запах!» — «Я сам буду за ней ухаживать, поставлю ящик с песком в уборную. Мне нужна кошка, Римуля, меня успокаивает, когда в доме кошка. Она словно забирает у меня нервные токи, ее можно гладить, класть рядом...» — «Тебе нужна кошка или я?» — «Странный вопрос!» — «Я не могу жить в одной квартире с кошкой!») — вот и весь сказ, Алекс, и не спорь, мало ли что ты любишь? Кошка перебегала дорогу и была убита. Вот и все. Аминь!

Слева уже остался городишко Гилфорд, когда вдруг со скоростью света меня обошла полицейская машина, грозно просигналив «стоп».

— Извините, сэр, вы превысили скорость! — Ненависть из бобби перла, как пар из кипящего чайника, но установленные законом правила приличия придерживали ее крепкой уздой.

— Сэр,— я тут же выкатился из машины, как колобок, и униженно запрыгал вокруг полицейского (синдром Мекленбурга, где милицейский жезл приводит в трепет любого водителя, не имеющего спецсигналов, превращает в рабскую душонку),— извините, сэр, ради Бога, сэр... у меня ребенок!

— Какой ребенок? В машине?

— В Брайтоне... жена родила несколько часов назад...— барахтался в навозе находчивый Алекс.— Она рожала так трудно... столько пришлось пережить...

Я так старался, что еще минута — и родил бы сам, видел бы меня в этот момент дядька, видел бы, как выделывает Алекс кренделя вокруг величественного, как памятник, полицая,— непременно сказал бы: «А что я всегда говорил? Молодец, Алекс! Уж, хитроумный уж, всегда вывернется из любой ситуации, выползет из самой темной задницы!», а наставник Философ, пожевав ошметок ливерной колбасы, поднял бы граненый стаканчик: «Ты молоток, Алик!»

— Мальчик или девочка? — Бобби был наивен и честен.

— Сын! — заорал я фальцетом.— Извините меня, сэр!

И он снисходительно махнул рукой, пропуская нас дальше. Часы показывали половину шестого, и Болонья уже наверняка подкрадывался к «Морскому орлу».

В Брайтон «газель» ворвалась в шесть тридцать, пот лил с меня градом, пришлось достать «ронхилл» («бей в барабан...») и обмочить им чресла, дабы не бросать вкусную кость коту Базилио и лисе Алисе, которую они радостно глодали бы целый вечер: «Ох уж эти вонючие кенгуру-австралийцы!»

Прибыл я с тяжким чувством: кошка + полицейский = ? Что знаменовало сие? Кому из нас? Мне или Юджину? Бедная кошка, угораздило же тебя, Алекс! Хватит, не думай об этом, думай об операции, впрочем, что в ней сложного? Болонья без тебя установит контакт. Почему Центр прямо не написал, что Болонья проведет беседу с Юджином? Конспирация? Успокойся, ради Бога, тебя ждут любимая женщина и ее почтенные родственники, смени пластинку, Алекс, поставь... как это? «Пою тебя, бог любви Гименей, ты благословляешь невесту с женихом!», а еще лучше произнеси несколько раз и обязательно шепотом: «Когда лошадь украдена, слишком поздно запирать конюшню». Когда лошадь украдена, слишком поздно запирать конюшню. Вот так.

Кэти встретила нас в платье из серебряного атласа с вышитой диадемой у левого плеча, потоки алых кораллов стекали с открытой шеи на белые груди, она сияла суперочаровательной, сногсшибательной улыбкой, с трудом удерживаясь от вполне уместного из-за моего опоздания площадного мата.

Базилио прошипел нечто невнятное на кошачьем языке и отвернулся, показав затылок, на котором среди стога седых волос светилось белое пятнышко, напоминающее зад кота (оно вместе с усами и подтолкнуло в свое время на кличку), сестрица же Алиса не сводила с меня ненавидящих глаз, словно овчарка, еще не решившая, в какую часть тела вцепиться,— вся ее лисья морда от злости сморщилась в одну большую улыбку, в которой и нос, и глаза, и уши разбегались в разные стороны.

— Прошу прощения, у нас по дороге спустили оба колеса... пришлось заехать в сервис...

Базилио посмотрел на меня так, словно я только что выпрыгнул из кровати девочки Мальвины.

— Да, да, полковник, сразу два колеса!

Присутствие незнакомого человека (Юджин уже метал бисер перед полковником на полную катушку) несколько разрядило обстановку. Мы спустились к «газели», и пинкертон Базилио начал тут же разглядывать и щупать колеса, чуть ли не облизывая их своим шершавым языком.

— Что-то колеса старые... неужели такие продаются? — Но я даже не удостоил его ответом.

В машине Юджин на своем ломаном английском рассказал анекдот [9], его никто не понял, но все для приличия ржали.

«Морской орел» призывно горел цветной рекламой, и через витрину я увидел фигуру Болоньи, засевшего на стульчике у стойки бара. В фойе всю нашу гоп-компанию встретил метрдотель и повел к столу с зажженными зелеными свечами. Проходя бар, я встретился взглядом с Болоньей — он повел глазами в сторону туалета. Метр усадил нас за стол, а я вернулся к бару и пошел по коридору, слыша за собой топот самых надежных в мире «скороходов».

В уборной было пусто и покойно, Болонья указал мне на кабину, куда я и вперся, снедаемый любопытством и страхом. Болонья тут же влез в соседний отсек и подсунул мне под кабину конверт, в котором лежало послание. «В целях обеспечения безопасности мы планировали провести беседу с «Контом» на судне в районе Брайтона,— расшифровывал я.— Однако случилось непредвиденное: сегодня утром загорелось машинное отделение, и на судне много пожарных и полиции. Вам предписывается доставить «Конта» под благовидным предлогом в порт Кале (Франция), где в данный момент находится другое наше судно. От Брайтона до Кале несколько миль, поэтому предлагаем вам обеспечить доставку «Конта» на яхте «Регины», используя все необходимые для этого средства. Яхту следует поставить на причале № 4 порта Кале, у Голубой набережной. В контакт с вами там вступят по паролю: «Сегодня на море 2,5 балла, не правда ли?» Отзыв: «По-моему, три». Подпись...

Боже мой, такого не бывало в моей безумной жизни: заделана была высочайшая подпись самой Бритой Головы, беспрецедентный случай, приказ летел почти с самого верха, руки по швам, Алекс!

Болонья уже исчез из кабины, а мне, пораженному неожиданным указанием, сам Бог велел воспользоваться счастливым случаем и задержаться на толчке подольше.

Кошка, несомненно, была черной, настоящая черная кошка, проклятая служба, сумасшедшая бабаразведка, все переворачивающая с ног на голову, типичный случай в оперативных традициях Монастыря: детальный план, тщательная подготовка, взвинченные нервы, а в последний момент все лопается к чертям, все летит вверх тормашками, суета, и новый приказ, и каждый умирает в одиночку. Яхта в порядке, до Кале ходу часа три, погода вполне на уровне... Смогу ли я уговорить Юджина прогуляться в Кале? Проблема номер один. Чем все это может закончиться? Вопрос. Если Юджин согласится, то все будет шито-крыто. А если отметет предложение? Допустим. Но если он выдаст Алекса, худо придется его деткам, он ведь не дурак. А если отметет и возникнет скандал? Не пришлось бы рвать когти из Альбиона.

И тут я вдруг безумно заскучал по своей квартире у Хемстед Хита с видом на зеленые лужайки и по каменным плитам Вестминстерского аббатства, в котором метались призраки и королей, и премьеров, и расстрелянного шпиона с миниатюрным портретом возлюбленной Онор в медальоне, спрятанном во рту. И казалось мне, что я снова в двухэтажном красном автобусе, взбиравшемся на Лондон-бридж, я беседовал с милой миссис Лейн и ее сеттером, симпатично выпустившим язык, я входил в полумрак «Этуали», следуя за знакомым метрдотелем («Как обычно, столик в правом углу, сэр?» — «Да, да, под картиной Каналетто!» — «Т» я произносил шикарно, с заиканием и придыханием на оксфордский манер, словно вел свой род от династии лорда Честерфилда), даже Черная Смерть уже казалась необыкновенной, нежной и хорошо отмытой девушкой шоколадного цвета.

Ох уж эти беседы на мекленбургских судах! Зачем тебе ввязываться в это дело, Алекс? Этот мяч можно отыграть очень просто, без малейших усилий... кто тебя может проконтролировать? Что же делать для этого? Да ничего не делать! Сиди себе за столом, хорошо жуй и пей, а после банкета распрощайся со всеми и поезжай на яхту вдвоем с Кэти. То есть как? А задание? А долг? А телеграмма Бритой Головы? Пошли их к такой матери, Алик, не влезай в эту историю! Ну, а дальше? Тебя ли учить, старый и хитрый лис? Дальше сочини телеграммку в Центр: «Не-

[8] **Очень похоже на одну из любимых резолюций Мани — «обсудим». Просто, изящно, деловито.**

[9] **Выбор Юджином анекдотца говорил о том, что ему явно не хватало папы-эстета. Француз вбегает в цветочную лавку. «Мне нужен букет цветов для невесты!» — «Она девушка или женщина?» — «Какое это имеет значение?!» — «Если девушка, то нужен букет из белых роз, а если женщина, то из фиалок».— «Ну, конечно, из белых роз!» После паузы: «А впрочем, вплетите туда немного фиалок».**

смотря на мои настойчивые просьбы, «Конт» идти на яхту отказался, сославшись на... с комприветом. Том» — и работай себе спокойно под крылом Хилсмена, ищи свою Крысу, тем паче что после встречи с Генри в руках твоих появились новые интересные ниточки... Пошли все это дело с «Контом» подальше, ничего, кроме неприятностей, оно тебе не принесет, не скользи по лезвию ножа, обмозгуй все это дело еще раз, а пока слезай с толчка и двигай к столу! Все, наверное, уже решили, что у тебя колики от страха перед брачной ночью.

Картина застолья написана сочными красками: чуть смущавшиеся блеска люстр laitances de carpes, тающий во рту salmon, ницуазский салат с гренландскими креветками и мидиями, конечно же, приличествующая событию caviar[10] и гвоздь программы — гусь, зажаренный в эльзасском вине и кусочках свиного сала.

Метрдотель не без черного юмора утверждал, что повар зажарил гуся заживо,— тут уж меня замутило, я боялся убивать живое, выпускал на волю ос и пчел, застрявших в блюдечке с вареньем, почтительно обращался с пауками и всегда доставал их из ванны, боясь упустить свое счастье,— все это осложняло мою жизнь с Риммой.

Новый финт Центра омрачил мое настроение, «гленливет» — а он, естественно, не мог не красоваться посредине стола — я пить не стал, а ограничился разбавленным сотерном. Впереди зиял черной дырой светлый путь и требовались, как завещал Несостоявшийся Ксендз, холодная голова, горячее сердце и чистые руки.

Базилио встал и во всем своем кошачьем остроумии произнес прочувствованный тост за наше с Кэти счастье (тут он просто изнемогал от своих реприз, я и не предполагал, что в Англии отставные полковники нисколько не умнее наших).

Я бездумно водил взглядом по молокам карпа, по веселой Кэти и по тихому и скромному Юджину, не подозревавшему, что вся эта трагикомедия весьма напоминает его приключения со стулом перед дулом фотообъектива.

Юджин встал.

— Я тоже хотел бы произнести тост. У Алекса в Австралии существует прекрасный обычай. Правда, это касается свадьбы, а не помолвки, но суть его от этого не меняется. Дело в том, что и еда, и питье становятся горькими, если новобрачные не поцелуются. Горько!

— Так я знаю этот обычай! — взвизгнул Базилио, словно ему мазанули под хвостом скипидаром.— Однажды в порту Архангела нас водили на свадьбу! Ох, сколько я выпил водки! Вы пили когда-нибудь настоящую водку? — Вопрос был адресован Юджину.

— Только смирновскую.— Глаза его блеснули изза носа заговорщицкими искрами.

Мы поцеловались, и тяжелая тоска вдруг навалилась на меня.

— Что ты такой грустный? — обратилась ко мне Кэти.— Устал?

— Что-то побаливает желудок,— ответил я совсем по-семейному.— Видишь, я даже решил пить сотерн с водой и не притрагиваюсь к гусю[11]. Давай после ужина прогуляемся на яхте... прихватим заодно и моего дружка.

— Отлично! — Кэти блеснула глазами. Она не вылезала бы из яхты, бороздила бы всю жизнь моря и океаны.

Итак, яхта. А если Юджин не захочет плыть в Кале? Будем действовать творчески, в зависимости от обстоятельств. Нельзя сделать омлет, не разбив яиц. А как в этом случае будет реагировать Кэти? Мда, дело пахнет керосином, если Юджин наотрез откажется. Что будем делать, Алекс? А может, все-таки спустить все на тормозах? Плавно и легко. Можно даже пригласить Юджина на яхту таким образом, что он сам откажется. И совесть твоя будет чиста, если она еще осталась. И волки сыты, и овцы целы. Тьфу! И это называется бесстрашный Алекс, которого ставят в пример молодняку! Вот вам и гордость Монастыря, орденоносец и герой! Трус! Способен только глотать «гленливет» и трахать баб! Трус, встряхнись: перед тобою предатель родины, не пускай слюни и сопли, зажми себя в кулак! Телеграмму подписал сам Бритая Голова! А если я не вернусь? Прощай, суровый Альбион, прости, мой край родной! Почему не вернусь? А не вернусь — тоже не страшно, исчезну из мира ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови...

И вдруг тревога охватила меня: что будет с Чарли? Что будет с моим бедным какаду? День, другой, третий... Не умрет ли он с голоду? Надо было оставить клетку миссис Лейн. Впрочем, он вряд ли ужился бы с сеттером. Сколько времени потребуется контрразведке, чтобы осмыслить происшедшее? Я представил, как группа в плащах врывается в мою хемстедскую квартиру и начинает грубый обыск, а Чарли дергает головой и по привычке кричит: Good morning, old man! — «Доброе утро, старик», он обращается ко мне так же, как и Челюсть. Контрразведка покидает квартиру, и бедняга Чарли остается один — кто в пылу исполнения долга вспомнит о несчастной птице? И вот он сидит на жердочке одинодинешенек, и заглушают стены его предсмертные крики...

А стол гулял и смеялся: Кэти и сестрица с умилением вспоминали свое безоблачное детство, полковник Базилио удовлетворенно поддакивал, куря дешевую сигариллу (десерт он умял одним духом, несмотря на то, что сожрал добрую половину гуся), и рассказывал Юджину об огурцах в своих парниках. Иногда мы с Юджином обменивались многозначительными репликами: «Как гусь?», «Вам поперчить?», «Прекрасный салат!» — в общем, помолвка удалась на славу, если бы не мочеподобный сладковатый сотерн, которым мне приходилось пробавляться.

— После ужина я хочу показать вам нашу яхту... это совсем рядом,— шепнул я Юджину.

— А я не опоздаю на последний поезд?

— Что вы! Он ходит до полуночи. Кэти гордится яхтой...— Я почувствовал, что уже начинаю нервничать.— Там и выпьем, как следует... без всяких любопытных родственников...

— Только на несколько минут. Я хотел бы вернуться в Лондон пораньше.— Эти слова словно ошпарили меня, и я машинально отхлебнул мерзкого сотерна.

Ничего, мы попробуем его уговорить прокатиться в Кале. Уговорим. Все знают силу убеждения Алекса. «Если ты, Алик, чего-нибудь захочешь,— говорила мама,— ты пристанешь и не отлипнешь, как банный лист». Семинаристский дядька тоже ценил Алекса за настойчивость. Уговорю, обязательно уговорю. В конце концов пообещаю довезти до Лондона на машине. Рухну на колени, разыграю сцену, взмолюсь, застучу лбом по паркету — не откажет он мне в день помолвки.

Базилио, положив глаз на бутылку «гленливета», который я, увы, не трогал, к концу банкета надрался as a lord[12] и надувал щеки, выпуская мерзкий едкий дым сигариллы.

После кофе, захватив со стола «гленливет», оставшийся после пиршества Базилио (моветон, но не пропадать же добру), и, подав руку ослепительной Кэти, я вышел из-за стола, и мы торжественно прошествовали к «газели».

Базилио и Алиса, помахав нам руками (сестрица придерживала папашу, наступавшего себе на хвост), направились домой, а наша троица покатила к причалу, где, слегка покачиваясь на темной воде, белела «Грациозная».

Я пропустил Кэти и Юджина вперед и на минуту задержался в машине, переложив из атташе-кейса в карман «беретту» и аэрозоль с газом. Черт побери, как бы брызги не попали и мне в нос, такие случаи бывали, поэтому стоит подстраховаться, прикрыть другою рукою нос и рот, лучше всего платком. Где он? Платок, как ни странно, находился на месте и ностальгически пах «шипром». Именно «шипром» пахло от Алекса, когда он повел Римму в загс,— даже подергала ноздрями тетя в очках, сидевшая за столом; Римма стеснялась, что на ней потертый котик, что ж, теперь у нее две норки! Итак, платок на месте. Впрочем, не надо спешить. Возможно, Юджин легко согласится на поездку в Кале. Стоит хорошенько его попросить. Так, как умеешь только ты, Алекс. Если откажется категорически, заманить в малый отсек (спальню), дальше уже ясно...

Мысли упрыгивали прочь от операции, скакали взад и вперед, как синицы на ветвях: как там Сережа, хорошо ли начал четверть? Что сейчас делает Чарли? (Опять!) Почему бы не отказаться навсегда от «гленливета» и не перейти на сотерн? Или завести черного бульдога? Три вещи: роща, поросль, подросток. Из леса в бревнах виселиц мосты. Из конопли веревки для захлесток... Наш паровоз, вперед лети!

Кэти и Юджин уже расположились в салоне, сладко пахло от электронной кофеварки, и Юджин даже пошевеливал своим хоботом от удовольствия.

— Выпей что-нибудь покрепче, Алекс, страшно было смотреть, как ты цедил сотерн... словно чашу с ядом! — пошутила Кэти, и мы с Юджином понимающе переглянулись.

— Я предлагаю прошвырнуться в Кале! — заявил я радостно, а сам замер, как перед прыжком с трамплина, даже ноги задрожали от напряжения.

— Чудесно! Только я стану за штурвал! — подхватила Кэти.

Скажи «да», умоляю тебя: скажи «да», умоляю тебя всеми святыми: скажи «да»! Я тебя озолочу, если ты скажешь «да». Боже, Боже, умоляю, прошу тебя, заклинаю: сделай так, чтобы он сказал «да». Я исправлюсь, Боже, я буду другим, я и так стараюсь не делать зла, умоляю тебя, пусть он скажет «да».

— Нет, нет, извините, Алекс, я только на несколько минут,— промолвил негодяй, идиот, сукин сын, чтоб твоя могила полынью заросла!

Я взял принесенную бутылку «гленливета» и увидел, что у меня дрожит рука,— Юджин это заметил, но тактично сделал вид, что рассматривает свои обкусанные ногти.

— Черт побери, пора завязывать, вчера я дико надрался — и вот результат! — Я растопырил дрожащие пальцы и показал Юджину.

— Так завяжите на полгода, а потом посмотрите, что из этого получится...

— Пожалуй, я так и сделаю... с сегодняшнего дня... спасибо за совет! — Хотелось, конечно, рвануть, но сначала дело, а потом кайф, как говорил король Ричард, прирезав братца и собираясь придушить его младенцев.

— А вы что не пьете?

— Не хочется...— ласково ответил он.

— А я думал, что вы... помните?

И вдруг скрутила меня судорога смеха, не знаю почему, но я гомерически захохотал, не в силах удержать себя в руках, и хохотал бы до полной истерики, если бы не закашлялся. Кэти всплеснула руками и стала больно колотить меня по спине.

— Я знаю, почему вы смеетесь,— сказал Юджин, дружелюбно улыбаясь.

— Почему? — продолжал давиться я, чувствуя, как позорно из курносого носа, словно с горных вершин, текут бурные ручьи.

— Вы вспомнили, как я пил с одним человеком перед своей прогулкой в Хельсинки. Правда, тогда мы пили коньяк...

Значит, мы все время думали об одном и том же, значит, он подозревал меня! Зачем же ты попер на яхту, дурак? Зачем согласился ехать в Брайтон, дубина ты стоеросовая?! Или тянула, словно пропасть, опасность, когда прешь на рожон и не веришь внутреннему голосу? Хотелось верить людям, да? Почему так устроена душа?

— Но мы будем пить из одной бутылки...— Я все кашлял.

— Тогда мы с ним тоже пили из одной бутылки...— Он подхохатывал.

— Но из этой бутылки уже пил папа,— не унимался я.

— Вот он и пошел спать... Впрочем, прошу прощения за черный английский юмор![13] — Юджин улыбнулся.

А я никак не мог сдвинуть себя с мертвой точки, время, как назло, растягивалось и удлинялось, а на самом деле его уже не оставалось, и Юджин заерзал в кресле, нацеливаясь на выход.

Я ощупал аэрозоль и встал. В спальню. «В голубой далекой спаленке твой ребенок опочил»,— пел когда-то Вертинский, я его еще застал, видел на сцене, не понимая, зачем он двигает руками, как лебедь крыльями.

— Юджин, вы видели нашу спаленку? Она, конечно, невелика и чем-то напоминает шалаш для влюбленных... Прошу вас! — И я указал рукой на соседний отсек со щедростью хозяина, готового пожертвовать всем для дорогого гостя.

— Что там смотреть? — возразила Кэти.

— Мы там выпьем тайно от тебя...— молол я что придет в голову,— выпьем немного «гленливета».— Я не слышал, что говорил.

Юджин встал и двинулся к спальне, я пошел за ним, держа в кармане аэрозоль. Только не забыть вынуть платок, обязательно вынуть платок, нажать на кнопку, закрыть нос и рот, обязательно задержать дыхание хотя бы секунд на десять или сразу же выйти из комнаты...

— Добрый вечер, леди и джентльмены! Наконецто я вас разыскал!

На лестнице, ведущей вниз с палубы, стоял полноватый джентльмен с букетом белых роз.

Продолжение следует.

---

[10] Молоки карпа... семга... икра. Когда Базилио ее увидел, его словно ударило током: «О зернистая икра! Как я люблю те края! Ведь я служил в конвое во время войны, охранявшем грузы, идущие в порт Архангела!» — Просто готовый ценный агент, так и хотелось подойти к нему на четырех лапках и промяукать: «Дорогой Базилио, докажите делом ваши симпатии. Одна ваша знакомая кошка работает секретаршей у премьер-министра...»

[11] Не то что притрагиваться — видеть его, зажаренного заживо, не мог!

[12] «Как лорд», по-мекленбургски — «как свинья» — яркое свидетельство разницы классовых подходов.

[13] Истинно черный юмор обитает не в Англии, а в Мекленбурге: «Голые бабы по небу летят — в баню попал реактивный снаряд».

ЛЮДИ ИЗ МРАМОРА

Надежда АЖГИХИНА

1

Я прилетела в Варшаву в тот вечер, когда польские газеты сообщили об аресте бывшего министра внутренних дел Милевского и группы его недавних подчиненных. Всю дорогу из аэропорта друзья говорили об этом.

— Тридцать пять килограммов золота — такое обвинение. Наверное, окажется еще больше. Давно ребята из милиции рассказывали, что ценности, изъятые на таможне, не полностью поступают в банк. И материал собирали долго.

— Однако же успели к самому разгару избирательной кампании!

— Ты спрашиваешь, где их арестовали? Дома, конечно! Или на своих виллах — никто и не думал прятаться, жили, так сказать, на заслуженном отдыхе.

— Милевский любил на родине бывать, в деревне. Понятно, там было полегче, чем у соседей. Но главное — он шоссе прямо к селу построил, лучшее во всем воеводстве. За казенный, естественно, счет...

Мимо проносились светящиеся огнями воздушные эстакады, темные парки, гигантские рекламы — «Кодак», «Сони», «Кока-кола». И на миг показалось, что за окном автомобиля мелькнул иной пейзаж — наше нечерноземное бездорожье, пересеченное идеальной шоссейной ленточкой к совхозу, где родился очередной лидер или герой, и услышались другие голоса — голоса московских друзей на кухне, где Владимир Калиниченко рассказывал о казахском и узбекском золоте, запрятанном в кубышки недавними вершителями судеб народов, и голос адвоката Макарова на «чурбановском процессе»... И все эти дни чем больше узнавала я сегодняшнюю Польшу, тем острее думала о наших родных делах и бедах, и дела наши, отраженные светом Польши, рождали все больше и больше порой очень неожиданных вопросов, и я ходила по улицам, заходила в редакции, телестудии, разговаривала с людьми и неотступно пыталась найти на них ответы.

Вопрос первый: хорошо ли жить при рынке? Первым же утром в Варшаве я задаю его сама себе скорее риторически: кто же не знает, что в нем, рынке, наше последнее спасение и надежда,на его загадочные для обывателя законы и рычаги — все упования. И отправляюсь в центр Варшавы — поглядеть, как это наяву происходит у них, у поляков. Автобус катит мимо ажурных мостов, мимо памятника Шопену, советского посольства, президентской резиденции, мимо здания привычной «обкомовской» архитектуры — бывшей штаб-квартиры ПОРП, так и не обретшего новых хозяев, и останавливается напротив самой обычной «высотки» — под стать своим братьям-близнецам с площади Восстания, Красных ворот или Смоленки — департамента культуры. Подземный переход — и я в торговом сердце столицы.

Человек, только что попавший в варшавские торговые ряды после наших московских, испытывает ко всему окружающему специфический, я бы сказала, экскурсионный интерес. Мой наметанный глаз моментально оценил и шесть сортов ветчины, и дюжину видов сыра, и соревнование ярких наклеек на английском, французском, немецком, китайском и иных языках в совершенно пустом кондитерском отделе, и отсутствие очереди за детскими колготками всех расцветок и размеров, и некоторый выбор в отделе дамской обуви и легкого платья, который, впрочем, заслуживает отдельного разговора. Проходя с торжественностьюэкскурсанта мимо прилавков, где теснились не покупатели, а товары, я вспоминала слова моей подруги Уршули: «Сначала были очереди. Потом — талончики (по-вашему — карточки). Потом не было ничего. В магазинах — один уксус. А потом наступил день, когда и уксуса не стало. Это было совсем недавно». И я ловлю себя на том, что прохожу по отделам огромного магазина не просто от любви к новым знаниям, а как будто проверяю, нет ли в каком углу под вывеской «Парфюмерия» или «Трикотаж» этих самых унылых полок с уксусом. И, как ни странно, не нахожу.

Слава тебе, о рынок, за какой-то ничтожный для жизни человеческой срок превративший прилавки с уксусом в цветущие сады, расстеливший в безводной и скудной пустыне сверкающую скатерть-самобранку!

Я уже готова слиться со стайкой покупательниц ближайшей секции «Косметика», как вдруг понимаю, что все свои польские деньги оставила дома, в кошельке — только несколько десятирублевок. Но рынок снова выручает: рядом с лестницей замечаю окошечко конторы валютного обмена (видела такие потом всюду в центре, возле вокзалов и даже в подземных переходах). Ни паспорта, ни гражданства здесь не нужно — достаешь пачку долларов, фунтов, марок или наших рублей и меняешь на злотые. Наш рубль, как гласила дощечка возле окошка, стоит 520 злотых (по официальному курсу вдвое больше), и каждая моя «красненькая» превращается в пятитысячную бумажку с мелочью. Пора наконец за покупками.

Покупаю пластмассовый складной самолет за шесть тысяч (в уме прикидываю — двенадцать рублей), детские джинсы за шестьдесят, теннисный шарик за шестнадцать и в отделе заводных игрушек понимаю, что мой сын, владеющий тремя сборными железными дорогами и десятком машин на батарейках,— настоящая акула капитализма: каждая из таких стоит в пересчете на рубли от 50 до 150, а о паровозах со свистками и говорить не стоит. На свои десять рублей я могла бы беспрепятственно купить: два тюбика зубной пасты «Луноплант», или сто граммов ветчины, или килограмм свежего сладкого перца, или упаковку итальянских макарон, или полторы банки пива, или кусок свежей вырезки на один антрекот. Бутылка вина «Каберне» обошлась бы мне в двадцать пять рублей. В одном из самых фешенебельных магазинов Варшавы я видела французское шампанское, которое стоило полмиллиона. На моих глазах подошел человек и купил бутылку.

Как сказал один из популярных польских лидеров: «Уровень жизни упал, качество жизни повысилось».

— Сколько же денег нужно поляку? — спрашиваю я у своих друзей. Мы сидим на просторной кухне, так похожей на многие кухни друзей в Москве, и в Ленинграде, и в Череповце, и Киеве, и других городах, где собираются и сидят допоздна, разговаривая обо всем на свете.

— Столько, сколько у него никогда не будет,— говорит Ярослав Каминьский.

Я не понимаю. Каминьский — телережиссер, снимает примерно по одной ленте в полтора месяца, зарабатывает в месяц около миллиона (средняя зарплата в Польше — 800 тысяч), жена работает в популярном журнале и в издательстве, получает столько же. Один сын. Есть неплохая квартира, автомобиль — благополучная семья, одним словом.

— Поначалу было удивительное ощущение: приходишь в магазин и покупаешь хорошие конфеты, хорошие вещи,— говорит он,— но потом наступала вторая половина месяца, и оказывалось, что денег нет. Ты можешь не покупать каждый день туфли и рубашку, но ты должен есть, кормить своего ребенка, платить за квартиру — мы платим сто пятьдесят тысяч в месяц, за телефон, свет. Теперь мы, выходя из комнаты, всегда выключаем свет — раньше этого не было. Моника не любит темноты.

— Все-таки цены стабилизировались, больше не растут? — спрашиваю я.

— В целом нет. Но вот бензин только на этой неделе подорожал на 500 злотых за литр. И, говорят, будет еще дороже.

— Но зарплата тоже, кажется, растет...

— Конечно. Раньше мы зарабатывали 20 долларов в месяц, теперь — 100. А рыночные цены равняются на доллары. У нас восточная зарплата и западные цены — вот в чем дело. И поэтому все озабочены, где бы побольше заработать и хорошо бы заработать доллары или марки. Люди стали более замкнутыми, раздражительными, стали меньше общаться.

— Давайте посмотрим новости,— сказала Моника,— что нового о Милевском.

И мы включили телевизор. Но новости уже закончились, шли титры очередной серии цикла «Династия» («Вроде «Рабыни Изауры», но по-американски»,— сказала Моника. Впрочем, «Изаура» здесь тоже шла). По другой программе выступал ксендз. По третьей — повторение утреннего урока по Закону Божьему.

— А ваш сын посещает этот урок? — спрашиваю у Ярека и Моники.

Оказывается, нет. Таких, как он, в классе всего трое, они гуляют во дворе, пока остальные занимаются с ксендзом (урок добровольный, но включен в учебную сетку). Уже возникает непонимание со сверстниками.

— Отношения с Богом,— говорит Ярослав,— это личное дело каждого. И едва ли выйдет доброе, если духовная жизнь человека становится каким-то общегосударственным делом, это уже было. Церковь много сделала в прошлую выборную кампанию, теперь она старается занять место идеологии

и диктовать общие моральные нормы. Но люди изменились, это уже не прежние католики, они многого не понимают. Не понимают, почему им запрещают делать аборты, когда жизнь такая тяжелая, почему еженедельно в церкви надо платить деньги, почему дома для ксендзов строят быстрее, чем для всех остальных, а с жильем у нас неважно. Это очень хорошо, что церковь всюду может высказать свою позицию по любому поводу. Но я, если я живу в свободной стране, должен иметь право и не верить в Бога...

2

— Что такое свобода? — спрашиваю у Яцека Попшечко, заместителя главного редактора еженедельника «Политика». В кабинете у Попшечко беспрерывно звонит телефон, меняются сотрудники с подписными полосами — горячая пора. И слышу в ответ:

— Боюсь, это — то, чего мы еще не понимаем.

О свободе в Польше говорят все. Валенса, призывающий избирателей сделать свободную Польшу для поляков. Михник, выступающий за свободную консолидацию поляков со всеми остальными европейскими народами и государствами. Все полтора десятка претендентов на высший государственный пост говорят только о свободе. О ней же беспокоятся и молодые люди, демонстрирующие возле советского посольства во имя освобождения от советского присутствия. И люди, ратующие за свободу польского меньшинства в Литве...

— Прежде всего многим кажется важным освободиться от прошлых воспоминаний, от ПОРП. Бывшие члены ПОРП сегодня первые кандидаты в безработные, высокий пост им не угрожает. Недавно знакомый взял такси: за рулем оказался бывший работник аппарата ЦК. Рад, что смог устроиться таксистом.

— Наверное, все же такой пример — исключение.

— Кто-то работает по специальности, кто-то на пенсии. Но знаю и такой случай: в прямом эфире по радио бывший партиец делился воспоминаниями о себе и о коллегах, рассказывал очень интересные вещи — слушатели просили даже продлить передачу за счет других программ. Но последующих выпусков не было.

— От чего сегодня не свободен журналист?

— Многие боятся потерять работу. Многие уже потеряли. Падают тиражи — это естественно, цены растут, и надо выбирать: подписка или что-то очень необходимое семье.

— Сколько стоит подписка на наш журнал?

— По-моему, около восьмисот тысяч.

— Готова ли «Политика» к конкуренции?

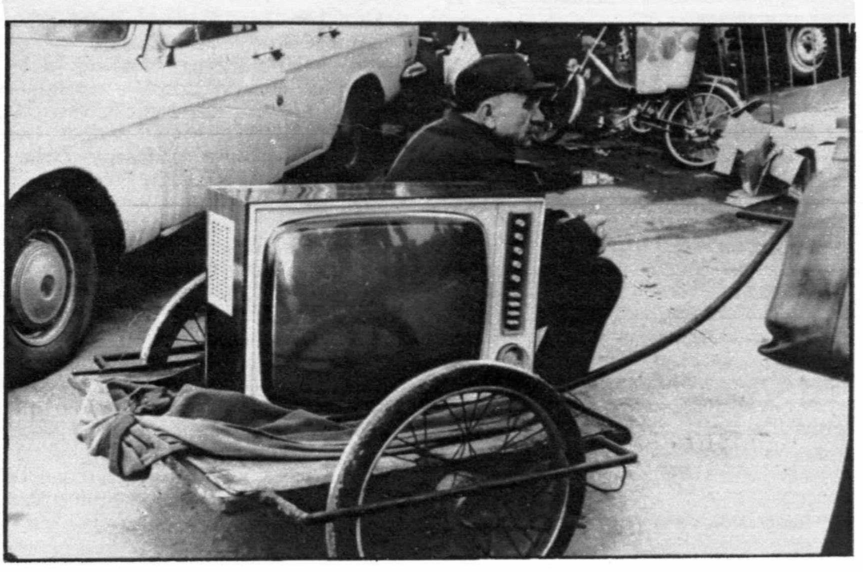
— У нас четкая позиция и сложившаяся репутация, дело в том, что и раньше мы позволяли себе чуть больше других и сейчас стараемся давать оперативную, четкую информацию, стараясь оставаться качественной печатью. Читатель нас знает и интереса к нам не утратил, как мы убедились. Сейчас газета переходит на полную самоокупаемость, есть проблемы, но опять-таки у нас положение стабильное, мы приносим доход и, надеемся, скоро почувствуем это реально. Хотя многие издания на грани закрытия, особенно специализированные.

— А новые газеты?

— Мы их не считаем конкурентами. Скажем, «Детектив» — узконаправленное издание. Сегодня покупают «Скандал», «Пан» — польский «Плейбой», но эта популярность недолговечная. Вот смотрите первую страницу «Скандала» — изнасилование, массовое убийство, откровенная картинка... Людям необходимо серьезное чтение. Хотя, конечно, рынок сказывается на культурном уровне, но, я уверен, это явление

преходящее. Важно держать планку качества высоко...

Я иду по старой Варшаве теплым осенним вечером, мимо величественного кафедрального костела, мимо замка и рыночной площади, где встречаются влюбленные и продают цветы, помаду, сувениры. И слышу снова родную речь. Откуда? Да как же, вспоминаю я, замечая ассортимент уличного торговца — наши пузатые чайники, утюги, даже зубная паста, даже стиральный порошок. Раньше наше общественное мнение свято верило в то, что это поляки не могут без торговли: они скупили наши телевизоры, пылесосы и растворимый кофе. До последнего времени в Варшаве были такого же мнения о восточных немцах, лавиной обрушившихся на западные границы страны. Сегодня на польских улицах наши соотечественники торгуют всем, даже турецким чаем — все равно дороже, чем у нас. У такого самостийного продавца цена обычно на 10—20 процентов ниже магазинной. Прибыль? Посудите сами: покупаешь за 6 рублей упаковку «Диксана» и продаешь в Варшаве за сорок без малого (а в магазине — все шестьдесят!).

Я вижу улыбающихся таксистов, готовых везти хоть на край света в автомобилях любой марки, но не вижу желающих воспользоваться их услугами и понимаю почему: опаздывая в редакцию, мы с Уршулей поймали такси и за три километра по городу выложили пятнадцать тысяч (считайте — тридцать рублей).

Мы заходим в крошечное, уютное кафе и пьем настоящий варшавский кофе. За соседним столиком — совсем юные ребята, по виду студенты. Так оно и оказывается. Юристы.

— Что вы будете делать после университета? — спрашиваем мы.

— Я не знаю,— отвечает один.

— Из курса, который в прошлом году получил дипломы, много безработных,— говорит другой.— Кому повезло, уехали.

— Куда?

— Куда-нибудь.

— А ты думаешь тоже уехать?

— Наверное... Чего ждать-то...

— Как чего? Когда в Польше не останется ни одного коммуниста!..

Нетерпение, как прочно, накрепко вошло ты в нашу кровь, в поры, определило таинственный вектор души. С давних времен — с народовольцев еще, с польского восстания, с первых революций — жгло молодые и созревшие сердца какое-то томительно-будоражащее, ни с чем не сравнимое: глотнуть свободы, шагнуть к новому раю — наотмашь, немедленно, не дожидаясь лучших дней... Нетерпение свободы. Нетерпение возмездия. Нетерпение рынка?.. И сегодня мы — не так ли, как наши деды некогда,— стремимся поскорее отряхнуть прах былого с наших ног, поскорее обрести новые истины и опоры? С тою же поспешностью, как сбрасывались с корабля современности вековые уклады и древние святыни, мы рвемся водрузить на не остывшие еще пьедесталы новых кумиров. На место Его Величества Плана — Его Сиятельство Рынок, на место поверженного Ленина — Богородицу, на постамент свергнутого комиссара — казачьего

атамана... И уж если ходить в церковь, то всем классом, почти как на пионерский парад, не дожидаясь, пока созреют в смятенных душах ростки подлинной, глубокой веры... Ведаем ли мы, что творим в пылу и восторге обновления? Не получится ли, что, поменяв наскоро полюса «плюс» и «минус», мы не изменим сути ни в мире, ни в себе самих, не приведем ли — сами себя — к новому, неизведанному повороту?

На прекрасном берегу Вислы, политой примиряющим осенним солнцем, в зареве полыхающих садов я думала об этом. И снова не могла найти ответа...

3

Выезжая из Варшавы на юг, попадаешь в страну теплиц. Ровненькие, как нарисованные, они тянутся почти до горизонта. Здесь круглый год зреют помидоры, огурцы, зелень, бесперебойно поступающие в торговлю. Огород всей Польши, от которого перепадает и нам. Теплицы закончились, потянулись поля — широкие, просторные. Тучные коровы неторопливо жуют траву, упитанные овцы топчутся возле рощицы, парень в кепке «адидас» лихо выруливает на мини-тракторе (редкость еще, только обсуждается вопрос об их производстве в стране), женщины в шерстяных кофтах с продранными рукавами и галошах возятся с сетками картошки, которые перекидывает в повозку, запряженную симпатичной лошадкой, человек в безрукавке. Картошка крупная, отборная, просто светится на солнце. Как светятся румяные яблоки, пригибающие к земле ветки аккуратных деревьев, как крыши домов — ладных и крепеньких, возле которых стоят на приколе один-два автомобиля, а то и грузовичок. Первыми официальными миллионерами в Польше стали крестьяне. Фрукты и овощи, выращенные в частных садах и теплицах, не только решили продовольственный вопрос, но и принесли валюту.

— Зачем же они бастуют? — спрашиваю я у Гжегожа Дубовского.

— Им невыгодно снижение цен,— объясняет Дубовский.— Теперь появилось много высококачественной продукции из Германии, Бельгии. Она не только лучше, но иногда и дешевле местной. Наш крестьянин этого не может понять. Ему долго говорили: ты плохо живешь оттого, что плохо работаешь. Но вот он разоряется тогда, когда работает хорошо, изо всех сил — он не в силах это воспринять. За пятьдесят лет души поменялись, их нельзя так сразу перевоспитать.

Останавливаемся возле сельского магазина. Типовое здание — как у нас в Подмосковье или на Орловщине,— до боли знакомые контейнеры, разболтанные весы. Даже очередь — небольшая, но сплоченная и молчаливая. За ливерной колбасой. Только на прилавках, помимо ливерной, тот же набор, что и в центральном продмаге Варшавы,— английский чай, французское печенье и греческие маслины. У продмага, под березкой, три нестарых селянина (чуть не сказала — колхозника) закусывают плавленым сырком настоящий итальянский вермут емкостью 0,8.

Может, оттого, что пейзаж здесь похожий — те же холмики да овраги, и растут те же березы да елки,— все кажется мне, что заглядываю, как в щелку, в наше недалекое будущее и вижу наше село через год или через пять лет... Будет ли у нас так же? Или будет иначе?

Город Тарнобжег, узкая улица, невысокие дома, здание бывшей синагоги. До войны в этих местах шла бойкая торговля, бок о бок жили поляки и евреи, как описано в романах нобелевского лауреата Исаака Зингера. После войны евреев не стало, в этих местах производят бетонные конструкции, стекло, консервы. Почти все магазины в городе закрыты, висят таблички: «Приватизация».

— Кто чаще всего покупает магазины?

— Как правило, люди из села. По статистике, для того чтобы открыть самый скромный магазинчик, нужно несколько миллионов.

Снова дорога — новые поля, лесная чащоба, снова деревни с неизменными капличками (маленькими часовенками) на выезде... Вот и Сандомеж.

Он стоит высоко над Вислой. На гравюре XI века город кажется причудливой табакеркой, сработанной средневековым мастером в минуту особо прихотливого вдохновения: островерхие крыши, над которыми возносятся шпили костелов со стрельчатыми окошками и кружевной вязью оград. И сейчас, снизу, он по-прежнему кажется произведением чьей-то одной фантазии — готические силуэты колоколыни, стена бенедиктинского аббатства («работает, как бенедиктинец»,— уважительно говорили здесь), старая гостиница над городской стеной...

Именно таким в августе 1944 года увидел его — с другой стороны реки — советский полковник Скопенко, командующий наступлением на этом участке фронта. И поклялся, как говорит легенда, взять этот город, не разрушив ни одного дома. Город был взят и уцелел. Сам Скопенко завещал, если суждено будет погибнуть на этой войне, похоронить себя здесь. Он погиб вскоре на Одере и был похоронен на кладбище, в части, отданной павшим советским солдатам. Главная улица города была названа его именем и напротив аббатства был установлен его бюст.

Бюста на прежнем месте я не застала — там, где стоял памятник, осталась сиротливая плита, а напротив, через дорогу,— непритязательная пирамидка со звездой «Отечественная война» и надпись краской наискосок — «разобрать».

— Там написано «Отечественная война»,— сказал мне сандомежец Збигнев Пулавский,— это памятник завоеванию, а не освобождению. И ценности никакой. Бюст Скопенко аккуратно перенесли на кладбище, к могиле.

— Название улицы останется прежним?

— Раньше она называлась «Опатовская», это историческое название. Вопрос практически решен.— И добавил: — Знаете, люди помнят правду, а не только социалистическую пропаганду. За то время, как пришла Советская Армия, ваше НКВД расстреляло и выслало больше людей, чем за все предыдущие годы войны. Расстреливали и крестьян за помощь партизанам.

В местном музее народного движения — флаги и реликвии повстанческих отрядов польской армии, подчинявшейся буржуазному правительству в Англии. В основном это были крестьянские парни, которые сражались за свободу Польши. Но ведь и те, кто шел вместе с советскими солдатами, тоже сражались за Польшу и за свободу. И полковник Скопенко, завещавший похоронить себя в этом древнем нерусском городе, сражался не только за свою Россию, но и за Польшу и ее свободу...

— В том, что многие считают всех русских завоевателями, виновата и наша пропаганда,— говорит мне Уршуля Латушевская.— Нам так долго внушали, что все хорошее, что есть у нас, принес «старший брат», а мы люди второго сорта.

«Бывший брат» — так сказал недавно популярный телекомментатор. По всей стране в школах отменяют урок русского языка, тысячи педагогов срочно зубрят английский. Книгопродавцы жалуются: невозможно продать любую книгу русского автора.

Разве бывают братья и сестры бывшими?

Я слышала о Польше с детства. Мою мать воспитывала польская женщина Янина Черняховская. Она пела ей польские песни и дожидалась ночами бабушку. Бабушка приходила поздно: Сталин не спал, и все служащие сибирских шахт, включая матерей малолетних детей, должны были быть солидарны с ним. Дома она слушала рассказы Янины о том, каким Сталин был в жизни. Как жили в большом доме над Москвой-рекой, где ее муж, соратник Тухачевского, незадолго до ареста получил квартиру, о том, что сам Тухачевский прекрасно танцевал, а Ворошилов любил делать подарки, подарил ей гарнитур из карельской березы на именины... Разве ненавидела она мою бабушку за то, что она русская, как Ворошилов и Буденный, которые убили ее мужа и отняли сына? Там, в далекой Сибири, все были равны — русские, татары, китайцы, евреи, немцы Поволжья и Западной Украины, поляки, киргизы, у всех была одна судьба — судьба людей, обрученных с неволей, независимо от того, были они сами репрессированы или нет.

Разве не одна судьба у нас сегодня? И не об этом же говорил в Москве Анджей Вайда, представляя наконец-то советскому зрителю свой знаменитый фильм «Человек из мрамора»? Изваяния из мрамора и бронзы были сделаны для нас по единому образцу и правили нами с равной беспощадностью. И сейчас, когда, кажется, насовсем задвинуты они в дальний чулан, свергнуты, демонтированы от края и до края, рано нам, рано трубить победу — их осколки, как в сказке Андерсена, попали в сердце, застыли там и не отпускают на волю... Где они, люди из мрамора? Они живут в нас самих. И пока живы в сердце, они будут делить нас на русских и поляков, бывших коммунистов и бывших оппозиционеров, на чистых и нечистых, рыцарей рынка и осторожничающих, забывая, что спастись никому в одиночку не удастся, что судьба у всех одна... Она действительно одна.

«Пора зачислить в разряд мифов неизбежность нашей взаимной враждебности,— написал в своей книге «Спор о России» Анджей Дравич, нынешний руководитель Польского телевидения.— К тому же в разряд мифов нехристианских и просто неумных. Вечных врагов не существует так же, как не существует вечных черт национального характера. Нашим врагом была не Россия (как не была им никогда ни Германия, ни Турция, ни Швеция), нашими врагами были и остаются до сих пор определенные системы: российский царизм и российский большевизм... Да, болезнь, которой больна Россия, опасна и заразна. С советизацией бороться труднее, чем некогда с русификацией, а борьба эта составляет суть нашей жизни... Но порабощенные, живущие плохо и с каждым днем все хуже советские граждане объективно являются нашими союзниками. В семье узников коммунизма солидарность — требование не только этическое, но и стратегическое. В перспективе будущих польско-русских, польско-белорусских, польско-украинских, польско-литовских отношений мы должны терпеливо моделировать понимание этих истин». Слова не бесспорные, но интересные хотя бы тем, что сказаны в период допересроечный, действительно нелегкий для наших отношений.

И другое признание, с другой стороны. Ирена Руджинская и Ян Гесс по гражданству — американцы. Покинули Польшу двадцать лет назад и впервые за эти годы на родине. Там, в Америке, они написали удивительную книгу — собрали воспоминания детей, депортированных в 1939 году из Восточной Польши вместе с матерями в глубину России. Почти все они теперь живут в разных странах Европы и Америки.

— Русских людей — крестьян, учителей, детей и взрослых — они вспоминают только добром,— рассказывает Ирена,— вспоминают, что свободные крестьяне в Казахстане и России жили хуже, чем ссыльные поляки. Нам кажется, очень важно, чтобы сегодня люди узнали об этом. Чтобы политические эмоции не заслонили человеческого...

— Мы соседи,— говорит мне Гжегож Дубовский,— и никуда от этого не деться, пора привыкать жить по-соседски. Пора разрушить очень многие стереотипы. В том числе и тот, что у нас на родине никакого интересного опыта не было, что учиться можно только у Запада. Поэтому мне и интересна фигура Александра Патковского, и я снимаю о нем кино.

Александр Патковский, кто он был? Скромный учитель гимназии, основатель кооперативного движения в регионе, государственный муж?

— Он никогда не интересовался политикой и не принадлежал ни к какой партии. И он хотел увидеть великую Польшу. Тогда, в 1918-м, ее не было — был русский кусок, немецкий и австрийский. Патковский считал, что великой страна станет только тогда, когда каждый научится любить свою малую родину — город, село — и постарается сделать все возможное для них. Сам написал несколько книг по краеведению, организовал первое экологическое движение — в 20-е годы — и отстоял Августовскую пущу от вырубки! Но главное, он считал, нужно воспитать свободного человека. Основал летние курсы для педагогов, сюда, в Сандомеж, приезжали лучшие польские профессора, он развил школьное самоуправление и кооперацию, его опыт распространился по всей стране. Он считал, что величие народа начинается с величия души...

— Для меня,— говорит Збигнев Пулавский,— это образец интеллигента, гражданина и поляка.

Збигнев основал в подвале сандомежской ратуши городской клуб интеллигенции имени Патковского. Именно интеллигенция, считает он, должна создать предпосылки для возрождения регионализма. И отмечает первые шаги — постепенно в родные города возвращаются люди с университетскими дипломами. Сам Пулавский, инженер, несколько лет назад тоже вернулся.

Мы идем узкой улочкой, мимо витых фонарей, похожих на декорацию к фильму о средневековье. Наверное, и у нас в Костроме и Ярославле найдется такое же уютное место вблизи памятника старины и знаменитый земляк. Но сначала, думаю я, все-таки нужно, чтобы в домах и на прилавках Ярославля стало так же, как в Сандомеже или Варшаве, иначе, боюсь, не поедет туда университетский выпускник.

— А тебе не захочется уехать отсюда, как ты думаешь? — спрашиваю Гражину Миларскую. Гражина закончила католический университет, театровед по профессии, работает в музее.— Вообще много твоих одноклассников здесь?

— Почти все мои одноклассники теперь далеко — в Ирландии, Германии, Италии. Работают.

— Они вернутся, как ты думаешь?

— Едва ли.

— А ты хотела бы эмигрировать?

— Нет. Но жить очень трудно. Мне помогают друзья. Деньгами тоже. Я получаю 500 тысяч, это очень мало...

Метафора народа, считает известный художник Владислав Хашор,— это его памятники. Пока стоят они, жив народ. В Польше берегут древние памятники и замки — даже при всем небогатстве окружающей жизни они радуют глаз свежей краской и реставраторскими лесами, будь то в центре Варшавы или среди лугов и полей в Баранове. Сам Хашор любит вспоминать в своих работах традиционные фольклорные образы. Одна из очень популярных его монументальных скульптур — кони, летящие вперед, на полном скаку, без всадников. Кони — символ Польши, ее стремления к свободе. Я запомнила еще одного его коня — одинокого, бегущего в языках пламени, похожего чем-то на нашего Сивку-Бурку, который и через пропасть перемахнет, и под небеса взлетит, и вынесет, правдами и неправдами, седока к вольному, широкому полю...

Куда же ты скачешь?..

БУРНЫЙ БУРЦЕВ

В. Л. Бурцев в селе Монастырском. Рисунок пером. (Центральный государственный архив Октябрьской революции)

Юрий В. ДАВЫДОВ

6. ВСТРЕЧА НА МАЙНЕ

Бурцев, страшно далекий от революционного марксизма, не умел расстаться ни с моральными, ни с юридическими понятиями. Он решил добиться коронного суда над Азефом. Тем паче что депутаты Государственной думы, не будучи понятием формальным, уже сделали запросы правительству по поводу провокаций на государственном уровне. Бурцев же рассчитывал представить общественному мнению доказательства «чудовищности настоящего русского режима». (Бурцев, конечно, имел в виду режим современный ему, Бурцеву, а не вкладывал в это «настоящий» русофобский смысл, как можно подумать сгоряча.)

Наивный вы человек, урезонивал Кропоткин бурного Бурцева, неужели вы не понимаете: они прекрасно знают, что Азеф — преступник, но таких им и нужно. Бурцев не то чтобы не понимал, а не хотел понимать. Как не хочет и пишущий эти строки понимать, отчего суд эпохи гласности, разбирая дело героя нашего времени Осташвили, пропускает мимо ушей прямое, ясное, публичное — см. газету «Московский комсомолец» от 14.08.90 — указание одного из основоположников «Памяти» на его, Осташвили, провокаторство. Господи, да вот же и карты в руки, дабы развести в разные стороны благую идею и неразумную практику. Ну, положим, судьи рассеянны. А куда адвокаты смотрят? Ворон считают, этих, с носами, как клювы, вместо того чтобы оборонить подзащитного: милостивые государи, эмоционально-взрывчатого, склонного к аффектам и эффектам Осташвили ввели в заблуждение...

Таких им и нужно, повторял Кропоткин. Бурцев слушал, но не слушался. В мае 1912 года парижский корреспондент петербургской газеты «Речь» напечатал интервью с Бурцевым. Тот изложил свой план: еду в Россию, меня арестуют и предадут суду, я открою глаза обществу на тайную полицию — всепроникающую, погромную, меняющую маски, но всегда остающуюся верной себе. Корреспондент спросил: «Вам известны, конечно, последствия вашего шага?» Бурцев ответил, как римлянин: «Я выполню свой долг перед родиной».

Интервью напечатали 16 мая. В тот же день из Петербурга, с Фонтанки, 16, отправили в Париж на ул. Гренель шифровку № 459. Открытый текст — в архиве: «Выясните, насколько достоверны появившиеся в печати сведения о предполагаемом легальном возвращении Бурцева осенью текущего года в Россию, телеграфируйте».

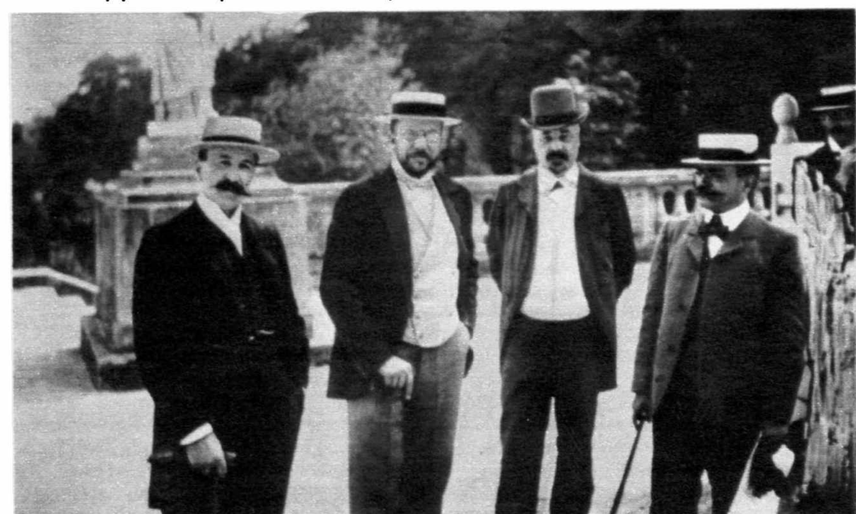
В департаменте никогда не ждали от Бурцева ничего, кроме пакостей. Костерили «сына штабс-капитана», но отдавали должное его упорству, проницательности, ловкости, умению посредством Бакая и Менщикова устанавливать связь с их бывшими знакомыми, сопоставлять даты и факты, «отпирать запирающихся» и т. д. Ан такого кунштюка — «План В. Л. Бурцева»... Действительные статские почувствовали себя в положении старого развратника, схваченного супругой в Фонарном переулке при выходе из борделя. Тайные ведомства нуждаются в публичных скандалах столько же, сколько и карточные шулеры. И потому: «Выясните!»

Охранка-загранка выяснила: Бурцев отложил поездку. (Он поедет полтора года спустя по иной совсем причине, однако в возмездие за первую будет схвачен, но это уже другая история бурного Бурцева.) Да, отложил. Но почему? В служебных документах ни-ни.

Зато неслужебный бросает отсвет на тонкое обстоятельство. Этот, вневедомственный, обнаружен нами в архивном фонде поэта М. П. Герасимова, умершего в 1939 г.: письмо Азефа к генералу А. В. Герасимову. Автограф наводит на пунктир кое-каких соображений. Во-первых, экс-обер-провокатор и все еще служивший в охранке «богатырь сыска» не теряли друг друга из виду. Во-вторых, Азеф подписывается: «Вам преданный» и просит «не забывать».

Сбежав от эсеров, он угнездился в Германии. И биржевик, и маклак. В сущности, занятия прежние, но уже не на государственно-партийном уровне и без эшафотно-каторжных итогов для боевиков. Казалось бы, сиди и не высовывайся? Тем паче что «заклятому другу» Львовичу... (По определению Азефа — «маньяк»; Азеф немедленно вышибал из боевой организации за одно лишь знакомство с ним.) Да-с, Львовичу неймется, он готов дать объявление: пять тысяч тому, кто укажет «нынешнее положение» Азефа и его точный адрес.

Агенты царской охранки и их шеф П. И. Рачковский.

Что это, зачем? Лопатин советовал Бурцеву вытянуть из мерзавца что-либо «дополнительное» по части, как формулировал Герман Александрович, «антиправительственного и антипровокаторского».

Итак, летом 1912-го: заметка в газете «Речь»; шифрованная телеграмма № 459; отсрочка бурцевской поездки и, стало быть, отсрочка публичного скандала. Грозовая туча приостановилась. Но не рассеялась. А действительные статские предпочитали креститься до того, как гром грянет.

И вот тут-то, именно летом 1912-го, раздается голос Азефа. Требовательный голос оскорбленной невинности: господа социалисты-революционеры, извольте возобновить разбирательство моего «дела».

Что за притча? Претонкое обстоятельство! Как не вспомнить генерала Герасимова и ему «преданного»?! Комбинационные способности были присущи обоим.

На голос Азефа нет эсеровского отзыва. Откликается Бурцев в расчете на «дополнительные» сведения. Азеф назначает дату и место встречи в расчете на длительную оттяжку, а может, и на срыв отъезда Бурцева в Россию.

Рандеву состоялось во Франкфурте-на-Майне 15 августа 1912 года, то есть ровно три месяца спустя после статьи в газете «Речь». Несколько часов кряду Азеф и Бурцев провели за столиком уединенного кафе.

Ломал ли Азеф странную и страшную комедию? Упивался ли собственным позором или, напротив, собственной виртуозностью? Корчил ли «гения зла» в пандан утверждениям домашних и европейских газетчиков? Искренне ли плакался о том, что бывшая жена, едва не всадившая в него пулю, отказывает в свидании с детьми? Черт ведает об этом. А дополнительными откровенностями были такие: пусть эсеры взвесят, на чью мельницу он, Азеф, вылил больше воды — на революционную или на государственно-охранительную. И пусть вынесут приговор. Если смертный, он наложит на себя руки.

Впору вспомнить вопрос Горького, обращенный к Леониду Андрееву: «Ты когда-нибудь думал о разнообразии мотивов предательства?»

Андреев думал. В 1907 г. он издал повесть «Иуда Искариот и другие». Лейтмотивом звучало: да, Иуда предал Христа, но не ради сребреников, а надеясь, что казнь Учителя воспламенит угнетенный народ. Самое поразительное, на наш взгляд, в том, что русского писателя как бы коснулся свет звезды, умершей за 18 веков до его рождения. Примерно в таком аспекте рассматривала Иуду секта каинитов.

Евно Азеф наверняка не слыхивал о каинитах, но Андреева читал, все тогда читали Андреева. Пока Азеф крутился в террорно-провокаторской «работе», он не испытывал нужды в самооправдании. Но вот — изобличен. И «выпали все внутренности его», сказано в Ветхом завете, и оставил он «двор пуст». Покаяние не было ему ниспослано, он и «вживался» в Иудин образ, созданный Андреевым.

Отсюда вопрос к Бурцеву, к эсерам: на чью мельницу больше? Отсюда и то-

---

Продолжение. Начало в № 47.

нальность беседы. Не то чтобы сплошная, от начала до конца, но явственная. Эта тональность как бы озвучивает Иудино изображение в византийско-русской иконописи. Трактуя Иуду на иконе XV века, С. А. Аверинцев проникновенно-убедителен: Иуда — уныл.

Уныние Азефа почувствовал Бурцев. Почувствовал, сдается нам, давно умолкшей стрункой отроческой религиозности. Надо знать, что Бурцева настигала, случалось, печаль о загубленной душе двурушника, подстрекателя, стукача. В этой его печали брезжило осознание греховности перед Богом всех сущих на земле.

Но поверил ли он в намерение Азефа покончить с собой?

Да, в андреевской повести Иуда удавился, ибо любил Христа, а жертва оказалась напрасной. Удавился Иуда и по Евангелию. Однако заметьте, лишь по Евангелию от Матфея. Остальные евангелисты на сей счет промолчали.

Предшественник Евно Фишелевича, а по масштабу предательства и покрупнее его, Сергей Петрович Дегаев давно уж преуспевал за океаном — преподавал математику в колледже. Отчего бы Азефу и впредь не маклачить в Германии?

В. В. Розанов осудил повесть Андреева как кощунство. Г. А. Лопатин задал взбучку Бурцеву за публикацию в парижской прессе подробного сообщения о встрече во Франкфурте-на-Майне: кому нужна слезница чадолюбивого Иуды?

Одну «меру вещей» не выпускали из рук религиозный Розанов и нерелигиозный Лопатин.

7. ЛЕНИН, ВАЙЛЬ, БУРЦЕВ

Едва истек срок запрета на жительство в Петербурге и Москве, Лопатин уехал в Россию. Ему было под семьдесят. Он не исключал возможность ареста; арестам, как известно, все возрасты покорны. Столыпин не успел реформировать Россию, но столыпинские вагоны успели прицепить к поездам очень дальнего следования.

На следующий год собрался в дорогу и Владимир Львович Бурцев. Львович, как называли его многие эмигранты.

Стояло лето 1914-го, необычайно сухое, жаркое, ветреное, как бы готовое к континентальным пожарам. Тени германских аэропланов угрюмо метили горячие крыши Парижа. На вокзалах прощально гудели локомотивы армейских эшелонов. Монументы всех времен и режимов укрывали мешками с речным песком. Военный атташе граф Игнатьев выправлял проездные документы гвардейскому офицеру-отпускнику, смурному саперу, взбунтовавшему в пятом году батальон, матросу-висельнику, сбежавшему из Кронштадта после восстания, и даже, представьте, грустному бердичевскому портному — покинул черту оседлости, опасаясь очередного погрома, а теперь устремился на защиту родины-мачехи.

Бурцев отдал консьержке ключ от квартиры — ул. Сен-Жак, 50. Там же помещалась редакция газеты «Будущее», тел. 829-49.

По едкому замечанию его знакомой, Львович напоминал «старую козу». Но и козам случается бодаться с дубом. Лет двадцать спустя Бурцев вспоминал: «Я из номера в номер помещал резкие статьи и вообще против правительства, и лично против царя». За реакцию в России он возлагал ответственность «лично на императора Николая II».

Этот упор — «лично» — был очень личным. В архивных, к сожалению, кратких записях жены шлиссельбуржца Н. А. Морозова сказано: Владимиром Львовичем владела «какая-то непонятная личная ненависть к Николаю II. Он считал его источником всех зол, не мог выносить его имени и находил, что необходимо покончить с ним. И эту свою навязчивую идею он проповедовал везде, где только мог».

Так что в случае канонизации последнего царя надо тотчас предать анафеме Бурцева. Наверно, давно не анафемят ни песенного Стеньку Разина, ни Льва Толстого, все же «зеркало», а тут уж Комитет по делам религии дозволит: Львович-то и на Ильича слюной брызгал.

Однако на что рассчитывала «старая коза», навостривая лыжи в Питер? Объяснял и устно, и печатно: остаюсь в оппозиции, но в оппозиции патриотической. В годину национальной войны надо пресечь революционное движение, нападки на государя и его правительство, сколь бы бездарны они ни были. Даже если Россия сбросит самодержавие, революционная вспышка в тылу фронтов обернется глобальным несчастьем. Но он, Бурцев, убежден, что и под царем, ставящим интересы династии выше интересов родины, правительство сползет влево, к демократическим преобразованиям, они залог победы.

Такова была платформа. Провидческая и простодушная. Он намеревался отстаивать ее пером публициста. Верил: ослы, осыпанные звездами, дорожа нежданным-негаданным союзником, не поставят в строку иеремиды в высочайший адрес. Все для фронта, все для победы.

Бурцев пересек Ла-Манш. Лондонский издатель выдал ему крупный аванс. Бурцев заглянул в Брайтон, там жил Кропоткин. Преступные замыслы оставили Петра Алексеевича: твердый оборонец. Плеханов тоже, говорит он Бурцеву. А на оборонцев по должности Львович уповает напрасно: арестуют, как пить дать арестуют.

Э, Бурцев не внял.

Четверть века тому марсельская штучка пыталась силком доставить беглого каторжника в Россию. В августе четырнадцатого «ее милый друг» поднялся на борт парохода. Какие счеты! Война!

А море было спокойным, небо — безоблачным. Но вот он, гром с ясного неба: «Прошу следовать за мной!» О этот возглас, мгновенно цепляющий к ногам галерные цепи. «Прошу»,— повторил жандармский ротмистр, и унтеры, как дружки на свадьбе, взяли Бурцева под белы руки.

Арестовали на финской портовой таможне. Не дали перевести дух — курьерский, купе, проезд бесплатный, эскортом пятеро служивых. Не дали взглянуть на Петрополь — казенная карета, зашторенные окна — «Пошел!».

«Департамент» и «апартамент» — рифма пошлая. Департаментские рифмовали «апартамент» и «регламент». Надели на Бурцева арестантский халат, штиблеты сменив на бахилы. Потом он рассказывал: «Здесь мне все было знакомо. И сама камера, и решетки, и тюремные порядки, и прогулки на дворе, и деревья на нем»,— Петропавловская крепость, Трубецкой бастион. Но тогда, в восьмидесятых, на дворе зябли тощие саженцы, а теперь вымахали выше тюремных стен и, наклоняя кроны, шепотом беседуют с Невой.

Бастионная лирика минутна, как и юмор висельника. На койке навзничь, руки под головой, Бурцев терялся в мрачных догадках. Он полагал, что его арест отзовется взрывом общественного негодования, а на поверку — «не слышно шума городского».

Пришел адвокат А. Ф. Керенский, член Государственной думы. Поразил. Да и нас, просвещенных «краткими курсами», удивил бы: ведь мы, наложив привычный трафарет, числим его средь тех, кто уже при первых залпах призывал со всех крыш к «войне до победного», а он...

— Ка-акую вы сделали громадную ошибку,— сказал он Бурцеву, минорно вибрируя, голосом оперного солиста.— Ка-акую ошибку! Нужно всеми си-ла-ми протестовать против войны, а вы ее защищаете, оказывая поддержку правительству.

И Александр Федорович дал понять, что это не только его, Керенского, мнение. И верно, вариации на ту же тему услышал Бурцев и от других адвокатов левого толка.

Парадокс: он, поддерживая правительство, сидит в тюрьме; они, «пораженцы», гуляют на воле. Мщение за прошлое, за борьбу с провокацией? Какие счеты? Война! Бурцев, конечно, наперед знал, что ослы, осыпанные звездами, монополизировали право на политические глупости. Пусть так, но зачем же столь усердно эксплуатировать это право? Бездарен царь, бездарны и царедворцы. Можно выразиться и посильнее, в духе Александра I. «О, подлецы! Вот кто окружает нас, несчастных государей!»

На пятом месяце предварительного следствия отвезли Бурцева на Шпалерную, в Дом предварительного заключения, что означало близость судебного процесса.

Старые тюрьмы имеют нематериальное преимущество перед новыми: они наводят на размышления о связи времен и разрывах времен. Надо только поглядывать на клочки топографии и клочки биографий. Взять вот эту — ул. Шпалерная, ныне ул. Воинова. Рядом Литейный, где всем ленинградцам известный Большой дом; там служил генерал-расстрига Калугин. Недалеко и Фонтанка, где у Цепного моста департамент, известный всем петербуржцам; там служил статский генерал Лопухин, тоже замаравший честь мундира. А здесь, в этой тюрьме, на закате прошлого века, в 193-й камере молодой Ульянов, невдолге основавший государство неслыханно-невиданного типа, метал шажки или писал молоком конспиративное (видать, с молочными продуктами обстояло не худо). А в полдень нашего века, когда и тени, если верить романисту, исчезают, в камере 193-й куковал юный диссидент Боря Вайль. Еретику молока не давали. Он, знаете ли, шибко усомнился в богоданности этого первого в мире и не питал благочестивых чувств к манекенам с червонными звездами на добротном твиде.

Вот ведь в какую тюрьму доставили из Трубецкого бастиона Бурцева Владимира Львова. Ему еще предстояло знакомство с парой соратников Ульянова-Ленина, а в перспективе маячила тюряга большевистская, правда, не столь режимная, как в пору спелого социализма.

Но покамест здесь, на Шпалерной, в предварительном заключении, Львович таял, читая весточку от Лопатина. О своем 70-летии Герман Александрович ни слова. Ага, укоризна, мягкая, дружеская укоризна: сидите, Львович, в яме, да яма-то «самовыкопанная». И ниже: к вашему возвращению в Россию с пониманием и одобрением отнеслись многие. Двадцать лет спустя Бурцев вспоминал весточку, как ласточку: «Эти строки его письма были для меня праздником».

В январе 1915 года зала Петроградской судебной палаты наполнилась орденоносцами, на закрытый процесс публика допускалась избранная. Пришел поглядеть на изобличителя Азефа и отставной премьер граф Витте.

Плюрализм помаленьку избавляет от кривых зеркал некоторых выдающихся деятелей прошлого, по историческим меркам — недавнего. Петр Аркадьевич Столыпин с его «столыпинским галстуком» признан величиной крупной и «Правдой», и «Памятью», говорят, и неформалами. О Сергее же Юльевиче

Бурцев в арестантской одежде. Фото 1915 г.

Витте, ярком стороннике приватной промышленности, что-то не слыхать. Должно быть, деревенщики не только в литературе обогнали урбанистов.

На изобличителя провокации и провокаторов Витте пришел взглянуть не без сочувствия. Зато другой, не очень-то в этом зале приметный, некто Головинский,— с чувством опасливо-затаенного злорадства. Когда-то, в Париже, Матвей Васильевич кое-что сочинял. Теперь Головинский был генеральского чина, кандидат юридических наук, был и почетным мировым судьей, и переводчиком при Петроградском окружном суде. На Евно Фишелевича Азефа этот Головинский Матвей Васильевич не смахивал ни единой внешней складочкой, сходство было нутряное и ролевое, о чем скажем подробно, когда нынешний подсудимый возьмется за «Протоколы сионских мудрецов».

Его ввели в судебную залу. Орденоносцы вытянули шеи и привстали, опираясь на подлокотники кресел. Так вот он, Бурцев,— черный сюртук, наглухо застегнутый, в руках котелок; щуплый, сутулый; бородка клинышком, рыжевато-седоватые волосы ежиком. Ничего примечательного, конторщик, но что за черт, почему-то ужасно неприятно встречаться с близоруко-прищуренными глазами этого конторщика: какое-то странное, почти гипнотическое ощущение, будто тебя схватили за руку, а ты руку-то запустил в чужой карман, и оттого сам же в растерянности.

Настенные, в рост — два Александра, один Николай — дед, отец, внук, смотрят на подданного, никогда не присягавшего своим государям. Высочайшее неудовольствие имеет оттенки. Александр Освободитель словно бы отпускает прегрешения. Александр Миротворец, тяжело-угрюмый, сдается, все же понимает подсудимого, потому что и сам едва терпел провокацию и перлюстрацию. Николай — для подсудимого он, несомненно, Кровавый,— Николай Александрович, неблагополучно царствующий, вот-вот сделает устало-протестующий жест: ах, господа, господа, повторяю вслед за дедом: «Я бы тотчас даровал конституцию, если бы твердо знал, что она осчастливит народ мой».

Бурцев вернулся не кредитором, предъявляющим векселя. Идет война народная, надо сплотиться на национальной почве. На процессе он повторял то, что объяснял перед отъездом из Франции, то, что говорил на предварительном следствии. А его обвиняют... Нет, не в дезорганизации сыска, за что он, в сущности, на границе и арестован, а «за намерение возбудить неуважение к Особе ныне Царствующего Государя Императора». И в доказательство цитируют газету «Будущее».

Всякий раз, когда секретарь, декламируя обвинительный акт, приводит избранные места из газетных материалов, он невольно понижает голос и запинается, а публика, напрягая слух, едва сдерживает нетерпеливое: «Громче! Громче!» Сановная чернь в охотку слушает поклепы на государя; так, наверное, клопы с особым сладострастием сосут голубую кровь.

В обвинительном акте не находишь цитат, от которых волоса дыбом. У Николая II — «любовь к преступлениям», «недобрая усмешка губ», «лень к делам», «подозрительность» и т. п. Ну, а указание на склонность к алкоголю сгодилось бы лишь для нашенских истребителей виноградников. Правда, абзац обобщающий звучал щедринской уничижительностью: у государя императора «неустройство мыслительного аппарата, машина, где одни винты ослаблены, другие перевинчены, третьи растеряны. Словно на смех одарила Немезида этот отпрыск романовского дома всеми отрицательными чертами его представителей и дала так мало положительного».

Однако сравните с высказыванием генерала М. В. Алексеева:

— Кто, подобно мне, имел тяжелую обязанность в течение 16 месяцев работать с государем Николаем II, тот не может быть сторонником самодержавия.

С генерала Алексеева взятки гладки: он высказался постфактум. Бурцев — в год 300-летия Романовых, все цитаты черпались из номеров его газеты за 1913-й.

Прокурор, безропотно несущий свой крест, потребовал — по закону, по закону! — каторги. Адвокат Маклаков, приятно грассируя, убедительно доказывал «возможность ссылки». Председатель — сенатор и члены судебной палаты приняли возможное за необходимое, дабы облегчить государю другую возможность — амнистировать заблудшего. Поговаривали, что Николаю Александровичу советовали простить вчерашнего Бурцева ради сегодняшнего. Да вот министр Щегловитов заладил про Макара и телят. Бурцев еще с ним потолкует, у них будет досуг.

А теперь надо выслушать приговор. Бурцева вели жандармы, рослые, как преображенцы. Шашки наголо, хватят от мозжечка до копчика, а дальше сам развалишься. Несколько часов осужденного ждал, сообщает репортер газеты «Речь», «шлиссельбуржец Герман Лопатин, желавший с ним повидаться. Но им едва удалось поздороваться. Немедленно жандармы увели Бурцева в дальний, темный угол коридора».

Приговор нельзя назвать жестким. Послесудебную обрядность нельзя не признать гнусной: обрили полголовы, кандалы заклепали. И — в арестантскую партию. Вшивую, забубенную, фартовую, нищую, бескозырную.

8. ВСТРЕЧА НА ЕНИСЕЕ

Старинный маршрут «виноватой России»: Вологда, Пермь, Томск... Но и не только «виноватой». Вообразишь, сколько же русских парней обветшало в скучливой злобности конвоев, в тупой маете вертухайства, вздохнешь тоскливо. Ведь жизнь, единственную жизнь свою волочили и волокут впустую.

От Красноярска вниз по великой реке шлепал, шлепал плицами пароход. Тысяча верст да еще тысяча. И эти огни, о которых у Короленко: все так же близко и все так же далеко.

Туруханский край увидел Бурцев в те самые дни, когда в столице увидел свет очередной номер журнала «Русское Богатство». Некто А. М-чъ повествовал: край «представляет собою отчаянную глушь с первобытным, темным, полным суеверия населением. Если последнее несколько прогрессировало за последние годы, то оно обязано этим главным образом ссыльным». Далее сообщалось, что после пятого года преобладали латыши и поляки, а потом «солидные группы» грузин, армян, евреев. Спешим воскликнуть: какая же это тюрьма народов?! Всего-навсего отдельно взятые «группы», пусть и «солидные». Вот уж когда от мала до велика, с прадедами и правнуками, тогда другая музыка — на слова «Союз нерушимый...».

А еще узнаешь из «Русского Богатства», что в село Монастырское хотя и дотянулась телеграфная проволока, но почту доставляют раз в месяц: «Оторванность от российской жизни невероятная».

Вот именно это село, почти еще не загубленное цивилизацией, и уготовили вчерашнему парижанину. Тотчас взяли в оборот мириады комаров. Не спасешься и в избе с наглухо законопаченными оконцами. Но, боже мой, соседи-враги досаждали пуще.

В мемуарном фрагменте, опубликованном Бурцевым в 1933 году, читаем: еще по дороге, на этапах большого пути встречались ему большевики — «у нас велись нескончаемые страстные споры о войне», большевики «доходили до пропаганды необходимости активно помогать немцам». А здесь, в селе на Енисее, Львович нашел «человек 25 ссыльных». Из оппонентов по-монастырски мемуарист упоминает Свердлова и Сталина. Первого аттестует «ближайшим помощником Ленина», сыгравшим впоследствии «ужасную роль», второго — «преемником Ленина» и «московским диктатором».

И тот, и другой, естественно, возмущались Бурцевым. Еще бы! Эта сволочь с бородавкой на щеке клеветнически утверждала, будто Ильич — предатель, ибо настойчиво пропагандирует пораженчество. (В мемуарах Львовича проскальзывает гремучая змейка: «Большего о Ленине я тогда еще не знал».)

О Свердлове клеветник бросает неодобрительно — «подладился к начальству и пользовался особыми привилегиями». Какими — не уточняет, но вопрос о привилегиях, как видим, имеет давнее происхождение.

О Сталине — ничего. Характерно это отсутствие впечатления. Оно-то и должно было, кажется, насторожить «опытного проходимца». Ну, скажем, так же, как почти рефлекторная привычка азефов не садиться спиной к двери. И еще странность. Едва Бурцев малость притерпелся, рыбку ўживал, как его в одночасье «выдернули» на этап.

Руку на отсечение, ни юстиция, ни, главное, тюремное управление впрямую причастны не были. Другой почерк. Почерк охранки — уберегала Икса от бурцевских «инстинктов сыскного агента». Немного воды утечет, потянет зефиром, и местный исправник сомлеет в откровенностях. «Если б вы знали,— улыбчиво скажет он Бурцеву,— какие инструкции я имел относительно вас!» Чертовски жаль, пожил бы Львович подольше бок о бок с Джугашвили.

Нет, угнали далеконько от Монастырского — в село Бугучанское: полсотни дворов по-над быстрой, строптивой Тунгуской. Никто тут не мешал злобиться на осыпанных звездами: больше, чем успехами на фронте, они озабочены благополучием бюрократии, душат печать, душат и земцев, душат инородцев... О-о, Бурцев не ведает, что газета «Русское слово» уже указала «первый признак поворота правительства к некоторой либерализации». Этим признаком было, по словам газеты, высочайшее разрешение вернуть его из ссылки. «Заграница нам поможет!» — бодро восклицал знаменитый персонаж сатирического романа. Помогла: журналисты союзных России держав ходатайствовали за журналиста-союзника. Правда, Бурцева брали под колпак гласного надзора полиции. Ну что ж, на каждом меридиане свой уровень гласности.

Исправник выдал ссыльнопоселенцу проходное свидетельство. Проходное лежит в архиве. Фото нет, но есть портрет словесный: рост два аршина шесть вершков (э, не баскетболист: до 170 сантиметров не дотянул), волосы седые, борода и усы темно-русые, носит очки, лицо, рот, нос обыкновенные, примета особая — на левой щеке имеется бородавка.

Провожая прощенного, исправник ударился в откровенности: ка-акие, мол, инструкции были. И развел руками — не держите зла: «Я — топор. Мной машут, я рублю». Мотив искренний, но топор-то знай себе рубит. Все в ажуре.

9. УТЕШИМ ЦАРИСТОВ, УТЕШИМ МАРКСИСТОВ

Полтора года Бурцев только и видел что жандармов, тюремщиков, судей, исправников, ссыльных, каторжников. Но вот — возвращается.

Возвращается со своим неизменно потертым, в проплешинах саквояжиком. Пароходы, пристани, вагоны третьего класса, ожидания у семафоров на разъездах и вокзальные ожидания пересадки. Длинный, как жизнь, путь из азиатской России в европейскую.

Бурцев и двадцать лет спустя волнуясь вспоминал: «Меня поражало богатство сил у этих людей, их даровитость, их способности, знания. Свободная мысль била в них ключом. В них чувствовались залежи огромных сил. Казалось, что за границей этого нет, что Россия богаче ее силами и внутренне свободнее. Во всяком случае, что-то могучее заключала в себе та народная масса, сотни разнообразных представителей которой промелькнули за это время перед моими глазами».

То был канун. Канун «тернового венца», «легкой поступи надвьюжной». А прозаически так: пожив в Москве, он зажил в Петербурге, сперва на Гончарной, потом на Шпалерной. И когда зазвенела, рассыпалась капель Семнадцатого, мелькнуло ему из давнего-давнего — эта картонка на дверях лондонского логовища, эти газетные статейки: «Долой царя!»

Монархию уволили за выслугою лет. Но монарху, хоть и лично ненавистному, он дал бы выходное пособие. Пусть зимует в Зимнем, пусть летует в Царском. Кредо Бурцева: конституция, принятая Учредительным собранием, сильный парламент, многопартийный, но только без этих «монастырских».

Учредительное намечалось на сентябрь. К сентябрю предполагалось завершить занятия Чрезвычайной комиссии, созданной в марте и призванной вывести на чистую воду высшую администрацию бывшей империи. Назначили пятьдесят девять следователей. Для круглого счета недоставало единицы. Именно той, что годами совала палку в ведущее колесо. Но покаяния Бурцев давал — о делах и днях фонтанного департамента. Назначили и коллегию редакторов. В коллегии работал Блок. Александр Александрович «заведовал

всеми стенограммами с литературной стороны». Набралось несколько типографских томов. Впоследствии они обеспечили нашему современнику оперативный простор для пересказов исторического материала о последней черте и нечистой силе. А «литературную сторону» беллетрист, как всегда, оставил за пределами видимости. Пустяки. В самой-самой читающей стране это не мешает ему быть почитаемым от президента и премьера до пионера и пенсионера, чему, разумеется, можно только завидовать.

ЧК (эта ЧК) допрашивала падших ангелов в Зимнем — на другой стороне Невы — в канцелярии Петропавловки, отчего они приняли вид филиалов «зловещего маскарадного зала».

Комиссией ведал Керенский. Когда-то Александр Федорович, посетив Бурцева в доме предварительного заключения, остался весьма недоволен позицией возвращенца: консолидация и война до победного конца. Теперь и Керенский жег глаголом митинги и газеты — «до победного». Случай не единичный. Возьмут власть, тотчас, как в придачу, «возьмут» и отечество. У пораженцев туруханского типа оно вроде бы отсутствовало, а едва ухватились за кормило, обрели, правда, с эпитетом «социалистическое».

Казалось бы, позиции Керенского и Бурцева совпадали. Увы, Львовичу были суждены всяческие «несовпадения». Так получилось и с Временным правительством, и с Петросоветом. Последний наградил его непочетным званием «профессионального клеветника».

Чего же он бушевал, цепляя пером и брызгая чернилами?

Либерал, республиканец, радостно взволнованный мощью масс, их внутренней свободой, вдруг чувствует себя испуганным седоком необгонимой чудо-тройки и кричит лошадям, кучерам, всему, что мелькает окрест: «Легче на повороте!» Да, площади, митинги, толпы, наконец-то народ не безмолвствует, и это в отраду народнику, покамест он не замечает то, что всего труднее заметить: не идея овладела массами, а массы овладели идеей. И он кричит: «Легче на повороте!» И гневно выговаривает временным: «Вы сразу же дали развиваться в самых ужасающих формах большевистским и анархическим течениям».

Бурцев взывает к гражданам России: НУЖНА СИЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ВЛАСТЬ. Только она, продолжает Бурцев, спасет историческое бытие России. В противном случае — вымирание. Петроградский Совет много сделал как выразитель народных желаний, но беда в том, что Совет систематически обессиливает правительство. А главное, ни правительство, ни Советы не дают окорот большевикам. Именно они и принесут страшные потрясения.

Так писал Бурцев в июне семнадцатого.

В июле парижские коллеги-журналисты попросили его высказаться о Ленине и Горьком. Бурцев ответил телеграммой: подтверждаю все изложенное мною в статье «Мы или немцы и те, кто с ними».

Вот он, сюжет, у дверей которого слабеют коленки.

Еще при Сталине попался автору этих строк журнал двадцатых годов, изданный еще при Ленине. На обложке императивно: «Мы отвергаем культ не только живых, но и мертвых».

Культ Сталина был прижизненный и пожизненный. Ленина — посмертный. Сталин нуждался в культе Ленина, как в резонаторе. Элегантный Барбюс написал: «Сталин — это Ленин сегодня». Человек в одежде простого солдата, просматривая годы спустя свою биографию, внес правку: «Сталин, как говорят у нас в народе, это Ленин сегодня». Хорошо тасовал колоду, черт возьми.

Расставшись с культом «Ленина сегодня», точнее, почти расставшись, не худо бы вернуться к давнему: «Мы отвергаем...» И отвергнуть привычку мышления, столь же древнюю, сколь и несовместную с новым мышлением.

Робеешь. Но суровый Дант неумолим: здесь страх не должен подавать советы. Да страх-то — оборотная сторона культа. Покамест выдавишь, глядь, и домовина из бюро похоронных процессий. Все это понимаешь, однако пятишься, меняя последовательность упомянутой бурцевской статьи — не про Ленина начинаешь пересказ, а про Горького. Маленькая, но отсрочка.

Алексей Максимович, писал Бурцев, был и навсегда останется нашей любовью, нашей гордостью, нашей надеждой. Но как политический деятель он слепец. Слепец, оказавший огромную моральную поддержку ленинцам.

Еще в четырнадцатом Бурцев вел с ними «страстные споры». В пятнадцатом говорил Свердлову и Сталину, что их лидер, пропагандируя пораженчество, отворяет ворота германским ордам. Теперь, после падения самодержавия, Бурцев полагает, что Ленин и ленинцы предают и страну, и демократическую революцию. А раз так, то и возникнуть не могла не возникнуть версия о германских, кайзеровских субсидиях. Ленина, ленинцев называл он «немецкими агентами», чаще прямыми, иногда — невольными, но всегда, так сказать, неформальными.

В середине 20-х годов с ним переписывался Сидней Рейли, английский агент и уж точно профессиональный. В одном из его писем, сохранившихся в архиве, читаем: «В 1918 году, когда я был в России, у меня в руках были значительно более веские доказательства (то есть весомее, чем у Бурцева.— **Ю. Д.**) о сообщничестве большевиков с немцами. Все эти доказательства тогда были переданы в английское и французское министерства иностранных дел».

Эту информацию Рейли мог получить и по своим «каналам», и от полковника контрразведки Б. Никитина. Книга последнего издавалась за рубежом дважды. (Не переиздана ли и в солженицынской мемуарной серии?) Б. Никитин служил в Петрограде. Как крутились заграничные шестеренки, отчасти освещено Н. Берберовой, ее воспоминания достигли наших широт, «Современники» М. Алданова тоже.

Алданов ставит вопрос о материальных средствах разных партий. История же большевистской партийной кассы, по его мнению, никогда не будет написана. Он сожалеет об этом, ибо книга получилась бы занимательная во всех отношениях — историческом, бытовом, психологическом. Его сожаления датируются концом 20-х годов. Сейчас, на наших глазах вопрос этот, так сказать, в самом его устье привлекает внимание Советов и народа. Что до истоков, то они давно указаны, в том числе и Алдановым. Тут и жертвователи, лица состоятельные, тут и жертвы эксов, люди казенные, и шантаж, и взносы копеечные, и внепартийные гонорары. В этот перечень добывания средств Бурцев включил «германские деньги». Но он не усматривал их как субсидии в вульгарный шпионаж.

«Ленин и его товарищи,— писал он двадцать лет спустя,— конечно, не были обыкновенными платными агентами, получавшими деньги за свои услуги немцам... Немцы, конечно, прекрасно понимали, что большевики, ведя с ними сношения, преследуют только свои партийные, большевистские цели... Таким образом, с той и другой стороны был проявлен одинаковый цинизм».

Одинаковый ли? И цинизм ли? Не одинаковый, а разнонаправленный. Не цинизм, ибо политика не включает нормы нравственности в сферу политическую. Или — что, в сущности, то же — полагают свою политику сугубо нравственной. А горемыка Бурцев всю жизнь поверял политику мерками морали. Отсюда его непреходящая боль, возмущение, несогласие.

Интересно, как бы Львович расценил «пораженчество» годины Севастополя? Ведь «пораженцы» были задолго до большевиков, во времена многострадальной Крымской войны.

Но прежде два слова.

В июле 1990 года республиканская комсомольская газета опубликовала статью «Национальная измена». Московский историк В. Острецов предложил нам «найти в себе мужество» и всех этих герценов-огаревых поставить в ряд «ПРЕДАТЕЛЕЙ И ИЗМЕННИКОВ РУССКОГО НАРОДА», «ПЛОХИХ РУССКИХ». Пропечатано чуть ли не вершковыми буквами. Позиция? Ни правая, ни левая, ни центристская. Захотелось дипломированному москвичу звонче гикнуть да погромче... ну, скажем, топнуть. И все ж берет оторопь, потому и обращаюсь за примерами «пораженчества» XIX века не к герценам-огаревым.

Б. Н. Чичерин, публицист, далекий от крамолы: боюсь успехов русского оружия, они придадут правительству еще больше силы.

С. М. Соловьев, историк, в рекомендациях не нуждается: мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение.

Да-с, большевики имели в этом смысле почтенных предшественников. Те, конечно, помышляли не о революции, а о реформах и никогда не решились бы на субсидии от внешнего врага отечества. Впрочем, это нисколько не помешает московскому историку со товарищи пришпилить чичериных-соловьевых к проскрипционному списку.

Шарахнувшись от мужественного Острецова, попадаешь в боевые порядки историков большевистской партии, воспитанных под уставным барабаном. Ни задним числом, ни задним умом они не находят в себе мужества приглядеться к «германским деньгам». Поеживаются, вроде бы стыдятся. Либо язык проглотят, либо пустят фистулой: «Клевета!» И тем оказывают Ленину дурную услугу, умаляя его верность марксизму, одна из аксиом которого гласит: у пролетариев нет отечества. Коли так, можно ли предать то, чего нет? Может ли холостяк согрешить супружеской изменой? Да, деньги пахнут. Но чем? По́том и кровью пролетариев. В данном случае немецких. Стало быть, «отмываются» экспроприацией любой формы. Наконец, как было не вооружиться заветами Энгельса?

В случае европейской войны, писал он Бебелю (1891), мы, социал-демократы, должны не только желать победы Германии над Россией, но и добиваться ее всеми средствами. Эге-ге, протянут русофилы, да он-то, оказывается, германофил, а говорили — интернационалист. «Фильство» здесь ни при чем. На фатерланд смотрел Энгельс, как на страну с очень сильной социалистической партией; следовательно, ее победа будет победой революции не только в Германии, а и на Востоке. Положим, со времен старика Энгельса многое переменилось, и Ленин знал об этом, но ведь и он вслед за основоположником рассчитывал на пролетарскую революцию, возникающую из пламени войны.

Ну, так и негоже историкам-марксистам ни помалкивать о «германских деньгах», ни уныло тянуть в ответ на обвинения либералишки Бурцева: «Клевета-а-а-а...» А надо со всей большевистской прямотой и резкостью дать ему отлуп: «Ханжа! Революционная целесообразность превыше всего. Она не слушает голос сердца».

Однако ничего, решительно ничего странного не произойдет, если патриот Бурцев угодит в проскрипционные списки упомянутого Острецова, поклонника Муравьева-вешателя. Туда ему и дорога, этому Бурцеву, ибо «хороший русский» не замахивается на отечественных стукачей и провокаторов. Тем паче на достоверность «Протоколов сионских мудрецов».

Утешим царистов, утешим марксистов: бедняге Бурцеву досталось на орехи.

Окончание следует.

МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ

Анатолий Зверев соединил в себе качества моста и потока. Он был посредником между эпохами и культурами, перебросив мост от художественных поисков начала века к нашему времени, по-своему соединив традиции русского авангарда с новейшими открытиями искусства Запада. Одновременно это был поток неистовый, неуправляемый, перехлестывающий «поверх барьеров». Выход Зверева был отмечен всплеском безудержного, яркого личностного темперамента: своего рода вулканическое извержение неприкрытой субъективности, вдохновенный произвол творца. Все это принимало характер вызывающего своеволия в обращении как с языком искусства, так и с видимым миром в целом, утверждая право сильного мастера не следовать готовым истинам, а создавать их заново, своими руками.

Судьба Зверева с ее диссонансами и неправильностями неотторжима от неистовой стихии авторского почерка. Его путь был во многом вызовом обывательскому «здравому смыслу», полуосознанным отталкиванием от мертвящей казенщины «общепринятых норм».

Резонанс его опыта ощутим до сих пор. Художник вписан в историю отечественного авангарда, достигнув кульминации личного взлета уже на рубеже 50—60-х годов,— своего рода живой воплощенный дух тогдашнего свободного «подпольно-независимого» искусства. По-своему лидируя в контексте нонконформизма, выступая как экспрессионист № 1, он был вместе с тем слишком самим собой, чтобы пленяться любым доктринерством или групповой ангажированностью. Для московской богемы 60-х, или, как мы бы теперь сказали, тогдашнего «андеграунда», был вообще характерен путь художника-одиночки. Независимый по духу и крови, вечно неприкаянный, потому что «гуляющий сам по себе», Зверев был ценим многими (ценим не сентиментально, а как живой факт культуры), а понимаем избранными — теми, кто был способен разглядеть исключительное, когда оно среди нас и еще не отчуждено пиететом музейности.

...Порою нетрадиционность материала в вопросе «чем написано?» становилась темой ходячих легенд по мотивам своеобразных авторских акций Зверева, которые памятны и поныне в устном московском предании о нем. Он вовлекал в акции письма́ средства, казалось бы, непригодные для писания: будь это сапожные щетки, недоеденный батон или иные, казалось бы, еще менее эстетизируемые материалы.

...В его портретах модель не исчезает как личность, как живой персонаж, но при этом образ произвольно и беззастенчиво вовлекается в ту интонацию общения, которую в данном случае диктует артистичный произвол своевольного «маэстро».

Он сильнее всех прочих реализовал в себе и собою экспрессиониста как тип личности и способ жизни. Среди большинства союзников по независимому искусству — художников своего поколения — он выделяется уже тем, что не вписывается ни в одну из сложившихся там общностей.

Это был неприкаянный бунтарь, кочевник по призванию, в отличие от остальных, чье философично-отстраненное подвально-чердачное затворничество определилось, впрочем, не без влияния внешних обстоятельств (административный зажим, невыставляемость и т. п.). В противовес им всем он

не был домоседом «подполья». Зверев превратил в поэтику жизни разверстую неуютную ширь бродяжьей бездомности — опасную жизнь на границе падений и взлетов. Забулдыжно-красочное дно московского «клошара» превращалось в зону пророческих наитий, становилось полем борьбы за высокое существование в любых условиях, на пределе... Он смаковал по-своему, осваивал на смеховой лад (не без «черного юмора») повадки городских низов, не чуждаясь «люмпенства», что, впрочем, не мешало иметь ценителей и единомышленников на самых высоких, элитарных, «этажах» неофициальной «второй культуры».

Ниспровергатель общепринятых норм и канонов, предельный индивидуалист и «безумец», он воспринимался как некий могучий варвар в слишком заорганизованном пространстве художественной культуры, в том числе и «левой». Но он не столько уничтожал, сколько переиначивал, перевертывал, переигрывал в неожиданно новых преломлениях дары былых и современных пластических открытий. Он переписал рваным, нервным, корявым, но озаренным почерком окрашенных жестов потускневшее завещание предков из всех времен.

С дистанции Зверев видится одним из последних и, быть может, потому наиболее ярких воплощений духа живописи в русской художественной культуре. Это была как бы завершающая, прощальная вспышка чисто живописного артистизма на закате или «под занавес» уходящей большой Традиции...

Сергей КУСКОВ

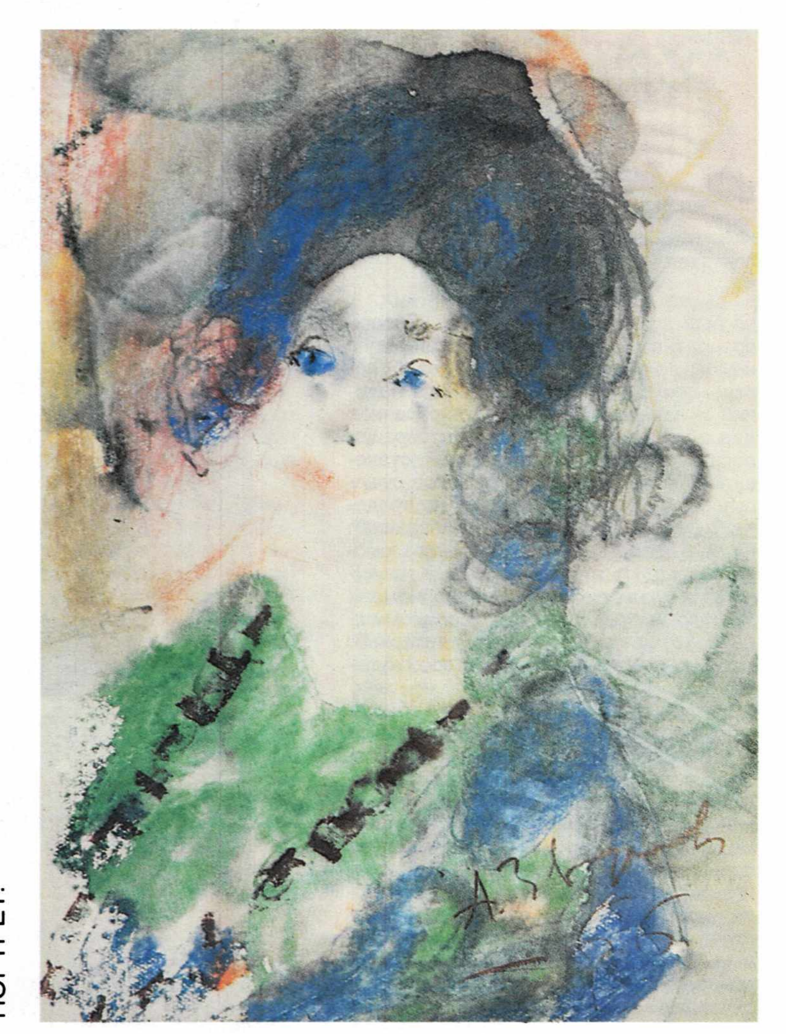

Анатолий ЗВЕРЕВ. 1931—1986.

ПОРТРЕТ О. АСЕЕВОЙ.

ПЕТУХ.

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

КОЛОМЕНСКАЯ ДЬЯКОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

ОГОНЁК

Эту историю рассказала мне художница по имени Айдан, та самая «крутая авангардистка», с которой на протяжении всей моей беседы с Ильей Глазуновым он внутренне спорил*. Помните?

Бунт на корабле, где на капитанском мостике стоит Илья,— и кто смутьян? Хрупкая на вид девчонка, смуглая, стриженная под пацана, в живописных одеждах с приоритетом зеленого цвета, выдающих в ней дитя Востока. Проста и естественна в любой среде, от хиппи до истеблишмента, поздно ложится, поздно встает, является совладелицей «Первой галереи».

Мне было интересно после общения с Глазуновым вдруг столкнуться с его антиподом.

Айдан, которая просила, чтобы я называл ее только так, без отчества и фамилии, вернулась из Италии, где с ней и ее товарищами произошла прелюбопытная история, мало кому известная и вовсе никем не ожидаемая в нашем Отечестве: они получили приз за лучшую экспозицию на Венецианском Биеннале, самом престижном смотре среди художников. Это как бы, если сравнить с миром кино, Каннский фестиваль.

В Венеции есть местечко под названием «Сáды», где расположены павильоны, принадлежащие различным странам, есть там и наш павильон, построенный еще Щусевым до 1917 года, поскольку история Биеннале насчитывает уже почти сотню лет, выставки проводятся каждые два года.

А теперь я спрошу: кто-нибудь из читателей знает об этом? О том, что у нас в Венеции свой павильон? О результатах, предшествующих Биеннале? Ведь каждые два года!

Я думаю, более того, я уверен, потому что специально опросил немало моих друзей, среди которых были и художники: почти никто ничего не слышал. Но почему?

Да потому что мы практически никогда ничего не получали в этих «художнических Каннах» и стыдливо умалчивали об этом, как, впрочем, и о том, кого туда возили.

Но лучше послушаем Айдан, которая вместе с художниками Андреем Яхниным, Гурамом Абрамишвили, Евгением Миттой, Александром Якутом, Сергеем Волковым отстояла, употребляя любимое выражение номенклатуры, честь страны.

* * *

...Раушенберг, мировая знаменитость, отменил все свои встречи, чтобы быть на открытии нашего павильона. А открытие — это приглашение прессы, прием, небольшой банкет. Сегодня английский, завтра американский, французский... Надо иметь две тысячи долларов, чтобы «сервис» приехал: специальный венецианский ресторан, обслуживающий приемы. Обязательно. Это традиция.

Никогда советский павильон не устраивал ничего

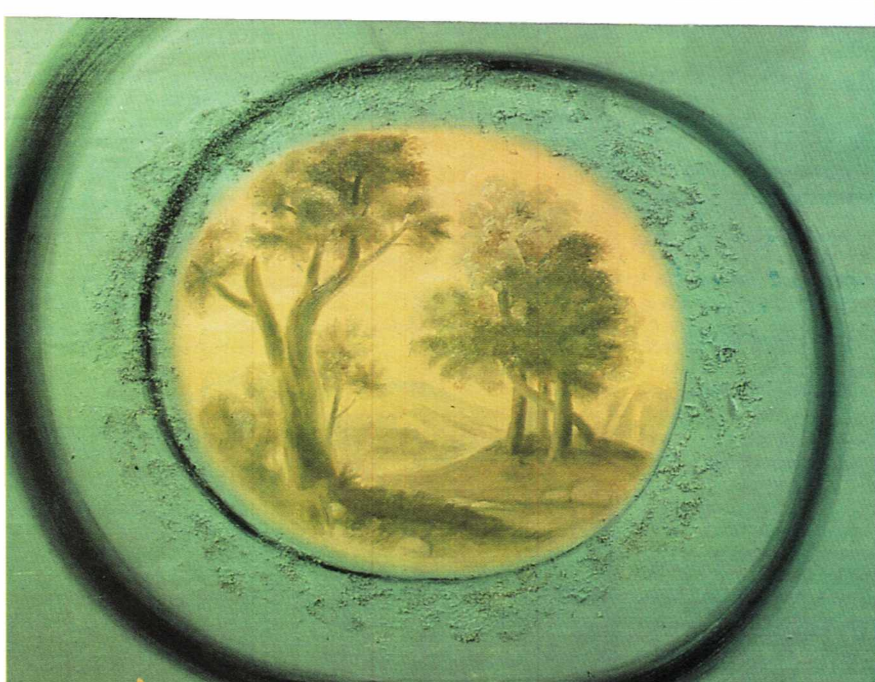
* См. «Огонек», 1989, № 51.

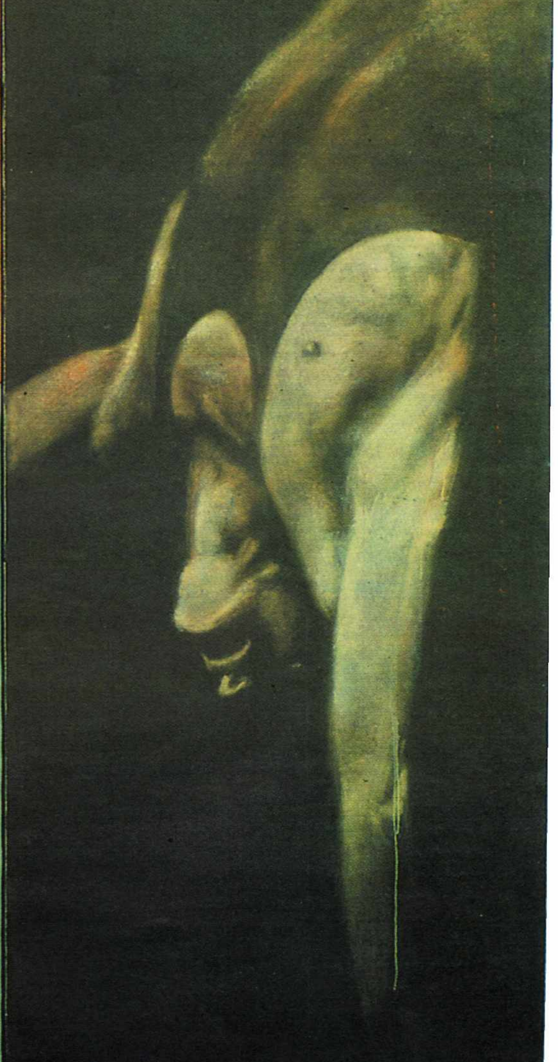
НАШИ В ВЕНЕЦИИ

Владимир ГЛОТОВ

Евгений МИТТА. ПРЫЖОК ИЗ РАЯ. 1989.

Евгений **МИТТА.** СЕМЬЯ МАЛЕВИЧА. 1989.

Александр ЯКУТ. ДИАЛОГ С МАЛЕВИЧЕМ. 1989.

подобного. А если не приглашаешь журналистов на пресс-конференцию, никто и не пишет. И вообще почти никто в павильон не заходит.

А кроме того, для открытия нужны пригласительные билеты. Их изготавливают на гербовой бумаге, в конвертах. Японцы сделали такой билет, что он обошелся им, наверное, еще в две тысячи. А у нас? Увы! Ни денег, ни приглашения, ни приема. Министерство культуры оплатило лишь побелку стен в павильоне и перевозку картин. И мы оказались перед фактом, что должны провести этот банкет. Ну, если бы не было Раушенберга, мы как-то стерпели бы, снесли, но ради Раушенберга это надо было сделать. Ведь мы пригласили его участвовать, и получается, что мы его подставляли. Некрасиво.

Оставалось два дня. Надо было решать. Председатель кооператива «Страстной-7» (при котором организована «Первая галерея») Михаил Крук — благодаря ему мы добрались до Италии — дал 300 долларов, еще 300 дал Доналд Сапп, президент «Раушенберг-фондейшн». Просить больше было неудобно, он не подозревал, что у нас вообще нет денег.

Тогда мы на ксероксе изготовили пригласительные билеты в виде двух складывающихся бумажек, изображавших 25 долларов и 10 рублей. Раз, мол, идея: Раушенберг — нам, мы — Раушенбергу,— то вот вам доллар и рубль. И все решили, что это специально, особый изыск. И мы еще написали, что «Раушенберг-фондейшн» и «Первая галерея» приглашают на пресс-конференцию, а потом — на «водка-парти».

У нас не было возможности устроить дорогой коктейль, и тогда мы, чтобы выйти из положения, пошли по магазинам Венеции искать русскую водку и израильские соленые огурцы. Вся Венеция говорила: «Русские скупают водку!» У них в магазинах можно найти от силы три бутылки, никто же в таком количестве не покупает! А мы приходили и говорили: «Нам нужно 20 бутылок». Они удивлялись: «Что вы?!» Давали нам три бутылки, мы шли в другой магазин с этими сумками, где уже лежало 20 бутылок, и просили еще десять. «Зачем вам столько?» — спрашивали нас. Мы отвечали: «Мы русские. Патриотизм! Не можем без водки».

Мы все красиво придумали, всем понравилось. Критики и художники с удовольствием пили водку вместо шампанского с клубникой. На пресс-конференцию собралось много журналистов. На картине Раушенберга стояла его собственная подпись. Для всех это было полным потрясением: американский художник выставлялся на советской территории! Трудно было понять, люди стояли в остолбенении, они никогда не видели эту картину Раушенберга, хотя он — мировое имя. Смотрели на надпись: «Раушенберг — нам, мы — Раушенбергу»,— у них было недоуменное выражение лица, и говорили Саше Якуту, чьи работы висели в том же зале: «О, вы хорошую копию Раушенберга сделали!» И когда он отвечал: «А это и есть Раушенберг»,— восклицали: «Не может быть!»

Короче, все дико балдели от непонимания. В итоге — сенсация. Писали в основном об английском павильоне, американском и о нашем. Наконец-то! Наконец-то заговорили. Наконец-то заметили нас:

Айдан САЛАХОВА. АБОРТ. 1989.

Гурам АБРАМИШВИЛИ. 2 КИЛОГРАММА. 1989.

смотрите, они смогли приехать в Италию, они хорошо одеты, хорошо двигаются, вообще приятные ребята, и картины привезли интересные.

Дело в контрасте. Нашим художникам трудно представить, что делают там, готовя павильоны. Потрясающие технические возможности, решения. Американцы вложили в свой павильон, который занял первое место, миллион долларов: столько потребовалось для Женни Хольцер, американской художницы, чтобы воплотить замысел в произведение искусства. Кто вложил? Не знаю. Государство, какие-то фонды... Но для всех это престижно. Кроме нас.

У нас же была только живопись. И, как ни странно, это произвело теплое впечатление. Спокойно, тепло. И вроде тоже авангард. И тут же Раушенберг. Отцы и дети, близкая им идея. Он — американец, мы — советские.

И вот — четыре приза: лучший павильон американский, лучший художник английский, приз за лучшую экспозицию — у нас, и еще приз у кого-то, не помню.

Получить приз на Биеннале престижно. Это и подтверждение, что советское искусство существует, это и стабилизация цен на советскую живопись, ведь наметился некоторый спад.

Конечно, мы были счастливы. И вместе с нами радовался Роберт Раушенберг, которого мы называли «Рашн-берг».

...Когда у нас кончились деньги, нам пришлось покинуть гостиницу. Оставалось по сорок долларов на отъезд, чтобы добраться из Венеции до Милана, а там сесть на автобус до Аэрофлота. Это был «черный запас», который нельзя было трогать, иначе мы бы не уехали оттуда.

Поэтому мы не дождались официального открытия Биеннале и о присуждении нам приза узнали уже в Москве. На открытие приехал наш посол. А мы в это время ночевали на вокзале в Милане. Автобус начинал ходить в шесть утра, денег на гостиницу у нас, естественно, не было, и мы спали на мраморном полу миланского вокзала среди наркоманов и проституток, подложив под себя наши сумки, чтобы их не украли, и понятия не имели, что в Венеции нам присуждают приз.

Мы прилетели в Москву, и тут позвонил наш председатель Миша Крук: «Ребята, куда же вы пропали, тут такое!»

Оказывается, когда нам дали приз, вся пресса ломанулась нас искать: «Где они?»

Отвечают: уехали. Как уехали? Почему? Что случилось? Никому в голову не могло прийти, что у нас просто не было больше денег на жизнь. Я, совладелица кооперативной галереи, по их понятиям, богатый человек! Но как я могу сказать, что у меня нет денег? Как я могу сказать, что московский валютный ресторан подкармливает галерею, что это он выдал нам суточные, которые мы еще и экономим?

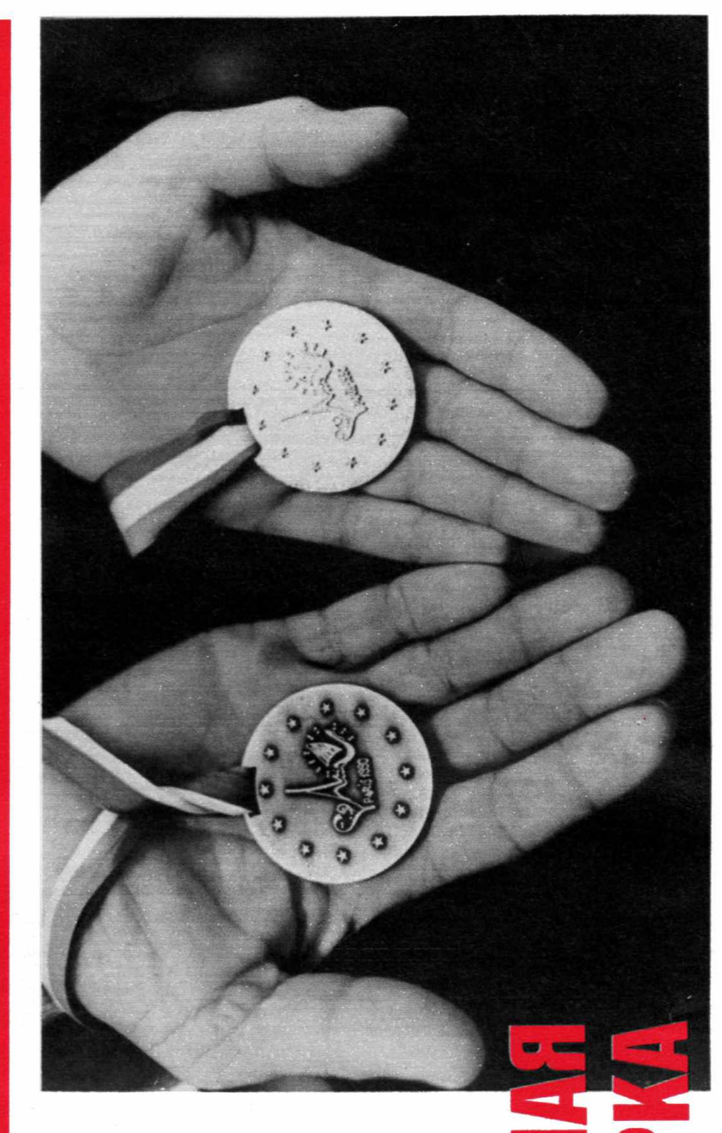
Мы ведь чудом попали на Биеннале, то была прерогатива аппаратных министерских дам. И если бы не Владимир Горяинов, комиссар павильона, который пробил наш проект, и на этот раз все оставалось бы так же. Но Горяинову понравилась идея «Раушенберг — нам, мы — Раушенбергу» (а именно под этим девизом проходила в Москве в «Первой галерее» выставка, в которой участвовал Раушенберг), и он уговорил Министерство культуры: нас выпустили.

Почему именно Раушенберг? В 60-е годы он начал в Америке новое направление, и, хотя к нам в страну поступало мало информации, мы все-таки знали несколько имен: Роберт Раушенберг, Энди Уорхол, Рой Лихтенштайн. С восхищением рассматривали плохие репродукции, их кто-то откуда-то приносил. Все для нас тогда было открытием. Я училась в школе, потом в Суриковском институте. Нам говорили: «Это плохо!» В «Юном художнике» писали, что Раушенберг — очень плохой художник. Естественно, он был нашим кумиром.

Когда стало известно, что мы едем в Италию, началась жуткая гонка. Кому не известно, как живут наши художники! Как бедствуют — нет мастерских, нет ничего. Картины пишут порой на кухне, вынося их оттуда по частям. Мы оказались наедине со своими проблемами. Нет холста, подрамников, начались поиски материалов. Горяинов отобрал работы, мы что-то доделывали. В США Хольцер готовилась два года, а мы — пять месяцев, даже меньше, так как надо было заранее отправить слайды. Но нас вдохновляло, что Раушенберг тоже с энтузиазмом взялся за дело, приняв наше приглашение участвовать вместе с нами в Биеннале. Понятно, он не ведал наших проблем. Он привез в Италию типичную для него работу — огромную картину на алюминии.

Наконец, стали оформляться. Нам выдали служебные паспорта. Но сказали в Министерстве культуры: «Мы вас оформим, но, естественно, командировочные платить не будем. И билеты — на свои».

Вот так... А все, что было в Венеции, я уже рассказала. Хотя, повторяю, как нам присуждали приз, я не видела. Об этом лучше спросить министерских дам, завсегдатаев таких вояжей.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ВОСЬМЕРКА

В конце этого лета в Париже проводились очередные Олимпийские игры людей, перенесших операции по пересадке сердца. Впервые в них участвовали представители нашей страны. На приеме, устроенном по этому поводу в мэрии, советской команде, удивившей всех своей многочисленностью, был вручен памятный кубок. Президент ассоциации больных с пересаженным сердцем, всемирно известный профессор Кристиан Каброль, присутствовавший при этом, сказал, что рад был услышать фамилию своего московского коллеги профессора Шумакова, оперировавшего всех прибывших. С ним он неоднократно встречался, и совсем недавно на конференции в Сан-Франциско.

Но еще более рад был сам директор Института трансплантологии и искусственных органов академик Шумаков, когда узнал, что его пациенты привезли медали.

В советской команде насчитывалось восемь человек: шесть мужчин и две женщины. Люди разного возраста, разных профессий, из разных отдаленных от Москвы городов, до того не знакомые друг с другом, проявили сплоченность, недюжинную волю и оказались на высоте. Золотую медаль привез самый юный из них — семнадцатилетний Андрей Лященко из Витебска. Он учится на третьем курсе училища, собирается стать кулинаром-поваром. Еще полтора года назад играл в футбол. И вдруг простуда, воспаление легких, тяжелое осложнение. Направили в Москву. Операцию сделали 25 июня 1989 года. У Андрея было много соперников-юниоров, но все же золотая стометровка досталась ему.

Инженер из Ленинграда В. И. Литвиненко стал обладателем нового сердца только в этом году. Бегать начал всего месяц до соревнований. Но и он пришел к финишу первым среди своей возрастной группы (44 года). Теперь бегает каждый день по три километра.

А седому пятидесятилетнему строителю из Красноуральска Н. В. Гусеву так понравилось бежать, что он не заметил финишной черты на полуторакилометровой дистанции, промчался мимо, и его пришлось догонять, чтоб остановить. У него было много конкурентов из 14 стран мира. Больше всего оказалось англичан, и они завоевали почти все первые места, ведь соревновались и по другим видам спорта. Однако Гусеву все же была присуждена бронзовая медаль.

Как тут не вспомнить Александру Шалькову, первую пациентку Валерия Ивановича Шумакова! Она тоже была послана в Париж. За состоянием ее здоровья четыре года назад следили сотни газет. А какой поистине отеческой заботой окружал ее тогда сам профессор: то находил в январе клубнику как с грядки, то приносил из дому детективы, чтоб не скучала по своему далекому нарьян-марскому дому. С неимоверными трудностями — доходил до секретаря ВЦСПС — «выбивал» для нее путевку в кардиологический санаторий, что в Переделкине. Хлопотал о квартире... Кстати, в зарубежной практике устройство больного в санаторий после пересадки сердца для реабилитации строго обязательно и не представляет никаких трудностей.

Александра Шалькова, как и ее компаньонка по поездке Алима Хасинова, медсестра из Кокчетава, в бегах не участвовала, застеснялась. Уж слишком натренированными представились им потенциальные партнерши из других стран, прибывшие со своим спортивным снаряжением — велосипедами и теннисными ракетками. Таких возможностей у пациентов профессора Шумакова — увы! — пока нет и не предвидится.

Да и вообще, можно сказать, случайно попала вся команда в Париж. Приглашение ассоциации поступило в Минздрав СССР и пролежало бы и до сих пор нетленным, если бы в институт не дошла информация из других источников. Очень быстро нашелся и спонсор: производственно-кооперативное объединение «Интерарт» совместного советско-французско-итальянского предприятия «Интерквадро».

Остается добавить, что разбег, взятый членами команды в Париже, задал им стойкий жизненный тонус и уверенность: стали бегать каждый день. Тем значительнее, весомее представляется успех советской команды, покоящийся на высочайшем хирургическом искусстве профессора Шумакова, отточенном мастерстве всего его «ансамбля» врачей и медсестер. Восемь месяцев назад Валерий Иванович совершил первую в стране удачную операцию по пересадке печени, а число больных с пересаженными им сердцами достигло сорока.

Галина КУЛИКОВСКАЯ
Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

ИВАНОВСКИЙ СИНДРОМ

Алла БОССАРТ

ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШЕЙ КУЛЬТУРОЙ

Можно написать пьесу о том, как режиссер провинциального театра ставит «Три сестры», а поздно ночью в своей холостяцкой квартире в новостройке на окраине уездного города N, уперев лоб в черное стекло (окна на пустырь), страстно шепчет: «В Москву, в Москву!»

«Мне еще когда Марк Захаров говорил: «Регина, время работает не на тебя! Пока не поздно, надо перебираться!» У меня столько было предложений — и главным в другие города, и на постановки в Москву... А теперь жизнь прошла, и у меня нет больше сил противостоять этому варварству».

Иваново — темный город. Нет-нет, вы не поняли, Боже сохрани, это не оценка. Темный — в буквальном смысле, неосвещенный. Улицы все широкие, как степь, и ни фонаря. И всегда холод собачий. Такой вот образ со временем сложился — с городами ведь тоже выстраиваются свои отношения. Таллинн хочется поставить на буфет, с Ленинградом — гулять под ручку ночь напролет. А Иваново надо проскочить, ноги в руки, перебежками, от квартиры до квартиры, от театра до музея, чтоб побыстрей миновать мороз и одинокий мат во тьме.

Образ, впрочем, образом, но в обширнейшей географии русской советской провинции Иваново — ничем не лучше и не хуже десятков других городов: больших, бедных, неуютных, плохо освещенных и голодных.

— О, вот тут вы ошибаетесь! — вскричала Регина Гринберг.— Хуже, много хуже! Хуже не бывает. Иваново — совершенно особая зона, где планомерно истребляется всякая духовность. Борьба с культурой — ивановский стиль, традиция. Явление, уверяю вас, уникальное!

Ох, Регина Михайловна, уверяю вас, ничего уникального в этом явлении нет. Хотя ивановский стиль... Ивановский синдром, я бы сказала.

Поволжские города исторически сословны. Ростов — духовенство, Суздаль — художники, Нижний Новгород — купцы, Саратов — интеллигенция, Астрахань — рыбаки. Иваново — рабочий край. Ну вот примерно как Чикаго. Однако в Чикаго — нарочно поезжайте, посмотрите — нигде не найдете транспаранта: «Да здравствует Чикаго, родина первомайской демонстрации!» Ну состоялась и состоялась. Слава Богу, и без нее хватает, чем гордиться.

В Иванове, прямо с поезда, на привокзальной площади вам напоминают: «Иваново — родина первых Советов!» И забыть об этом вам уже не дадут. Рабочее происхождение и совдеповский почин не только являются предметом местной гордости сами по себе. Мы привыкли, что рабочие почему-то лучше, достойнее, моральнее врачей, учителей, адвокатов, артистов, моряков, рыбаков и, уж конечно, священников. Хотя никто не понимает почему. Но особенно замечательно, что происхождению и почину придана судьбоносная роль. Они являются оправданием, объяснением, индульгенцией для всего, что в Иванове происходит. Ну, собственно говоря, ничего особенного не происходит. Просто родина первых Советов на практике воплощает маниакальную большевистскую мечту разрушить старый мир «до основанья, а затем». Как бы до этого зловещего «а затем» не было ничего заслуживающего внимания в истории многострадальной России. Как Октябрьский переворот для всего государства, так рождение первого Совета рабочих депутатов для отдельно взятого города Иванова — точка отсчета и историческая призма. К нам в редакцию прислали однажды вместо письма листок отрывного календаря от 6 июня. Под числом указано: «Состоялась такая-то партийная конференция. День рождения А. С. Пушкина». Именно в такой последовательности. Вот что я называю исторической призмой. Сквозь ее знаменитый «лукавый прищур» велась планировка строительства «нашего нового мира». Так и живем, прищурившись. Чтоб не было уж очень-то страшно и тошно.

По темным, предрассветным улицам прямо с поезда я спешила полтора года назад к Введенской церкви, в народе «Красной» — полуразрушенному храму, на паперти которого, как вы, может быть, помните, голодали тогда четыре прихожанки. Тогда я впервые услыхала этот гуманистический тезис: «Как только не стыдно! У нас, на родине первых Советов, требовать открытия церкви! И где — в центре города, рабочего города! Это уж, знаете, совсем надо не уважать свою историю. Они не могут быть коренными ивановцами, я вам ручаюсь. Наверняка приезжие». Неожиданная эта идея — плод своеобразной ивановской аберрации — принадлежала даже не мэру Головкову (тот выразился с сокрушительным простодушием: «Я атеист и считаю, что церковь эта народу не нужна»). Нет. За честь рабочего города вступился... историк. Сотрудница исторического архива, расположенного в здании Красной церкви. Фамилии не назову: вдруг у нее дети умные, что ж позорить-то. Между прочим, она как в воду смотрела. Две голодавшие из четырех действительно родились не в Иванове.

Как, добавлю, и пресловутая Регина Гринберг, которая всем уже надоела со своим театром. Между прочим, многие ее воспитанники и «звезды», коренные ивановцы, перебрались в Москву, будучи вполне блестящими специалистами, а Регина Михайловна, столичная, в сущности, штучка, стонет, стучит ногами, валится с кризами, вопит, словно чеховская, в пенсне и камеях.— «В Москву, в Москву!»,— но сидит как проклятая в Иванове уже тридцать лет и три года, в непомерной гордыне своей размечтавшись очеловечить родину первых Советов.

Мы знакомы лет двенадцать. Впервые я увидела Ивановский народный молодежный театр поэзии на фестивале любительских театров в Ташкенте. Даже на общем азартно-гениальном фоне «Мозаика», поэтическая композиция по Вознесенскому, была зрелищем запоминающимся. Спектакль комнатный, камерный очень — для каждого, упоенно-постановочный и в то же время актерский, умело и любовно использующий талантливые индивидуальности. Люди театра, набившиеся в тот маленький зал, понимали, что играть стихи, не впадая в иллюстративность,— особенно трудно. Высший, можно сказать, пилотаж. И ребята Гринберг играли именно так: музыка поэзии звучала, но текст принимал форму актера, как сосуда. Это был абсолютно органичный и притом чрезвычайно романтический спектакль. Живой. Я вспоминала его недавно — глядя в «женском» МХАТе «Макбета», скованная неловкостью за любимого мною Беляковича, который так ничего и не сумел поделать с мертвым театром. Регина Гринберг, конечно, классный профессионал. Но она еще и виртуозный читатель. Немного, я думаю, найдется людей, умеющих так потрясающе чувствовать стихотворный текст. Но важно другое: она учит этому непрофессионалов, юнцов, которые, поколение за поколением, взрослеют в идеальном мире ее театра. Энергетика и фанатизм режиссера Гринберг таковы, что залетевшие на ее огонь начинают гореть вместе с ней и служат Регине, то есть театру, уже самозабвенно, как она сама, до тех пор, пока позволяют возраст и основная работа. Или пока сама Регина окончательно их не измучает своим чудовищным характером. Впрочем, это факт ее личной биографии. Считаю, что крупная личность имеет право быть несносной. Вот если за душой пусто — прячь характер в карман. Или уж становись начальством.

Я не буду много рассказывать о театре, потому что он известен во всем мире и не писал о нем только ленивый. А вот о начальстве над ним в мире знают меньше. Что несправедливо, так как именно начальство не дает театру расслабиться и совсем уж оторваться в своем идеализме от действительности. В случае с Ивановским театром этот отрыв недопустим, так как работает театр в непосредственном контакте с жизнью, а именно с текстильной фабрикой имени Балашова, в помещении ее клуба, что в так называемом Зубковском дворе, исторически самом бандитском местечке города Иванова. На это необорудованное здание, без сценического света и радио, далеко от центра, в непопулярном районе, театр согласился только потому, что тут хватало помещений и не было кино. Сейчас здесь площадка, не уступающая по технической оснащенности столичному уровню и один из самых посещаемых театров России. Понятно, что это тоже результат несносного характера Регины Гринберг, а, уж во всяком случае, не нынешнего руководства фабрики, которое командует без году неделя, в то время как художественный руководитель театра, она же директор клуба, Гринберг Р. М., распоряжается здесь тридцать лет. Впрочем, уместнее будет прошедшее время. Так как в клуб, а по сути, в театр без ведома худсовета и режиссера назначен новый директор. (Уже тоже, впрочем, был. В настоящее время пошел, так сказать, в баню. Директором.)

Десять лет подряд, встречая Регину или разговаривая с ней по телефону, я слышу одно и то же: «Так плохо еще не было никогда! Театр надо срочно спасать! Мы практически убиты. Я уезжаю. Бороться невозможно...» Короче, Дания — тюрьма. Мой коллега дружит с Региной Михайловной двадцать лет. И все двадцать лет — та же песня. Я долго думала, что Гринберг похожа на сумасшедшую мамашу, которая потеряла здоровье, сражаясь насмерть за своего гениального затравленного сына. Вот и в последнем письме, полном скобок и кавычек: «Бежать! Куда угодно, на край света, только не здесь... Ощущение, что сдирают кожу. С нас, еще тепленьких...» И было бы нормально и просто отмахнуться в московской суете и обломовской деловитости: ах, бросьте, Регина Михайловна, никто вас не убивает, а коли так уж невмоготу, то, пожалуй, и уезжайте, пока зовут, Захаров прав.

Однако, потолкавшись некоторое время в школьно-семейной потасовке и написав о ней книжку, я обнаружила, что сумасшедшие мамаши тоже чаще всего правы. И театр в Иванове продержался 33 года действительно во многом благодаря прессе. В том-то и существо «ивановского синдрома», что гениальные дети в его системе координат не нужны. С ними столько хлопот, а от них — одно вольнодумство. Хорошо бы их сбрасывать со скалы или с крыши, как поступали в Спарте с хилыми младенцами. Но если уж в зародыше не задавили — надо как-то забодать, закусать, заморить и заморозить в более зрелом возрасте, чтоб не вякали.

Вторая же неразрешимая загвоздка «эффекта Гринберг» состоит в том, что где это вы видели сумасшедшую мать, которая бросала бы своего гениального, ненаглядного, единственного чадушку, гордость, смысл и отраду своей жизни, и бежала бы на край света, а именно в Москву? И хотя Регина — матерый толкач, и вхожа в кабинеты, и по первой специальности политэконом, знает бухгалтерию, а шофера, левачащего на театральном автобусе, выслеживает, как сыщик Интерпола,— у нее достанет безрассудства и идеализма, чтобы оставаться при своем театре в своем Иванове, покуда жива.

Те, кто знает Ивановский народный театр имени Высоцкого, могут оценить его роль в театральном процессе страны, и роль эта не велика. Ибо сам театральный процесс сегодня достаточно вялотекущий, страна слишком увлечена политикой и экономикой, чтобы думать о судьбах искусства. «Пушки» заговорили вполне отчетливо, и музы, потрясенные Карабахом, Тбилиси, Ферганой и Ошем, естественным образом заткнулись. Таково общепринятое мнение, основанное на том, что человеку свойственно не замечать то, что его не интересует. «Лом» в театры действительно прекратился. Ночами население сходится на иные толковища, далекие от театральных очередей. Но это вовсе не значит, что музы на самом деле молчат. Они просто ушли в подполье. Именно сейчас как никогда бурно рождаются и работают любительские труппы в подвалах, на чердаках, в развалюхах под снос и в квартирах своих режиссеров. Несколько живых, полнокровных театров из числа формальных — таких, как коллективы Захарова, Стуруа или Некрошюса,— действительно уже не создают процесса. Театр как общественный процесс спустился в так называемый «андеграунд». Это не «грибы после дождя», как любят образно выражаться в культурной хронике, но споры, грибница, из которой предстоит, видимо, вызреть некоему новому качеству искусства. Однако мощный выброс неформального искусства в нынешнюю воспаленную жизнь страны имеет и другой смысл, кроме

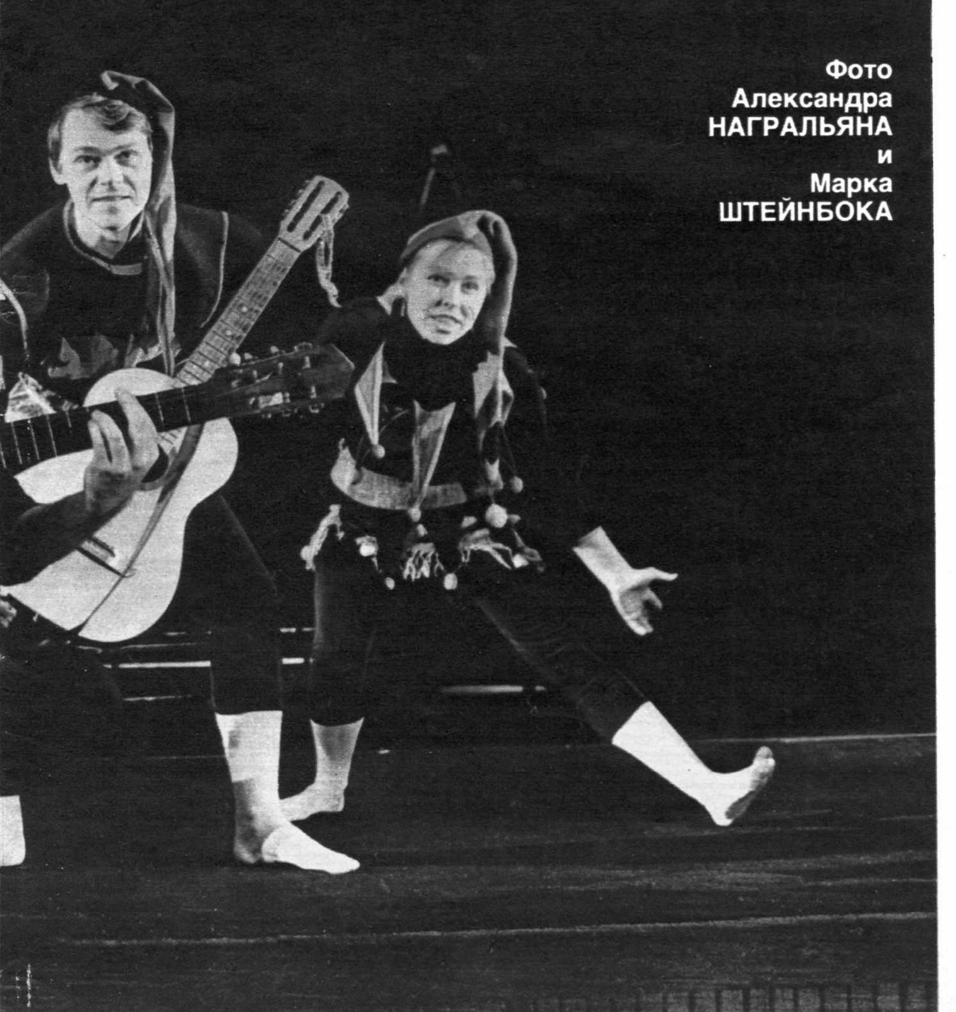

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА и Марка ШТЕЙНБОКА

авангардно-художественного: реактивный, самозащитный. Неформальная сцена — театральное выражение «советского барокко», которое открыли П. Вайль и А. Генис в литературе. «Барочный герой тоже ищет истину, но — неизвестно какую, но — неизвестно где, но — неизвестно существующую ли вообще. Его поиски истины идут через себя, и только через себя и в себе. Отыскание своей божественной души легло через отход от реальности...»

Барокко с его метафизической рефлексией врывается в искусство на гребне переломов и потрясений, и никогда — в вязком и плотном мраке застоя. Поэтому декаданс серебряного века, когда дыбом встала история, сменился железобетонным реализмом сталинской эпохи, угрюмой, неподвижной и безвоздушной. Потом вновь краткий оттепельный вихрь смятения души и мысли — и вновь шеренга нерассуждающих, несомневающихся, несгибаемых уродов театра, кино, литературы и живописи на десятилетия.

Страна содрогается в очередном, возможно, последнем, как считают многие, пароксизме. Мы встали плечом к плечу на борьбу с самими собой под знамена вражды, ненависти и страха. Наш колизей охвачен жаждой крови, и в этих брутальных обстоятельствах именно идеалисты оказываются наиболее здравомыслящими.

Одни из них пишут новую конституцию.

Другие требуют отставки правительства.

Третьи сочиняют программу «500 дней».

Четвертые просят свой темный и голодный город принять от них в подарок — театр.

Почему город отбивается от подарка — понятно и закономерно точно так же, как и почему отбиваются власти от новой конституции, аппарат — от нового правительства, и все вместе, включая многомиллионного советского люмпена,— от программы «500 дней», ибо она, помимо прочего, предусматривает утраченный люмпеном навык честного труда.

Театр предлагает провинции иную систему ценностей. Предлагает вернуться к себе. Подумать о душе. Но наш люмпен (как всякий люмпен) потому и является основой тоталитарного строя, что главную опасность видит в инакомыслии. Под люмпеном я имею в виду не бича и вора — их все-таки меньшинство,— а всякого морально, духовно и профессионально растренированного обывателя, в отличие от интеллигента, который также не подлежит сословным ограничениям.

Все, кто знает Иваново, понимают, что роль этого театра в этом городе огромна.

По внешним позициям, для буклетов, Иваново — крупный культурный центр. Университет, вузы, музеи (художественный, без всяких скидок,— великолепный), три профессиональных театра... Вот с театрами происходит странная и даже мистическая история. Два столетия стояли в центре Иваново-Вознесенска две церкви: Покровская, летняя, и Троицкая, зимняя. Стояли бы и третье, Божьи стены имеют обыкновение стоять долго, если их не ломать специально,— а до большевиков такое приходило лишь в голову ордынского язычника. Ну, при Орде тут еще ничего не было, зато большевиков любимая работка ждала. Храмы взорвали (в числе прочих 24-х) и на их месте стали строить Дом искусств, грандиозное культурное сооружение для свободного эстетического и атеистического развития рабочего края. Но земля, которая двести лет прочно и надежно держала храм Божий, вдруг поплыла. Котлован стал сочиться почвенными водами, и выяснилось, что строить на этом болоте невозможно. Но в своих дерзаниях всегда мы правы, и театральный комплекс построили. Довольно причудливый и очень-очень дорогой. Однако работать в нем было нельзя. Сколько почву ни укрепляли, вода, как слезы, находила себе дырочку, и многомиллионный дом мок, квасился, разрушался. Его ремонтировали двадцать лет. Ремонт стоил дороже строительства. Наконец объявили торжественное открытие. Чешские люстры, финская мебель, мрамор, панели, паласы. И в ночь перед открытием все это великолепие заполыхало, как еловая ветка.

Странный город Иваново. У него нет силуэта, нет профиля. Нет церквей, башен, нет вертикалей. Нет красивых, старинных, указующих в небо зданий, на которые бы крепился город, как на арматуру. И город расползается серым, бетонно-кирпичным месивом, обнажая огромные плеши площадей и пустырей. И на каждом шагу — видео, видео, видео. Эротика. Самураи. Смерть в шкафу. И табуны подростков, чей путь — от видеоподвала до пустыря, мимо памятников Ленину, потому что других почти и нет.

Ни художников, ни царей, ни конных военачальников... Есть одна огромная голова, попирающая вокзальную площадь, аллегория, построенная на месте, которое отводилось для памятника Оле Генкиной, убитой жандармами. Ивановские школьники собрали деньги на памятник сверстнице, но решение увековечить маленькую мученицу отменили. Возводя (на те же деньги) голову, на щитах вокруг строительной площадки повесили объявление: «Сооружение монумента женщинам, ПАДШИМ в революцию». У ее подножия в три смены снуют бледные сутулые ткачихи с худыми руками и тусклыми волосами, равняясь на свою путеводную звезду, Триумфальную Пряху, воплощенную грезу Григория Александрова, женщину по имени Светлый Путь. И еще — рабочие на баррикаде, один обвис на руках товарища. Скульптурная группа, прозванная народом в неистребимом жизнелюбии — «Вставай, уже одиннадцать!»

Есть, впрочем, еще памятник художнику Авениру Ноздрину. Принято считать, что первый председатель первого Совета Авенир Ноздрин был рабочим-текстильщиком и рабочим поэтом. Между тем он был гравером и довольно состоятельным человеком. Красивый старинный двухэтажный дом, в котором он жил, признан властями противоречащим образу первого рабочего лидера, и верх особняка снесут.

Священная бедность. Пролетарский замес. Рабочая окраина, ставшая городом, со своими мифами, богами и героями, со своей эстетикой и моралью.

Когда тридцать лет назад Регина Гринберг ставила «Баню», впервые после Мейерхольда на советской сцене «рассекретив» третий акт, ивановское начальство обвинило ее в том, что этот текст она написала сама. Она дружила со многими авторами своего театра, и ей, например, говорили в кабинетах: «Евтушенко — враг текстильного края и страны в целом, чтоб духу не было!» А в театре между тем игрались спектакли — звучали Маяковский, Цветаева, Светлов, Вознесенский, Окуджава, Поженян, Высоцкий, Евтушенко, и еще, и еще... В театре работали университет, лекторий, клуб интересных встреч, сюда приезжали со всей страны; спектакли оформлял Неизвестный, писали лучшие советские поэты, здесь выступали литературоведы, драматурги, ученые, артисты. Здесь шла нормальная жизнь.

Из писем в многотиражку фабрики, газету «Балашовец».

«...А желающих заниматься художественной самодеятельностью на предприятии немало. Да возможности осуществить это желание нет никакой. Хотя фабрика имеет свой клуб, но для рабочих он закрыт уже давно. На протяжении многих лет полновластным хозяином клуба является народный театр-студия имени Высоцкого. Что это за коллектив, мы, рабочие, не знаем. И на каком основании он полностью занял наш клуб, нам тоже неизвестно. Какая отдача от него для коллектива фабрики, сказать трудно, так как о его работе мы не имеем совершенно никакого представления. Клуб нам нужнее, чем театр-студия. Неужели руководство фабрики, партийная, профсоюзная и комсомольская организации, наконец, совет трудового коллектива предприятия не вправе решить вопрос о клубе в пользу своих же рабочих, а не в пользу чужого для фабрики коллектива, в котором, насколько нам известно, не занимается ни один балашовец? Пора, давно пора восстановить справедливость в этом вопросе, возродить былые славные страницы фабричной художественной самодеятельности.

Людмила Ш., прядильщица, член бюро ВЛКСМ прядильного производства».

У, как повеяло весною и нашей юностью в «Комсомолке», как сидели девочки и мальчики и строчили письма ткачих, клеймящих то ли Солженицына, то ли Сахарова, уже не помню, меня тогда как раз увольняли за профнепригодность.

«Я, рабочий камвольного комбината электромонтер В. Саховский, пришел в театр и прочитал на стенде заметку в «Балашовце». Это не она придумала, а начальство. Говорю как рабочий человек — вы компрометируете такими заметками нас, рабочих. У нас на камвольном нет и никогда не было клуба. А самодеятельность есть. Репетируем в красных уголках, в общежитии, в актовом зале. А у вас-то вон какой актовый зал — дворец! А вам все места нету. Просто развалили всю работу сами и виноватых ищете. А в театре занимаются настоящие энтузиасты, трудяги. Смешно, что вы об этом театре ничего не знаете. Я вот работаю и живу в другом конце города и все спектакли смотрю. А у вас-то театр рядом, а вы не знаете. Вам бы помогать такому театру, беречь его, а вы травите. Мне, рабочему, за вас стыдно. От себя лично и от своих друзей-рабочих скажу: театр мы в обиду не дадим».

«Я, Руфат Хасанов, работал на фабрике Балашова с 1957 года столяром. В театр пришел в 1960 году. Сначала думал, что пользы театру принести не могу, у меня серьезный дефект речи. Но скоро понял, что театр — не только артисты, но и осветители, реквизиторы, и костюмеры, и столяры. Двенадцать лет я почти ежедневно ходил в театр, работал на общественных началах столяром и осветителем, играл маленькие роли. Регина Михайловна говорила, что Рудик Хасанов незаменим. И я чувствовал, что это и в самом деле так. Мне театр дал очень много. Я стал читать книги, интересоваться искусством. Потом у меня появилась семья, ребенок, а сейчас — внук. Но чем могу, я и сейчас театру помогаю. Особенно я нужен на гастролях. Все работы я, как и остальные ребята, выполняю бесплатно. Знаете ли вы, как здорово чувствовать себя незаменимым?»

«Я, Наталья Чиясова, работала на фабрике им. Балашова прядильщицей. Приехала из Астрахани. Никого у меня в городе не было. Я хотела заниматься художественной самодеятельностью. Как раз объявляли набор в театр. Сначала я даже репетировать отказывалась — так боялась. Тогда мне нашли место на осветительном балконе. А через несколько месяцев заставили спуститься на сцену. Прошло двадцать лет. У меня семья, ребенок. Я — профессиональный фотограф, веду фотохронику театра, который стал моим университетом и моей жизнью.

Почему мы, бывшие рабочие фабрики, решили написать Вам? Потому что Вы нас обидели, оскорбили. Когда Регина Михайловна с группой молодежи города начала создавать театр (для людей ведь), Вас еще и на свете не было. Сколько сил вложено, и клуб-то оборудован благодаря режиссеру и ее помощникам! Кто сказал Вам, что клуб закрыт для рабочих фабрики? Наша работа не засекречена. Зрители самых отдаленных районов города посещают театр. Приезжают из Шуи, Вичуги, Тейкова, Родников. Приезжают люди из других городов страны! А ведь клуб-то во дворе фабрики, у Вас под боком... Кто же мешает зайти?»

«...А не проще ли театру перебраться в другое место, где бы он обрел популярность, которой в нашем коллективе не имеет? Нашими рабочими оборудован зал для проведения дискотеки и вечеров отдыха (фойе театра.— **А. Б.**). Они изготовили зеркальный шар и шесть цветных прожекторов. (О, умойся, Регина, со всею своей светотехникой! — **А. Б.**) А теперь все снято и лежит мертвым грузом. Молодежи нашей такой театр не нужен. Им нужно другое, о чем они откровенно говорят. Ансамбль, студия звукозаписи, видеосалон. В письмах защитников театра звучит мысль об использовании конференц-зала в административном корпусе. Но ведь он закрытого типа (? — **А. Б.**) и молодежь микрорайона не имеет туда доступа. А вот доступ в клуб имеет, но не ходит, так как театр ее не интересует.

С. ФЕДОТОВА, секретарь комитета ВЛКСМ фабрики им. Балашова».

«Ну что сказать о театре? Из нас, написавших это письмо, только одна выражает любовь к песням Высоцкого. И поэтому мы считаем, что нельзя навязывать человеку ту или иную тягу к определенному виду искусства. Рабочие фабрики Балашова по праву считают, что это их клуб. Пора уже подумать нашему руководству о том, чтобы культурный уровень нашего производства не уступал ни одному другому предприятию, тем более что этого желает молодежь. В том смысле, чтобы молодежь имела аппаратуру, хорошие музыкальные инструменты, чего у нас нет.

Участники художественной самодеятельности, всего 9 подписей».

«Опубликованием этого коллективного письма рабочих мы завершаем дискуссию о фабричном клубе. Учитывая тот факт, что в редакцию не поступило ни одного письма от балашовцев в защиту театра-студии, газета вынуждена признать справедливость требований рабочих фабрики и считает также, что хозяином нашего клуба должны быть рабочие нашего предприятия. Но последнее слово остается за советом трудового коллектива фабрики. Он должен вынести окончательное решение о судьбе рабочего клуба. Это решение будет принято на заседании СТК...»

Заседания тогда не состоялось. Совет трудового коллектива, партком, комитет ВЛКСМ фабрики имени Балашова, а также молодежный театр имени Высоцкого, а также я получили копии следующего письма:

«Я — в прошлом актриса молодежного театра. Давно уже далекая от его проблем, в последние годы узнаю о них только из прессы и на заседаниях совета по культуре при облисполкоме, членом которого являюсь. Обращаюсь к вам с этим письмом, чтобы рассказать о глубоко возмутившем меня случае.

Недавно у меня на работе раздался телефонный звонок. Звонил Алексей Часов, который, как я поняла, работает в газете «Балашовец». «Как ты относишься к Гринберг?» — был первый его вопрос. С изумлением узнала я о цели звонка. Полагая, что мое многолетнее отсутствие в театре вызвано испорченными отношениями с Р. М. Гринберг, мне хотели предложить выступить против нее на совете трудового коллектива 29 ноября. Очевидно, это не было личным порывом Алексея, ибо звучало: «Мы думали... Мы хотели предложить... Мы считали...» Я не знаю, кто эти «МЫ». Но я убеждена, что праведные дела, в праведности которых человек уверен, не совершаются бесчестным путем. Даже если бы я находилась в самом непримиримом конфликте с Региной Михайловной, я никогда не пошла бы на такое выступление. Для меня

и многих моих друзей театр был школой — школой гражданственности, правды, открывшей нам глаза на мир, определившей жизненную позицию. Но театр — не только благодарная память о прошлом. Главное — та роль, которую он призван играть в настоящем и будущем, закладывая будущее в настоящем. Ведь театр сейчас формирует личность — и не только актеров, но и зрителей — молодых, от которых будет зависеть уровень нравственности нашего общества. И эта отдача неизмеримо выше быстренько, уже назавтра полученного хозрасчетного рубля.

Если же вернуться к настоящему, то явное стремление выжить театр из дома (что равноценно его гибели) вызывает у меня опасение как симптом, имеющий более глубокий смысл. Молодежный театр — один из немногих в стране, где правда Искусства и искусство Правды жили даже в самые непригодные для них времена. Но даже тогда его не удалось закрыть, хотя таких попыток было не одна и не две. И вот, оказывается, театр не вписывается и в нынешнюю эпоху прогрессивных перемен. И отделаться от него можно иным ходом — не сверху, а организовав целое движение, не брезгуя при этом приемами, до боли знакомыми».

Т. А. КИМ,
зам. директора
художественного музея».

Шестидесятые — семидесятые годы театра его ветераны называют «эпохой Тани Ким». Личность совершенно исключительная: блестящая актриса, блестящий переводчик, блестящий искусствовед. Человек абсолютно черно-белых представлений о чести: есть «честно» и есть «нечестно» — без оттенков. Умна. Красива. Справедлива. Талантлива. Упряма как осел. У таких обычно не задаются ни личная жизнь, ни карьера. Таких начинает востребовать наше время. Таких всегда вылавливал Ивановский театр, как магнит чистокровную иглу из стога сена.

Чрезвычайно характерно, что именно к Татьяне Ким обратился люмпен (не персонально газетчик Часов, или директор фабрики Зяблов, или парторг Пичугин, или там комсорг, СТК, и уж, конечно, в последнюю очередь я адресуюсь лично к бойкой певунье, которой до лампы и театр, и клуб, и Высоцкий, и даже Голубева В. Н., член ЦК, потому что молоденькая прядильщица, проживающая в женском общежитии женской фабрики, горюет об одном, вернее, о двух: об заработать на сапоги и об выйти замуж). Чрезвычайно характерно, что люмпену взбрело призвать под свои знамена не больше не меньше, как аристократку Таню Ким, ибо люмпен не может ощутить разницы между нею и комсомольским вожаком Людмилой Ш.

Потрясающее единство методов! Ну вот не сопоставимо, а как не сопоставить, как не вспомнить историю, рассказанную Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, о том, как «органы» предложили ему квартиру в обмен на подпись против другого академика — Сахарова.

А может, всё они ощущают и понимают, эти бедовые ребята, и для них есть особый, дополнительный кайф — обротать аристократа? Приравнять, чтоб не маячил...

Досадно, конечно: предательство в одном случае Лихачева, в другом случае — Татьяны Ким выглядело бы изумительно эффектно. Но что поделаешь. Тем более отдельные упрямцы на сценарий принципиально не влияют. Всегда найдется кто посговорчивее. И имя им — легион. Толпа. «Охлос» — подревнегречески. Охлократия — власть толпы. Может быть, главная опасность, которой чревато наше время. Торжество люмпена. Конец культуры.

Театр в Иванове поставили в зависимость от одураченных девочек-лимитчиц из женского общежития. Женские общежития, которые образуют в Иванове целые районы и, в частности, населяют район Зубковского двора, создают свой климат, свои проблемы, которые лежат совершенно в иных плоскостях, чем «искусство Правды и правда Искусства». Вот она сидит: живот — под шалью, муж — в армии; кроме нее, у матери еще семеро. Родит — здесь и останется с ребенком, дома места нету. А муж вернется — вообще непонятно, придется, наверное, врозь, как вот Азиля со своим армянином: уж пареньку третий год, а пожениться родители не могут, так ходят. Он зовет ее к себе, в Армению, а она боится. Господи, трагедии же, у девок жизни ломаются, все наперекосяк, дети, как трава, пропадают, а их, рабочего класса, именем истребляют театр, с которым они живут просто на разных планетах.

Когда народ бедует, его очень легко натравить на любого, кто на данном отрезке времени и места объявлен врагом. На «буржуя». На еврея. На интеллигента. На — иного.

А там уж дело техники: посадили на шею театру директора из сельского клуба, отобрали у Регины Гринберг право распорядителя кредитов, отключили отопление. Фотографии, которые вы видите, сняты при температуре 4 градуса (спасибо, плюс); я сидела в зале в шубе. Как в блокаду.

И снова прозвучало это ставшее привычным в лихую перестроечную годину слово: «Вопросы защиты храмов — и религиозных, и культурных — в нашем городе можно решить только... моральным террором ГОЛОДОВКИ, которую провоцирует моральный террор властей предержащих». (Из письма худсовета в облсовпроф и облисполком.)

Написано в мае. В те самые дни, когда в редакцию пришла Лариса Гулиева, обвела нас загнанным взглядом и вежливо сказала: «К кому можно обратиться? Я из Пятигорска. Понимаете, у нас в театре — голодовка».

Все — другое. Весна, цветение, абрикосы. Ярусы улиц, террасы скверов, мерцающая, пористая, бисквитная южная архитектура. Машук. Бештау. Лермонтов. Кавказ.

И все — то же. Видео, видео, видео. Во всех смыслах пустой театр музкомедии, разделяющий убогую судьбу всех курортных увеселений. «Проститутки, наркоманы»,— как поют в одном капустном театре на мотив «Комсомольцы-добровольцы». Всё, конечно, с поправкой на географию. Не столько пустыри, сколько парки и закоулочки; и в кабаках стреляют; убийц не находят, да и не ищут; различают армянскую, греческую, кабардинскую мафии. Градус национальной розни держит в напряжении весь город. «Взрывоопасная ситуация на любой момент,— замечает предисполкома В. Я. Латцердс.— При нашей нищете... Люди без воды сидят, в таких хибарах живут, страшно зайти! Больницы, диспансеры все разрушаются, строить некому...» Курорт, вóды. Здравница. А вот и он — десятиэтажный вождь напротив исполкома. Фигура вместе с лестницей во всю длину склона холма стоила хорошего блочного микрорайона. Отовсюду видать. Однажды народ (в неистребимом жизнелюбии) вложил ему в руку авоську с водочными бутылками и плакат: «Мы хотим пить!»

Есть, правда, рядом с исполкомом отличная, даже роскошная библиотека. Но это — подарок. Ее построил на свои деньги почетный гражданин Пятигорска Сергей Михалков.

У театра-студии «Ступени», как и у двух других нищих и бездомных театров-студий, таких денег нет. Собственно говоря, вся труппа «Ступеней», включая режиссера Ангелину Айрапетову, полезла в свой театральный роман вообще без всякого представления о деньгах, что выяснилось на кратком коллоквиуме в исполкоме. Молодой директор студии, заторможенный после голодовки, Эдуард Лобода был вконец деморализован лекцией Сергея Кургиняна о таинстве балансового счета. А я, слушая своего старого знакомого, президента ассоциации театров-студий, думала о том, что успехи Кургиняна, помимо театра «На досках», совершенно не зависят от его серьезного режиссерского класса. Гораздо важнее, что он по первому образованию — математик, а по призванию — политик. Мгновенно просчитав все ходы и затраты, он как дважды два объяснил присутствующим сторонам, что театру ничто не грозит, что исполком заинтересован, у спонсоров свой коммерческий интерес, и с ними ухо востро, СТД поможет, а труппе следовало бы не голодать, а почитать юридическую литературу. С тем Сергей Ервандович уехал, а театр и исполком остались.

Осталась сырая развалюха с отключенными коммуникациями, вся труппа кашляет, Лариса Гулиева в настоящий момент лежит в больнице с легочным обострением. На мой вопрос, можно ли отрезáть воду, свет, отопление в доме, где есть еще живые люди, мэр Латцердс дружелюбно ответил: «Да, так делают. Дом-то под снос». «Но люди!» — настаивала я. «Ну, что ж — люди. Им предложено уйти. Это ведь получается самовольный захват. Ответственности за них никто не несет». Нет, товарищ не понимает. Дело ведь не в ответственности. Дело в том, что люди — живые. Труппа театра и еще одна женщина с ребенком — мать-одиночка без прописки. Но, правда, живая. Но — без прописки! «Так делают»,— заверил меня мэр, когда из дома выбрасывали с милицией ее вещи. Да, мне известно, что делают. Вопрос-то в другом...

Сергей Кургинян раздраженно заметил: «Миллион студий! Все кричат, что они — театр! Между тем нас, ТЕАТРОВ, не больше десятка. Остальные — паразитируют!»

Да — Розовский, Кургинян, Беляковичь, да — Озеров во Львове, Морозов в Челябинске, Гринберг в Иванове. Но и сотни других, я говорю об этом с уверенностью,— тоже да. Конечно, театры отличаются друг от друга мерой таланта. Далеко не все из них совершают прорывы в новое качество искусства. Но почти все противопоставляют своей провинции иное качество жизни. Во имя чего они мерзнут, далеко за полночь добираются домой, забирают время у сна, у семьи? Едут из Москвы — в Иваново, из Ленинграда — в Пятигорск? Зачем?

Я бы никогда не поверила, что в нищенской низкой комнатенке, где на ящиках «паразитируют» «Ступени» — ступеньки-то вниз, в подвал, не в поднебесье к Ленину,— что здесь можно ну хотя бы работать. Но собрались, размялись — и без зрителей, без света сыграли два отрывка,— и я перестала видеть трещины в стенах и слышать, как в банку капает вода.

В городе стреляют. Разруха. Нет воды. А они играют. И еще объявляют голодовку из-за того, что им не дают играть. Не дают разыгрывать из странной, не нашей жизни после атомной войны или из жизни итальянских актеров и итальянской курортной публики...

Может быть, ради того, чтобы устоять против маразма, клубящегося даже в солнечные дни, когда открыта вершина Машука?

...Плохо в Пятигорске старикам. Бедно, голодно, скучно. Они собираются на партсобрания в ДЭЗе, приглашают корреспондента и мучают меня похабными россказнями о том, как в подвал студии заводят двенадцатилетних девочек и там, сами понимаете... И все, конечно, своими глазами. Целое движение ветеранов организовано против «Ступеней». Рабочих-то в Пятигорске немного, профиль другой: курорт, здравница. Вóды.

Профиль другой. Синдром общий.

■

ГИПСОВЫЙ ДЕМОН, ИЛИ КАК НЕЛЕГКО БЫТЬ КОНСЕРВАТОРОМ

Начало на стр. 6.

кретарем почти четыре года, но, представь, мы с ним не имели и пяти минут нормального разговора о жизни газеты. Он совершенно закрыт для диалога. Ему слушать неинтересно...

— Ни отдельного человека, ни коллектив, с каким он не пожелал объясниться недавно, когда последние бунтари — собкоры попытались сохранить газету для всей России. Начиналось отторжение. Он обходил, даже завидя в коридоре, человека, который уже самим видом, не только материалом, мог его расстроить. Но и те перестали к нему тянуться...

— Ты права — могли расстроить, вывести из оцепенения. Скоро он в чем-то стал похож на старого Брежнева, которому ничего дурного не докладывали, оберегая его покой, боясь вызвать гневное неудовольствие. Он даже перестал «перечитывать Ленина» — то есть быть на полосе. Политическое писание нынче чревато... Впрочем, это отдельный разговор — читатели и интерпретаторы Ленина.

— Есть еще одна капля в чаше разочарования своим кумиром — а от этого я не отрекаюсь: почему Главный ни разу не приблизился к драме своего героя — к человеческой драме Ильича, заживо похороненного в Горках?

— Потому что и на это нужно мужество — защитить сегодня Ленина. Но и сострадание, чтобы эту драму прочувствовать.

— А ты знаешь, что на заседаниях редколлегии и по сей день подсчитывают успехи газеты, хвалят номера, особенно при нем. Считается, что все идет хорошо. Тотальный самообман! Но это тоже чревато: он опустошает. В ходу дикое количество анекдотов, шипение в спину того, кого недавно боготворили. Похоже, его перестали бояться... Помню, была в командировке на Северном Кавказе, в лермонтовских местах. В парке увидела грот, чугунной решеткой загороженный. Мальчишки сквозь прутья суют палки, дразнят кого-то. Заглянула — а там падший демон: гипсовый, раскрашенный. Краска облупилась. Поверженных кумиров заманчиво дразнить, пугать, тыкать палками. Скажи, наш этот опыт, такой трагический, в общем, может пригодиться другим?

— Сейчас «Советская Россия» — это прежде всего большой урок. Он мало показал? Это и пагубность ориентации на какую-то одну фигуру, одну догму, на монолог. Видно и то, как отказ от себя, отречение от выстраданных принципов — для газеты нашей этим принципом была народность,— неизбежно приводит к вырождению, краху...

Еще один из уроков в том и состоит, что ничто не вечно под луной. Оказывается, газеты и журналы живут своей жизнью и умирают — как люди. Это только швейцары при газете могут говорить — все уходят, а газета остается!

— Каждый взгляд в прошлое — это укол в сердце,— сказал поэт. У меня ощущение, что все, связанное с этой газетой,— огромная заноза в душе. И о том жалею, что настолько разрушились человеческие отношения там, внутри редакции, что говорить об этой боли стало можно, только выйдя за ее пределы. Мы с тобой уже не первые, но, думаю, и не последние, кто решился на этот разговор. А поймут ли нас? Догадаются ли, что мы с тобой все-таки не те мальчишки, что палками дразнят демона, который уже не страшен? Просто, у кого что болит...

Александр МИНКИН

НЕХОРОШАЯ КВАРТИРА

СЦЕНЫ 1990 ГОДА

ДАМЫ ОБНАРУЖИВАЮТ ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ

Депутаты райсовета Галина Хованская и Арина Кожина, просматривая на компьютере данные жилого фонда, обнаружили черные дыры в доме № 1 по улице Александра Невского. Судя по показаниям компьютера, в этом доме нет квартир № 25 и № 38.

Майор милиции. Это господский дом.

Депутат Воробьев. 80 проц. квартир этого дома заселено с нарушениями закона.

ПОМОГИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА

Заместителю председателя исполнительного комитета Московского городского Совета народных депутатов т. Рудакову А. В.

Многодетная семья доктора физико-математических наук Хлопова М. Ю. ... в комнате площадью 15,5 кв. м ... непригодной для проживания... срок истек в 1989 г. ... Хлопов М. Ю. осуществляет в настоящее время научное руководство... утвержден ученым секретарем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Космология и микрофизика»... утвержден содиректором Международного проекта АСТРОБЕЛИКС... и директором подпроекта Е8-1 международной организации Всемирная лаборатория... Эти обязанности... требуют условий для научной работы... Учитывая вышесказанное, прошу...

Вице-президент Академии наук СССР, президент отделения Всемирной лаборатории в СССР академик Е. П. Велихов.

В исполком Моссовета

Невыносимые жилищные условия... серьезные трудности в работе. Семья Хлопова М. Ю. из 5 человек... на площади 15 кв. м, признанной СЭС Фрунзенского района непригодной для проживания... В связи с тем, что указанный срок истек в прошлом году, настоятельно прошу ускорить решение жилищной проблемы семьи М. Ю. Хлопова в соответствии с действующим законодательством.

Председатель Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Космология и микрофизика» академик А. Д. Сахаров.

ОРДЕР

Понимая, что, хотя вместо квартир № 25 и № 38 в компьютере черные дыры, эти квартиры все же существуют, исполком Моссовета выдает Хлопову ордер № 509772 от 25 октября 1990 года «на право занятия жилплощади по ул. Ал-ра Невского, дом № 1, кв. № 25, из трех комнат, жилой площади 49,8 кв. м». На обороте ордера сказано: «Настоящий ордер является единственным основанием для вселения в предоставленное жилое помещение».

НАЧАЛЬНИК РЭУ ЛЮБОВЬ СВИРИДОВА (ХЛОПОВУ)

Ключ вам не дам. Квартира № 25 занята. Квартплата поступает регулярно. (Предъявляет ордер № 7746 серии ЕЕ, выписанный на Управление делами ЦК КПСС 17 марта 1988 года.)

Хлопов. Ордер на организацию незаконен.

Свиридова. Ключ не дам.

ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ

Срок ордера истекал. Все цивилизованные средства не дали результатов. Управление делами ЦК КПСС на звонки и телеграммы не отвечало. Максим Хлопов в присутствии депутатов, милиции и общественности взламывает дверь.

В квартире № 25 много хороших вещей. Телевизор, видео, ящики с вином, холодильник набит деликатесами, блоки сигарет. Шкафы, диваны, фарфор, хрусталь...

Немедленно в присутствии депутатов и милиции производится опись вещей.

ЯВЛЕНИЕ ЧЛЕНА ЦК

Вечером в квартиру приходит господин Янис Мавроматис. Он в ужасе от взлома. Кричит, что это его квартира, что он платит за нее 800 долларов в месяц. По словам господина Мавроматиса, он член ЦК компартии Греции, 20 лет сидел там в тюрьме, а теперь он работает в Москве президентом фирмы «Век».

Фирма «Век», по уверениям г-на Мавроматиса, намеревалась снабжать Москву дешевыми продуктами и товарами, но теперь — ни за что.

Звонит по телефону, взывает о помощи. Появляется молодая девушка по имени О. с хорошей фигурой. Просит разрешения взглянуть на ордер. Прячет ордер, как говорили мушкетеры, за корсаж. При ее данных это действие заставляет мужчин на секунду забыть о скандале.

Продолжается опись вещей. На простынях застеленной кровати штампики «Высшая партийная школа» (пошляк бы добавил: верховой езды).

ГОСПОДИН НА ЧЕРНОМ «ВОЛЬВО»

На черном «вольво» приезжает инспектор Управления делами ЦК КПСС товарищ Н. А. Муравлев.

Муравлев (стыдя собравшихся). Нехорошо, друзья, нехорошо. С «фомкой» нам правового государства не построить! Нехорошо, друзья, нарушать социалистическую законность. Ведете себя, как Швондеры. Сидите на ценных чужих вещах! (Вместо того чтобы слушать товарища Муравлева стоя, депутаты сидели на креслах ЦК КПСС. Поясним: вино, сигареты, деликатесы — греческие; кресла, шкафы, шторы, кровати — цековские; простыни — судя по штампу — школьные.)

Товарищ Муравлев ведет непродолжительные тихие переговоры с девушкой О. После чего из-за корсажа извлекается ордер и возвращается советскому ученому Максиму Хлопову, а девушка О. исчезает, прихватив один из чемоданов.

ГРУБИЯН ИЗ ГОСТИНИЦЫ ЦК КПСС

Спозаранку в квартире появляется Владлен Александрович — диспетчер гостиницы «Октябрьская», принадлежащей Управлению делами ЦК КПСС, чей буфет славится исключительно дешевыми деликатесами.

Владлен Александрович. Я здесь хозяин. А ну-ка, покиньте помещение! (Обращаясь к Виктору Кузину — депутату Моссовета, заместителю председателя Постоянной комиссии по законности, правопорядку и защите прав граждан.) Я тебе в морду дам! Я тебе дам по очкам! Я тебе дам по рогам!

В промежутках между этими обещаниями Владлен Александрович обходит присутствующих, опрашивая их насчет партийности и национальности. Копию магнитофонной записи этой сценки редакция может дать послушать.

Никаких документов, подтверждающих право грека Мавроматиса занимать данную квартиру, ни он сам, ни товарищ Муравлев, ни грубый Владлен предъявить не могут. Ни прописки, ни квитанций об оплате — ничего.

БУХГАЛТЕРИЯ

Корреспондент. Скажите, пожалуйста, какую сумму получали вы в уплату за квартиру № 25?

Бухгалтер РЭУ. Одиннадцать рублей.

Корр. А не восемьсот долларов?

Бухгалтер. Вы что?! Да вы что?! Одиннадцать рублей! Вы кто? Я с ума сойду!

Вячеслав Гуменюк (помощник народного депутата РСФСР, секретарь общества избирателей Фрунзенского района). Не волнуйтесь.

Бухгалтер. У нас счета! У нас платежки!

Корр. По рыночному курсу 800 долларов — это 16 000 рублей.

Бухгалтер. Я умру!

МИЛИЦИЯ

Корр. Скажите, надо ли прописываться иностранцу, если он не турист, не живет в гостинице?

Майор милиции. Конечно. Если свыше трех суток — надо прописываться. А он что? Снимает у кого-нибудь?

Корр. Ага.

Майор. Интересно, интересно, а по какому адресу?

Корр. Да так. А что?

Майор. Да так. А все же адресок бы — интересно.

Корр. Александра Невского, 1.

Майор. Там Дасаев живет, дочка Ельцина... Там никто не сдает.

Корр. Почему?

Майор. Господский дом.

С ДРУГОГО БЕРЕГА

Белый дом.
Вашингтон. 13 июня 1990

Дорогой профессор Хлопов... Вы можете поэтому рассчитывать на мою помощь в деле поддержки любой инициативы как в рамках Объединенной комиссии по фундаментальным исследованиям, так и в рамках более старого Совместного комитета по исследованиям фундаментальных свойств материи.

Очень благодарен за высланную мне копию публикации, озаглавленной «Перспективы развития фундаментальных исследований по проблеме «Космомикрофизика» в СССР». Как вы отмечаете, Комитет Бакала в Национальном совете исследований в настоящее время заканчивает работу над программой по астрономии и астрофизике в Соединенных Штатах, и я уверен...

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш

Д. Аллан Бромли, помощник Президента по вопросам науки и технологии.

Корр. Максим, вам не приходилось принимать американских ученых у себя в 15-метровой, неотапливаемой, с тремя детьми?

Хлопов. Да как-то не случалось.

Корр. Максим, вы не собираетесь переехать в США?

Хлопов. Нет. Хотя проблемы бы не было. Мой коллега уехал недавно, получает 90 000 долларов, живет в трехэтажном особняке.

Корр. Максим, вы не собираетесь выходить из партии?..

МИЛИЦИЯ, ПАСПОРТНЫЙ СТОЛ. 14 НОЯБРЯ 1990

Начальник. Нет, мы вас не пропишем.

Хлопов. Почему?

Начальник. На квартиру № 25 есть два ордера: ваш и ЦК КПСС.

Хлопов. Их ордер незаконный.

Начальник. Подождем, что решит суд.

ПРОКУРОР — ПОПОВУ

Уважаемый Гавриил Харитонович! В прокуратуру города поступила информация управляющего делами ЦК КПСС т. Лещинского В. П. о самоуправном вселении в кв. № 25 в доме № 1 по ул. А. Невского. По его сообщению в указанной квартире на законных основаниях проживала семья гражданина Греции Мавроматиса. Установлено, что самовольному вселению в эту квартиру способствовали народные депутаты Моссовета тт. Кузин, Лысенков, Икищели, а также ряд народных депутатов Фрунзенского райсовета... в судебном порядке... в силу Закона... самоуправными действиями... доследственная проверка... необходимых мер.

Зам. прокурора города Москвы Г. С. Пономарев.

ПРИМ. АВТОРА. Ордер ЦК КПСС — «законное основание». Ордер Моссовета — «самоуправство».

УВЕДОМЛЕНИЕ ДЛЯ ГОСПОД АРТИСТОВ, ЖЕЛАЮЩИХ КАК СЛЕДУЕТ СЫГРАТЬ «НЕХОРОШУЮ КВАРТИРУ»

Не горячитесь, будто это исключительное происшествие. Напротив — играйте обыденно, ибо явление рядовое, квартир таких много. В том же доме есть № 38, ордер на которую дали ветерану с семьей, а он не дождался — умер. В квартире 38 сын ветерана обнаружил запакованные вещи, на ручке чемодана — этикетка: «Нетяга Л. И.— делегат XIX партконференции от узбекской делегации. Гостиница «Россия», № 123».

Артисты, исполняющие роли депутатов-взломщиков, не должны слишком обижаться на грубые слова артистов-цекистов. Надо все время помнить, что народ и партия едины. Если артисты будут думать о сотнях тайных квартир и тысячах бездомных людей, они слишком возбудятся и утратят приличия. Играть надо спокойно, давая понять публике, что если и завтрашнего академика не пускают в господский дом, то простой народец может не беспокоиться.

И последнее. Артистка, играющая девушку О., не должна быть слишком красива. Глядя на нее, даже дурнушки должны верить, что и у них есть шанс. Надо только правильно питаться, чтобы кожа была хорошая.

ПОХОРОНЫ СТАЛИНА

Автор сценария и режиссер Евгений Евтушенко.

Оператор-постановщик Анатолий Иванов.

Художники-постановщики Борис Бланк, Илья Амурский.

Музыкальная импровизация Поль Уинтер, Игорь Назарук.

В главных ролях: Денис Константинов, Евгений Платохин, Ванесса Редгрейв, Альберт Тодд, Алексей Баталов, Марина Калиниченко.

Евгений Александрович Евтушенко снял фильм «Похороны Сталина». Трудно судить, какую полочку займет эта лента, это не важно. Нам некогда думать об этом. Сейчас время думать только о себе.

Месяц март, пятьдесят третий год, смерть И. В. Сталина, снег, люди, разные люди, уже просыпающиеся, проснувшиеся, ждущие, уже чувствующие губы обезвоженными, тело истерзанным, жизнь искалеченной, а настало время похорон, и все едино, как дети, гурьбой бросились вниз по бульварам на Трубную площадь, в смертную тесноту, на мертвые морды грузовиков, в толпу, в самоудушье, в губительное ослепление, в неволю,— лишь только из-за того, чтобы увидеть похороны.

Смерть человека намного сильнее жизни человека. Она успешнее сплачивает людей. И поэтому самое страшное преступление И. В. Сталина, что он умер. И мы в это поверили.

Мы поверили, что остались одни. Что стали другими. И чуть не умерли от этого. И можем еще умереть.

После похорон дышать не стало легче, и люди продолжали падать и вымирать в безликой давке, и мы решили, что просто сменила русло река и вымыла опять эти ненавистные кости, и мы побежали снова, густея на бегу, шумной, сопящей, сопливой, животной, жаркой лавой за своей забытой до нашего рождения свободой, чтобы увидеть эти похороны и стать людьми, и — опять сбились в стадо, и ломаем ребра слабым и немощным, и ставим друг друга на колени.

Если вам не дает покоя расставание с телом И. В. Сталина, то пора успокоиться — тело в земле, а земля, труженица и матерь наша, забирает всех одинаково под теплые два метра, в чистый песок, и даже если добрый гроб, худое тело и следы бальзамирования, все равно — достанут и коснутся капельки воды, а вслед личинки мух, и начнется неспешная работа и через десять лет уже только скелет в чинной позе, кости, а потом и кости желтеют, темнеют, тяжелеют и рассыпаются от прикосновения, гниют гробовые доски, тлеют парадные одежды. Сохранятся только железячки да кожаная обувь, если не в тапках. И хватит поэтому давиться толпой в истериках, спорить с пеной о любимых марках вин, психическом здоровье, качестве ткани парадного мундира и вопить, что в похоронах наше спасение. Человека по имени Сталин нет. Все, что осталось от него,— железячки, зубы, ремешки и мы. Можно утопить надгробие в плевках, бросить кости бродячим собакам, раздробить череп жерновом и прах запулить на Луну, все равно ни капли крови не воротишь, он останется жив, пока живы мы.

И он жив, пока мы жестокая в давке и слюнявая в жадности толпа, беснующаяся на бесконечных похоронах, пока мы ревем в угаре совершенно правильных и совершенно противоположных речей, не слыша человеческой тихой боли, голосуем и живем назло и топчемся по живому, безродные и жалкие, безжалостные, как дети в садике,— придет мама и заберет меня отсюдова, не видящие, что ума, чести и совести в отсутствии партбилета совсем не больше, чем в присутствии его, готовые опять до основания все разрушить, все страдавшие, оказывается, все понимавшие, все сочувствовавшие, все боровшиеся и поэтому теперь смело орущие в небесную пустоту миллионоголосым ревом: кайтесь! кайтесь! полнее! точнее! за все! поименно! И не видно ни единой души, чтобы полезла на бочку и сказала, шепнула бледными губами в запнувшиеся пасти: «Я человек этой земли и виноват во всех страданиях и несправедливостях этой земли. Я каюсь, я виноват». И так каждый, каждый, каждый, в тишине квартир, в беспощадности одиночества шептать заветное: «Я человек. Пока я человек — я виноват перед всеми. Только поэтому я человек».

Почему-то хоронят пышнее, чем празднуют рождение. Будто мы все чего-то ждем от чужой смерти, нового, тайны освобождения.

Хватит бросать в бездонную могилу твердую землю из-под своих ног, нам есть в чем каяться, но нам не за что себя презирать. Надо выстоять в толпе, сберечь души живого народа великой страны, чье величие не в миллионах тонн стали, а в умении прощать и самоочищаться, и болеть душой своей, в доброте. Надо подождать, пока вырастут чистые дети, надо смириться с тем, что мы на перевернутой странице и главная наша забота — не затоптать на собственных похоронах детей, которые будут чисты потому, что осенний дождь и кровавый дождь дают один — зеленый — всход, земля выдержит, поможет. Давайте уйдем с Трубной по домам, пускай хоронят без нас, пускай мертвое умирает.

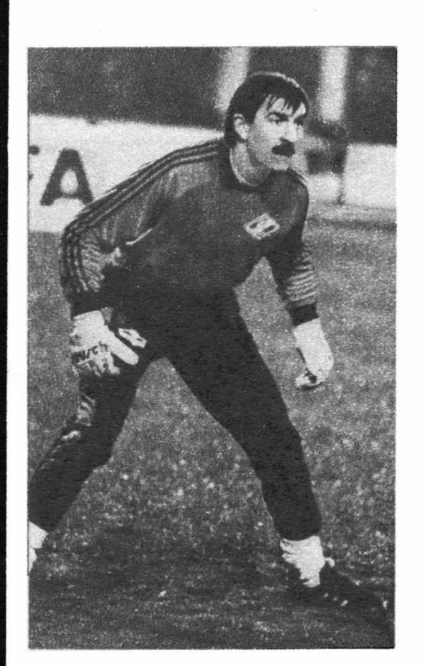
Мне трудно судить о художественных достоинствах фильма «Похороны Сталина». Но если ему и суждено занять золотую полку в истории мирового кино, то во многом потому, что в нем была самая большая массовка на протяжении самого длительного времени,— мы, всю жизнь.

Следите за рекламой ваших кинотеатров!

Александр ТЕРЕХОВ.
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

СТАНИСЛАВ ЧЕРЧЕСОВ — ВРАТАРЬ ГОДА

Подведены итоги традиционного огоньковского конкурса «Лучший вратарь». Второй раз подряд лучшим голкипером сезона болельщики назвали вратаря московского «Спартака» Станислава Черчесова. Мы рады, что наши читатели — любители и знатоки футбола,— как и в прошлые годы, приняли самое активное участие в определении победителя конкурса. В редакцию поступило несколько тысяч писем и открыток с пометкой «На конкурс «Лучший вратарь», вызвавших немало споров среди членов редколлегии «Огонька» — также азартных болельщиков и любителей футбола. Напоминаем, что и в девяностом году «Огонек» оставил право решающего голоса за вами, дорогие читатели.

Голоса болельщиков распределились следующим образом:

С. Черчесов — 4386 читателей;

Д. Уваров — 3842; В. Чанов — 1035.

Мы благодарим всех, кто прислал нам свои открытки, и от всей души поздравляем победителя.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Опера А. Н. Верстовского. 8. Русский писатель. 9. Хищная птица семейства ястребиных. 11. Единица исчисления времени. 12. Химический элемент, металл. 15. Город в Ошской области. 18. Современный американский бальный танец. 19. Приток Терека. 20. Летательный аппарат легче воздуха. 21. Высокий мужской певческий голос. 22. Курорт в Армении. 24. Перевал в Болгарии, в горах Стара-Планина. 25. Крупная морская рыба. 27. Ценная бумага. 28. Озеро в Канаде. 31. Один из проливов, соединяющих Балтийское и Северное моря. 32. Разрешение на ввоз или вывоз товара.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Основание, довод. 2. Французский живописец-пейзажист. 3. Ученое звание и должность преподавателя вуза. 4. Архитектурно оформленный вход в здание. 5. Прибор для коррекции зрения. 6. Занавес на двери или окне. 9. Академик, основатель научной школы агрохимии, Герой Социалистического Труда. 10. Греческий писатель, лауреат Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 13. Прыжок в балете. 14. Северная полярная область Земли. 16. Стадо овец. 17. Свод правил, положений. 21. Остров в Вест-Индии. 23. Подражание, подделка. 25. Стихотворение А. С. Пушкина. 26. Химический элемент, лантаноид. 29. Мысль, замысел, намерение. 30. Приток Урала.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Государство. 6. Петлица. 7. Ножовка. 9. «Даиси». 10. Пула. 14. Шуга. 16. Аудитория. 19. Проректор. 21. Врач. 23. Баян. 26. «Татра». 27. Клиника. 28. Платина. 29. Культивация.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рулада. 2. Маркизет. 3. Есенин. 4. Гильза. 5. Околыш. 6. Подполковник. 8. «Аппассионата». 11. Лунгха. 12. Луфарь. 13. Диплом. 15. Удочка. 17. Изер. 18. Омск. 20. Евстахий. 22. Чеснок. 23. «Братья». 24. Статья. 25. Лаплас.

ТЕХНОСАТ

И ВАМ ОТКРОЕТСЯ ВЕСЬ МИР

АССОЦИАЦИЯ СПУТНИКОВОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ ТЕХНОСАТ — МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, КОНСТРУКТОРСКИХ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ С ЦЕНТРОМ В МИНСКЕ.

АССОЦИАЦИЯ ТЕХНОСАТ РАЗРАБАТЫВАЕТ, ПРОИЗВОДИТ, ПРОДАЕТ И ОБЕСПЕЧИВАЕТ СЕРВИСНЫМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ СИСТЕМЫ ПРИЕМА СПУТНИКОВОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ВЕЩАНИЯ.

ТЕХНОСАТ
MTSAT

Наша продукция — системы ряда MTSAT — позволяет Вам круглосуточно принимать телепрограммы стран Европы, Азии и Америки.

Системы MTSAT сегодня — это:
— Сорок программ на экране Вашего телевизора.
— Электроника ведущих фирм мира
— 18 вариантов индивидуальных систем
— Сервис на территории всей страны
— Высокое качество при умеренных ценах
Все это гарантирует Вам ТЕХНОСАТ

Демонстрация действующих систем и консультации — на ВДНХ БССР в Минске.
Стоимость индивидуальных систем от 7 850 до 19 300 рублей, коллективных — в зависимости от количества абонентов.
Поставка за рубли и валюту производится по предварительным заявкам.

Заявки принимаем по адресу:
220036, Минск, а/я 124,
Научно-технический центр «Минск-техника»
при БГУ им. В. И. Ленина.
Телефоны: 34-02-55 (код 0172)
39-74-61
Телекс: 252116 MICO SU
Телефакс: (0172) 557841

